

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

ОПЫТ АСПЕКТНОГО АНАЛИЗА
РЕГИОНАЛЬНОГО
ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА
(на примере Белгородской области)

Коллективная монография

Белгород

2011

ББК 81.2Р-3(2...)

О-62

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Белгородского государственного национального
исследовательского университета

Авторы:

Т.Ф. Новикова – введение, глава 1, заключение

Н.Н. Саппа – глава 2, п.1;

Н.М. Голева – глава 2, п.3;

В.В. Дёмичева – глава 3, п.3;

Э.М. Левина – глава 4, п.3;

О.И. Еременко – глава 2, п.2

И.И. Жиленкова – глава 3, п.1, 2

А.И. Заикина – глава 4, п.1, 2

Т.В. Яковлева – глава 5

Ответственный редактор
доктор педагогических наук, профессор **Т.Ф. Новикова**

Рецензенты:

доктор пед. наук, проф. **З.П. Ларских**
(Елецкий государственный университет им. А.И. Бунина);
доктор пед. наук, проф. **Т.В. Самосенкова**
(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет)

Опыт аспектного анализа регионального языкового материала
О-62 (на примере Белгородской области) / кол. моногр.; под ред.
Т.Ф. Новиковой. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 228 с.

ISBN 978-5-9571-1454-5

Коллективная монография посвящена анализу проблем, связанных со становлением лингворегионоведения как самостоятельной области культурологического знания. В издании представлены основные направления исследования языка региона, осуществлен аспектный анализ репрезентативного для Белгородской области языкового материала, а именно: систематизирован языковой материал, представляющий диалектную лексику, местный топонимикон и ономастикон, осуществлен филологический анализ текстов белгородских поэтов, обобщена деятельность учителей, включающих действующие программы реализации регионального компонента по русскому языку в уроки и внеклассные мероприятия в начальной и средней школе, определены перспективы дальнейших исследований.

Издание адресовано преподавателям филологических дисциплин в вузах и сузах, учителям русского языка и литературы в школах, краеведам и всем интересующимся историей и современными проблемами своей «малой родины» – Белгородчины.

ББК 81.2Р-3(2...)

ISBN 978-5-9571-1454-5

© Коллектив авторов, 2011
© НИУ «БелГУ», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Актуальные вопросы теории и практики лингворегионоведения	10
1.1. Культурологический подход как методологическая основа концепции лингворегионоведения.....	10
1.2. Развитие идей лингвистического отечествоведения и краеведения	17
1.3. Учет специфики региона при определении векторов исследования и составлении краеведческих программ	23
1.4. Становление и перспективы развития лингворегионоведения как самостоятельного научного направления	33
1.5. Перспективные направления в исследовании и изучении языка региона	41
1.5.1. Актуальные направления и объекты исследования языка региона	42
1.5.2. Систематизация регионально актуальной лингвокультурной информации с помощью кластерного метода	47
Глава II. Исторические основы языкового своеобразия региона и исследование белгородских говоров	53
2.1. Исторические и этнические предпосылки языкового своеобразия региона.....	53
2.1.1. Белгородчина как регион	53
2.1.2. История заселения Белгородчины как причина ее языкового своеобразия	57
2.1.3. Начало исследований слобожанского (курско-белгородского) говора	62
2.2. Белгородские говоры как объект лингворегионоведения.....	65
2.2.1. Современные проблемы изучения диалектов	65
2.2.2. Дифференциация диалектной лексики	67
2.2.3. О говорах с украинской основой на территории Белгородской области	78
2.2.4. Фонетические особенности говоров Белгородской области	80
2.3. Лексико-семантические отношения в говорах Белгородчины	81

Глава III. Региональная топонимия	95
3.1. Задачи региональной топонимики	95
3.2. Исследование названий населенных пунктов Белгородской области.....	98
3.2.1. Названия населенных пунктов естественно- географического характера.....	98
3.2.2. Названия населенных пунктов культурно- исторического характера	106
3.3. Языковой портрет города в его названиях	115
3.3.1. Региональная микротопонимия	115
3.3.2. Эргонимы Белгородской области	118
3.3.3. Годонимы Белгородской области	124
Глава IV. Пространство родины в текстах белгородских поэтов	133
4.1. Номинации пространства Родины в белгородской поэзии	133
4.2. Гражданская позиция автора в текстах о родине	151
4.3. Топонимы как культурные маркеры пространства «малой родины»	168
4.3.1. Экспрессивный потенциал топонимической лексики	168
4.3.2. «Названья будто мастер все выстругивал...» (Топонимы в поэзии Центрального Черноземья)	170
4.3.3. Источники порождения топонимических номинаций	174
4.3.4. Географические номинации в лексикографической практике	176
Глава V. Дидактические аспекты лингворегионоведения	181
5.1. Понятие о лингворегионоведческой компетенции	181
5.2. Лингворегионоведческий подход как средство регионализа- ции языкового образования школьников	188
5.3. Текстцентрическая организация урока как средство реализации лингворегионоведческого подхода в преподавании русского языка	196
5.4. Содержание лингворегионоведческой работы в школе	199
5.5. Внеклассная работа как путь формирования лингворегионо- ведческой компетенции школьников	213
Заключение	224

ВВЕДЕНИЕ

Современный период развития лингвистики характеризуется поисками интегрирующих идей из различных гносеологических источников, зачастую являющихся внешними по отношению к самой лингвистике. Эта ситуация способствует формированию новых методологий исследований, открывает новые предметные области в филологии, стимулирует выдвижение гипотез, приводящих к формированию актуальных и эффективных направлений т. наз. «внешней лингвистики». Культура народа, история, обычаи, отношения между языком и общественными институтами, география распространения языка, языковые контакты – всё это оказывает влияние на развитие языка, хотя и является внешним по отношению к собственно языковой системе. Однако при этом обращение к внешним факторам способствует созданию особой «точки отсчета», отталкиваясь от которой можно обнаружить в языке принципиальные свойства, не вполне отчетливо видимые при внутреннем рассмотрении языка.

С развитием «внешней лингвистики» мы связываем возникновение и становление лингворегионоведения, в котором мы видим одну из возможных интеграционных моделей описания языка, направление, позволяющее исследовать родной язык через призму культуры.

Для решения актуальной проблемы, какой нам представляется формирование лингворегионоведения и установление актуальных для него исследовательских направлений, необходим анализ несистемного, неструктурированного, однако существующего и функционирующего в регионе языкового пространства, создание на основе теоретических обобщений системно-структурного образования, что позволит вести исследование разнопланового языкового материала в рамках единой концепции. Культурологическая концепция позволяет органично вводить в научно-исследовательский и образовательный процесс новые направления и области исследования, одним из которых может стать лингворегионоведение.

Исходя из того, что литературный язык противопоставлялся диалектному в течение длительного времени, а соотношение «литературный язык – региональный язык» возникло совсем недавно, вполне естественно, что явление, обозначаемое как «региональный язык» («региолект», «язык региона»), изучено значительно меньше, чем диалекты, и проблем, острых и нерешенных вопросов в этой области гораздо больше, чем в традиционных разделах языкознания. Уже одним этим фактом подчеркивается актуальность представляемого здесь опыта исследования языка региона.

Необходимость анализа и описания языка определенной местности несомненна, однако большинством ученых признается сложность как научной,

так и практической культурно-образовательной работы в данном ракурсе, что также свидетельствует в пользу обобщения результатов научно-исследовательской деятельности филологов, обращающихся в своих статьях и проектах к проблемам регионального функционирования родного языка.

Научная новизна и практическая значимость издания подчеркивается еще и тем фактом, что программы исследования региональных языков, тем более упорядоченное, системное описание особенностей языка Белгородской области как региона, отличающего культурно-языковым своеобразием, в литературе встречаются крайне редко; специальных работ, посвященных исследованию языкового своеобразия и анализу социокультурной ситуации приграничной Белгородчины, почти не отмечено, кроме разве что изданий общекраеведческого характера. Но те же краеведческие программы и проекты, к сожалению, редко попадают в поле зрения филологов, гораздо чаще их составлением занимаются историки, географы, краеведы-любители, которые, по понятным причинам, в своих работах не касаются языковых проблем. Существующее положение не способствует развитию регионального языкознания, формированию его научной базы. Отметим еще два факта: в «Белгородской энциклопедии» отсутствуют статьи, комментирующие собственно лингвистические явления и факты; в рекомендованном для общеобразовательных учреждений Белгорода пособии «Белгородоведение» даны сведения по истории, географии, экономике, культуре и литературе края, но не представлена даже в самом общем виде информация об особенностях южнорусского говора, о современной языковой ситуации в Белгородской области.

Системное описание феномена «региональный язык Белгородской области», обращение к анализу отдельных аспектов «внешней лингвистики» будет способствовать активизации исследования языковых проблем в нашем регионе, развитию регионального языкознания и, в конечном счете, – укреплению позиций лингворегиеоноведения как научной отрасли.

Региональный язык – неоднородное языковое образование, остро нуждающееся в уточнении границ, поскольку в нем представлены и нормированный литературный язык, и городское и сельское просторечие, и говоры и диалекты, распространенные на данной территории, и переходные явления (например, факты, свидетельствующие о перерождении былых диалектов в региолекты), социолекты, жаргоны, явления смешения и контаминации контактирующих русского и украинского языков (суржик) и др. Некоторые из названных явлений рассматриваются в данной коллективной монографии филологов Белгородского университета, ставшей результатом экспериментальной и методической работы временного научного коллектива БелГУ по одному из проектов Федеральной программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (РНПВШ) 2009-2010 гг.¹

Издание задумывалось с целью освещения и обсуждения актуальных вопросов лингворегиеоноведения как самостоятельной интегративной облас-

---

¹ Проект РНПВШ 2009-2010 гг. «Культурологическая концепция лингворегиеоноведения», № госрегистрации 0120095313

ти знания, установления современного состояния и степени изученности говоров на территории Белгородской области, систематизированного представления топонимических данных по региону, анализа поэтических текстов белгородских поэтов, обращающихся в своём творчестве к теме «малой родины», рассмотрения дидактических проблем, связанных с включением лингворегионального материала в процесс преподавания русского языка в учебных заведениях Белгородской области, описания уже имеющегося опыта лингвокраеведческой работы.

Книга не случайно имеет название «опыт аспектного анализа», так как она является первой попыткой описания и приведения в систему особенностей регионального языка; на ее страницах представлены лишь некоторые – их можно определить как первоочередные – проблемы исследования языка региона, осуществлен аспектный анализ репрезентативного для Белгородской области языкового материала. Диалектологическое, топонимическое, собственно филологическое (анализ текстов), методическое направления исследования языка региона определили структуру издания, поскольку являются наиболее перспективными для развития региональной лингвистики и должны учитываться при определении векторов исследования и составлении краеведческих программ.

Монография состоит из 5 глав. В каждой из глав отдельный лингворегиональный аспект рассматривается специалистами в данной отрасли знания. Изложение материала главы завершается выводами и обобщениями, списком использованной авторами литературы.

В первой главе «Актуальные вопросы теории и практики лингворегионоведения» проф. Т.Ф. Новиковой обосновывается культурологическая концепция лингворегионоведения, показывается развитие идей лингвистического отечествоведения и краеведения, лежащих в основе понимания языка как культурно-исторической среды, анализируется культурно-языковое своеобразие региона и обозначаются востребованные направления его описания, дается комментарий содержательной и технологической составляющей специальной интегративной дисциплины «Лингворегионоведение», намечаются перспективы дальнейшего изучения регионального языка Белгородской области.

В последующих главах внимание сосредоточивается на содержании диалектологического, топонимического, собственно филологического и методического аспектов лингворегионоведения.

Несмотря на бесспорный факт уникальности диалектной картины края, системное представление диалектной лексики и фразеологии по Белгородской области в лингвистической литературе практически отсутствует, диалектных словарей нет, имеются лишь немногочисленные статьи, в которых рассматриваются частные вопросы. Во второй главе монографии «Исторические основы языкового своеобразия региона и исследование белгородских говоров» представлен современный аналитический и иллюстративный диалектный материал. В 1-м разделе проф. Н.Н. Саппой освещена роль экстралингвистических сведений и межкультурных явлений в форми-

ровании языковой картины региона, поднята проблема сосуществования и взаимовлияния языков, определяющая специфику приграничных регионов, к которым относится Белгородская область. На сравнительно небольшой территории Белгородчины образовалось значительное число говоров, представляющих собой совокупность диалектных микросистем, каждая из которых смежно сосуществует с другими и имеет свою историю развития. Во 2-м и 3-м разделах доц. О.И. Еременко и доц. Н.М. Голевой дано общее представление о белгородских говорах, выделены и описаны тематические группы лексики, характеризующие разные сферы жизни и быта сельских жителей Белгородской области, установлены лексико-семантические отношения в действующих диалектных системах.

Топонимия – культуроносный пласт русской лексики, с помощью которого можно постигнуть систему миропонимания, ментальные установки народа. Обобщенные данные по региональному топонимикону представлены в третьей главе «Топонимия Белгородской области». Доц. И.И. Жиленковой на большом количестве примеров показано, что белгородская топонимия представляет собой особым образом организованную систему, соотношенную с местными географическими условиями и историей края. Поскольку в последнее время обострился интерес к географическим названиям, возникшим в послереволюционный период, к сведениям о причинах именовании и переименований, о значениях микротопонимов и локализмов, в последнем разделе «Языковой портрет города в его названиях» доц. В.В. Демичевой на эксклюзивном иллюстративном материале впервые исследуются годонимы и эргонимы г. Белгорода.

Современная белгородская поэзия – это своеобразный и по-своему уникальный художественный мир, имеющий сложную взаимосвязь между текстом и затекстовой действительностью – прошлой и нынешней реальной жизнью нашего края. Один из первых опытов концептуального анализа поэтических текстов известных белгородских поэтов представлен доц. А.И. Заикиной в четвертой главе «Пространство Родины в поэтических текстах белгородских поэтов». Автор-исследователь показывает, что созданная белгородскими поэтами семантическая модель ценностно-смыслового пространства России, локализуемого до пространства «малой родины», своеобразна и исполнена неповторимых деталей. Ряд белгородских топонимов и антропонимов осмыслен доц. Э.М. Левиной в качестве своеобразных региональных маркеров исследуемого лингвокультурного пространства.

Пятая глава «Дидактические аспекты лингворегиеоноведения» посвящена анализу проблем реализации лингворегиеоноведческого подхода в работе по русскому языку в школе, создания программ регионального компонента и формирования культуроведческой и региеоноведческой компетенции белгородских учащихся. Доц. Т.В. Яковлевой в главе проанализирован и обобщен опыт учителей по внедрению и апробации региональных языковых программ в начальной и средней школе. На конкретном лингводидактическом материале автором показано, что систематическое и последовательное включение в курс русского языка регионально актуальной языковой и вне-

языковой информации позволяет создать естественный «культурный фон» в обучении, развивает познавательную активность учащихся, приобщает к исследовательским методикам работы с языковым материалом.

Разумеется, мы осознаем, что исследования в данной области не должны сводиться к трем-пяти востребованным направлениям. В научной литературе должна быть представлена многоаспектность лингвистического «белгородоведения». Необходимы как дальнейшая разработка, углубление проблематики заявленных в монографии и – с той или иной степенью полноты – уже представленных направлений, так и освоение новых объектов исследования, определение перспектив развития лингворегионоведения.

В представленном опыте анализа регионального языкового материала пока не нашли отражения многие аспекты и объекты исследования: региональная фольклористика и этнолингвистика, фразеология и паремиология, социолингвистика и лингвокультурология и другие современные области исследования, что подчеркивает перспективность научного направления. Проф. В.К.Харченко в своих работах ставит перед филологами задачу организации «языковой поддержки социума в целом и регионального инновационного общества в частности», организации мероприятий по поддержке языковой культуры общества, что, по мнению ученого (безусловно, разделяемому и авторами монографии), требует «качественно новых лингвистических разработок». Ответом на этот «вызов времени» может стать разработка практикоориентированных проектов по развитию языковой культуры белгородцев, укрепление в регионе осмысленной языковой политики.

Перспективны для исследования языка региона социолингвистическое и лексикографическое направления, подготовка региональных диалектных и социолектных словарей. Следует активнее осваивать новые методы поиска и презентации регионоведческой информации: Интернет, видео- и электронные ресурсы. Создание межфакультетской лаборатории по анализу разных направлений лингворегионоведения Белгородской области, проведение конференций по данной проблематике, разработка и включение в действие тематического сайта «Язык Белгородского региона» обозначены в монографии в качестве «дальней перспективы» в исследовании оригинального языкового материала.

Глава I

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЛИНГВОРЕГИОНОВЕДЕНИЯ

1.1. Культурологический подход как методологическая основа концепции лингворегиеоноведения

Современный контекст научного знания в содержании образования характеризуется антропоцентризмом, интегративностью, в частности, интеграцией науки и искусства, науки и культуры. Одной из ключевых проблем осуществляемого в настоящее время реформирования образования является определение места и роли культуры в обучении и воспитании молодежи, поскольку без широкой культурной ассоциативности в восприятии явлений жизни может быть утрачена культурогенерирующая способность целых поколений. Содержание национального образования, отражая современные тенденции взаимодействия и интеграции различных культур, должно учитывать этнофакторы не только непосредственно в процессе обучения, но и в определении теоретических основ обучения. Современное образование, констатируют ученые, оказалось «беспомощным в трансляции и преобразовании ценностей духовных, в формировании и обогащении ценностей ментальных, в реализации своих, в конечном счете главных, культурообразующих и менталеобразующих функций...» [Гершунский 2001:46]. Действительно, в реальной педагогической действительности проблемы глубинных преемственных связей в культуре представлены слабо. В лучшем случае «нагружается память ученика, наращивается его эрудиция, но не происходит самого главного: реального включения молодого человека в контекст культуры <...>. В типичных для школы ситуациях игнорируется самое существенное – ценностное и смысловое наполнение содержания как обучения, так и воспитания» [Ямбург 2001:4-5].

Ценностное и смысловое наполнение как содержания образования, так и учебной деятельности на любом этапе обучения не должно игнорироваться при реализации самых современных педагогических идей и введении новейших технологий. В противном случае результатом образовательной деятельности будет прагматическая личность, лишенная духовно-нравственных идеалов, ориентированная исключительно на карьеру, на собственное благополучие, замкнутая на своих личных проблемах и равнодушная к общественным нуждам, к судьбе своей страны. Развитие России на современном этапе напрямую зависит от того, какими мировоззренческими установками и духовными ценностями, какой гражданской позицией

будет обладать вступающее в жизнь поколение. Пока идут поиски «национальной идеи», чтобы не получить в результате затянувшихся «поисков» очередное «потерянное поколение», нужно искать пути и формы влияния на развитие национального и гражданского самосознания молодежи, определять идеалы и нравственные ориентиры, по которым будет развиваться и развивается новая Россия.

В какой-то мере эти ориентиры обозначены известным педагогом Г.Н. Волковым в виде запоминающейся формулы: «Без памяти нет традиций, без традиций нет культуры, без культуры нет воспитания, без воспитания нет духовности, без духовности нет личности, без личности нет народа как исторической общности...». Очевидно, что только при условии неразрывности этой цепи: *память – традиции – культура – воспитание – духовность – личность – народ* – возможно сохранение самобытной отечественной культуры и на ее основе – сохранение государства. На наш взгляд, в этой цепочке недостает еще одного звена – *родной язык*. Д.С. Лихачев, говоря о «культуре народа, воплощенной в памяти языка», утверждал: «Сохраняя родную речь, обращаясь к историческим корням, народ тем самым сохраняет память о себе и своих предках». В этом убеждены и современные исследователи языка: «...Применительно к школьному образованию национальная идея должна выражаться в историко-культурном наполнении содержания образования...» [Ходякова 2004: 8].

Итак, с развитием постиндустриального информационного общества формируется новое культурное пространство, но «нет пока адекватной системы образования», что обуславливает «интенсивные поиски оптимальной модели образования, соответствующей складывающемуся типу культуры и отвечающей актуальным запросам современной цивилизации» [Запесоцкий 2002: 13]. Сложившейся ситуацией актуализируется поиск форм образования, способствующих более успешной социализации молодежи во время обучения в школе и на послешкольных ступенях образования, ее инкультурации и «укорененности» в национальной культуре, и прежде всего – народной культуре, поскольку возникла реальная угроза утраты молодым поколением связи с культурой собственного народа.

Теоретическое осмысление характера взаимосвязи образования и культуры позволило философам и дидактам в начале 90-х гг. XX века выдвинуть гипотезу о перспективности и продуктивности *культурологического подхода* в качестве одной из *концептуальных основ* модернизации содержания образования. Культурологический подход позволяет рассматривать понятия «образование», «человек/личность», «культура» в качестве подсистем единой гуманитарной культурно-образовательной системы, которая, в свою очередь, может служить *методологической основой* разработки культурологических образовательных концепций, парадигм, программ (к их числу мы относим и переживающее период становления лингворегионоведение, отдельные аспекты и проблемы которого мы представляем в данной коллективной монографии). Дидактические единицы в такой «новой» школе должны анализироваться с учетом социальных и культур-

ных процессов в прошлом и настоящем, а само образование рассматриваться как «социокультурная система, обеспечивающая культурную преемственность (трансляцию культурных норм, ценностей, идей) и развитие человеческой индивидуальности, <...> как способ подготовки человека к успешному существованию в социуме и культуре...» [Запесоцкий 2002: 14]. Как следует из данного определения, принципиально важными становятся не столько технологические моменты, сколько «специфика самого материала, его историко-культурная глубина и духовная универсальность, что подчеркивает особую функцию *духовно-нравственных референтов* в педагогическом процессе, учёт <...> *социально-культурного контекста*» [там же. – Выд. нами. – Н.Т.]. Для нас особенно важен вывод ученых о необходимости учета «историко-культурной глубины и духовной универсальности» материала образования, его «ценностного и смыслового наполнения» – эти положения стали для нас основополагающими при разработке регионально-ведческих программ и курсов.

Как видим, в современной педагогической теории и практике очевиден отказ от упрощенного представления о культурологическом подходе как о подходе, связанном в основном с введением в учебные планы новых дисциплин социо- и этнокультурного содержания. Белгородской научной школой педагогической культурологии под руководством И.Ф. Исаева культурологический подход рассматривается в качестве основного методологического ориентира при исследовании психолого-педагогических проблем современного этапа образования. «Культурологический подход к исследованию проблем педагогического образования – это совокупность теоретико-методологических положений и организационно-педагогических мер, направленных на создание условий по освоению и трансляции педагогических ценностей и технологий, обеспечивающих творческую самореализацию личности учителя в профессиональной деятельности» [Культурологический подход 1999: 5]. Распространяя данное определение не только на профессионально-педагогическое образование, но на образование в целом, мы также понимаем под культурологическим подходом *совокупность теоретических установок и организационных мер*, направленных на создание условий по освоению и трансляции ценностей культуры. Поскольку подход в аспекте образования – это специально организованная деятельность, совокупность используемых методов, то культурологический подход возможно рассматривать как «специально организуемую *деятельность* по взаимодействию *личности и культуры*, позволяющую личности овладеть системой культурных ценностей с целью собственного *развития...*» [Новикова 2007:14].

Идея единства и взаимодополняемости образования и культуры, трактовка образования как формы трансляции культуры и реализации ее (культуры) потенциала, а культуры – как условия развития личности и основы совершенствования образовательного процесса становится важнейшим методологическим условием корректировки действующих образовательных систем и моделей; при этом культуру следует рассматривать не столько в

качестве *источника содержания* образования, сколько *метода* исследования и проектирования систем, средства реализации идей гуманизации и гуманитаризации, понимание и видение образования в качестве феномена культуры. Обращением к методам и категориям культурологии в таком ракурсе «преследуются цели не только просветительно-образовательные, но эколого-воспитательные...» [Хроленко 2001: 120].

Важно понимать, что культурологический подход связан с изменением *методологии* получения знания. Основой образования при культурологическом подходе должно стать не столько традиционно представляемое монопредметами научное знание, сколько *организация деятельности* по овладению приемами и способами мышления, *межпредметными* и *надпредметными компетенциями, развитие сознания и формирование мировоззрения* растущей личности. Эти концептуальные положения положены в основу как вступающих в действие стандартов третьего поколения, так и разрабатываемой нами теории лингворегионоведения как культуросообразной области знания.

Среди многочисленных дефиниций культуры нам ближе то понимание культуры, где она рассматривается не просто как совокупность материальных и духовных произведений, т.н. артефактов культуры, созданных человечеством в процессе общественно-исторического развития, а как *совокупность ценностей*, а также способов их создания, применения, передачи от поколения к поколению. Целесообразность такого подхода и понимания можно объяснить и самим изначальным содержанием слова *культура*, возникшего на основе латинского глагола *colere* в значении «возделывать, обрабатывать», «...где этимологически просматривается смысловая дистрибуция термина в виде таких компонентов, как «деятельность», «целенаправленность», «творчество», «смысл»...» [Алефиренко 2005: 270].

Развитие личности составляет основное содержание и культуры, и образования, и социализации. Если представить культуру в виде ее конкретизирующих составляющих: семейная, групповая, региональная, национальная, мировая, проявляемых в виде разных форм ее присвоения, адекватных компонентам содержания образования, а именно: знаний, стереотипов поведения, опыта деятельности, творчества, опыта эмоционально-ценностных отношений, организуемых и стихийно приобретаемых на разных уровнях социума, а в центр этого своеобразного «космоса культуры» поместить личность, то модель объединения ключевых понятий культурологического подхода может также рассматриваться как *модель инкультурации* (вхождения в культуру) и *социализации* (освоения социальных ролей) личности (см. схему 1).

Уровни модели наглядно демонстрируют ступени и сферы освоения и присвоения культурного и социального опыта: семейная культура, групповая культура, т.е. культура ближайшего окружения – *микросоциума*, культурное пространство региона – *мезосоциума* и культура *макросоциума* (по аналогии с выделяемыми А.В.Мудриком «факторами социализации»: мегафакторы, макрофакторы, мезофакторы и микрофакторы, где «мезофакторы (от *мезо* – «средний, промежуточный») – условия социализации больших групп лю-

дей, выделяемых по месту и типу поселения, в которых они живут (регион, город, село, поселок), по принадлежности <...> к тем или иным субкультурам» [Мудрик 1999: 10-11].

Схема 1

**Личность – общество – культура:
модель объединения ключевых понятий
культурологического подхода к образованию**

«Точкой отсчета» в предлагаемой модели становится *личность*. Личность является одновременно носителем и творцом культуры, одно невозможно без другого: развитие личности составляет содержание культуры; но в то же время без культурных ценностей и знаний нет полноценного развития личности.

Как следует из данной модели, первые два уровня (считая от центра модели – личности) составляют ту «зону ближайшего действия», с которой начинается приобщение к культуре. По этой причине они представляются нам зонами актуализации исследовательских интересов и педагогического воздействия. Моделью также показывается особая медиаторная (связующая, «проводниковая») роль «зон ближайшего действия» – семейной культуры и культурного потенциала региона. Поскольку рассмотрение культурного потенциала семьи и семейного социума, изучение особенностей проявления культуры в различных социальных и возрастных группах пока не включалось в задачи исследования, мы посчитали необходимым сосредоточиться на роли национальной и, в частности, региональной культуры в процессе инкультурации и социализации личности.

Именно культура «среды обитания» – семьи, школы, региона – становится «вратами культуры» для личности, первый (не только по счету, но и по значимости) уровень вхождения человека в культурное пространство, что обуславливает насущную необходимость и актуальность учета этого факта при создании и реализации новых образовательных моделей и систем. Вне культуры, вне ценностей социума и опыта творчества в данном социуме, направленного на овладение культуроведческими знаниями, способами и приемами деятельности, как нам представляется, личность не способна к полноценному развитию и саморазвитию, поскольку культура – еще и уникальная социальная среда, сосредоточивающая в себе весь объем знаний, идей, мыслей, дел и творений человека, способная быть воспринятой, присвоенной только человеком. Потенциал культурно-образовательной среды играет решающую роль в создании возможностей для развития личности, формирования ее ценностных ориентиров.

Сегодня особую значимость приобретают проблемы русского языка – важнейшей составляющей гуманитарного образования. «Это обусловлено совокупностью социальных и дидактических факторов, наиболее значимы среди которых: рост национального самосознания, обострение национальных отношений, усиление миграционных процессов, разработка стандартов образования, введение в практику школы национально-регионального и школьного компонентов, ЕГЭ...» [Быстрова 2004: 44].

В процессе обучения языку необходимо заботиться не только об усвоении программных знаний и о формировании умений, но и о развитии сознания и формировании мировоззрения учащихся, установлении в их представлениях иерархии языковых смыслов и ценностей; познание языка должно иметь выход на его создателя и «пользователя» – языковую личность с ее индивидуальными способностями познания. Формирование и совершенствование всех компетенций языковой личности должно в процессе обучения родному языку гармонично соединяться с формированием духовного, национального компонента в её структуре. Ярчайшее проявление любви к Родине – это любовь к родному языку. «Без силы любви нет русской языковой личности <...> Связь неповторимых особенностей родных слов с выдающимися событиями национальной истории и чертами национального характера есть самое выразительное проявление любви к языку» [Караулов 1987:42]. Продолжающееся оставаться актуальным в лингвистике начала XXI века направление, в котором язык рассматривается как феномен духовной и социальной жизни, ставит перед словесниками задачу развития личности как носителя языка с ее этно-, социо-, психологическими особенностями, способной ощущать язык как высший дар, национальную и общечеловеческую ценность, постижения через язык, художественную литературу мировоззрения народа, его истории, философии, культуры, всей системы нравственных и духовных ценностей.

Именно в логике культурологического подхода родной язык рассматривается как инструмент познания окружающего мира, как средство воспитания и приобретения личностью социального и духовного опыта. Однако

возникают серьезные образовательные и исследовательские проблемы, связанные с выработкой механизма *трансформирования национальных ценностей*, сохраненных в словах и образных выражениях родного языка, в *личностные ценности*, что, собственно, и составляет сущность духовно-нравственного воспитания и развития современной культурологической школы.

Многолетняя личная преподавательская практика и экспериментальная работа в школе привела нас к убеждению, что культуроведческие программы региональной направленности, программы предметных региональных компонентов обладают особыми возможностями в восстановлении утраченных и утрачиваемых связей между образованием и культурой. Изучение регионального языкового и культурного материала способствует воспитанию сознательного отношения молодежи к родному языку, речевому и интеллектуальному развитию школьников и студентов. Направленность на развитие личности онтологически присутствует в культурном региональном материале: во-первых, он способствует широкому охвату исследуемой действительности; во-вторых, носит естественно интегрированный характер и формирует целостное видение предмета; в-третьих, этот материал всегда имеет ценностное измерение, воспитательную направленность.

Все эти факты позволяют представить лингворегионоведение как область культурологического знания, актуальность которого в XXI веке – в связи с необходимостью противостояния процессам глобализации – возрастает. По нашему мнению, важнейшими задачами, которые можно решить путем исследования и изучения регионоведческого материала, являются:

- подготовка учеников к осмысленным действиям в неразрывной цепи «природа – общество – человек», что приобретает особую значимость в условиях нынешнего периода развития России – разрыва межпоколенных связей, утраты традиций, угрозы нивелирования культуры;
- выполнение социально-культурной функции передачи знаний, опыта и культуры прошлых и нынешних поколений будущим;
- заполнение «воспитательной ниши» в современном преимущественно рациональном образовании.

При этом реализуются преимущества культурологической направленности содержания программ, проявляющейся в опоре на принципы:

- единства процессуальной и содержательной сторон образовательного процесса;
- интеграции гуманитарных, естественнонаучных и специальных дисциплин в содержании общего и профессионального образования;
- многообразия используемых педагогических технологий, методов и средств воспитания и обучения;
- организации совместной теоретической и практической деятельности субъектов образования на основе диалога и др. [Подробнее см.: Новикова 2007: 8-23].

Действительно, в ходе исследования и усвоения культурно-языкового своеобразия родного края естественно интегрируются гуманитарные и естественнонаучные знания; принятое разграничение на содержательную сторону образования (знания и умения) и процессуальную (формы, методы, средства обучения) теряет смысл, поскольку в структуру содержания включается совместная аналитическая и практическая деятельность, становясь содержательной основой образования; используется широкий спектр современных технологий, методов и средств воспитания и обучения; становятся приоритетными целостные, интегративные, комплексные методы исследования и проектирования систем и программ.

Таким образом, культурологическая концепция позволяет, не отказываясь от традиций и достоинств российского образования, органично ввести в образовательный процесс новые направления и приоритеты, соответствующие реалиям постиндустриального общества. Краеведческие и регионаловедческие аспекты изучения языка и культуры обладают безусловной перспективой в решении этих образовательных проблем.

Убежденность в том, что исследование культурно-языкового своеобразия региона позволяет решать воспитательные задачи, реализовать принципы культуросообразности, интегративности, коммуникативно-деятельностного подхода, практической направленности, послужила мотивом для разработки концептуальных основ и прикладных аспектов лингворегиедоведения – культуросообразного и культурогенерирующего «ответвления» лингвистики, формирующегося на базе традиционного краеведения.

1.2. Развитие идей лингвистического отечествоведения и краеведения

Концепция языка как культурно-исторической среды, рожденная еще античными мыслителями, обоснованная в трудах Д. Локка, К. Гелвеция, И. Песталоцци, В. Гумбольдта, отечественных лингвистов Ф.И. Буслаева, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, А.А. Шахматова и др., обогащается новыми философскими идеями, развивается в исследованиях лингвистов и лингводидактов, рассматривающих язык как инструмент познания окружающего мира, как «код» культуры и одну из форм национального существования.

Идея использования в обучении местного материала, внимания к «среде обитания» ребенка была выдвинута И.Г.Песталоцци. Без учёта местных особенностей, по мнению этого выдающегося педагога, нельзя, например, говорить о соблюдении принципа наглядности в обучении. Я.А.Коменский при обосновании принципа природосообразности опирался на народный опыт обучения и воспитания людей, что впоследствии было названо принципом соответствия форм и методов обучения этнопедагогическим традициям.

В XIX веке наиболее основательно идея «культуросообразности» обучения и воспитания представлена концепцией А.Ф. Дистервега. Ученый под принципом культуросообразности понимал постоянное обращение в процессе обучения и воспитания к современной культуре, причем это обращение должно быть предельно конкретным: «в воспитании необходимо принимать во внимание условия места и времени, в которых родился человек или предстоит ему жить <...>, одним словом, культуру в широком и всеобъемлющем смысле слова, в особенности культуру страны, являющейся родиной ученика» [Дистервег 1956: 189].

Спустя два века принцип культуросообразности не просто возвращен в образование, но расценивается как условие его обновления, приспособления к новым цивилизационным реалиям. В соответствии с принципом культуросообразности необходимо, чтобы воспитание помогало растущему человеку ориентироваться в тех изменениях, которые происходят в нем самом и в окружающем его мире, помогало ему «вписаться» в изменяющиеся реалии жизни, найти способы самореализации, адекватные этим реалиям. К сожалению, практическая реализация принципа существенно осложняется тем, что ценности культуры общечеловеческого характера и ценности конкретных социумов различного уровня не только не идентичны, но в силу различных обстоятельств могут довольно существенно различаться. Нахождение баланса ценностей различных культур и субкультур – одно из условий эффективности воспитания. «Все это делает весьма актуальным наполнение принципа культуросообразности конкретным содержанием» [Мудрик 1999: 51].

Последователи Дистервега, Коменского, Песталоцци, в дальнейшем распространяя их идеи и развивая замыслы, ратовали за введение в школьную практику особого учебного курса – «науки о своей родине», «отчизноведения», или «отечествоведения».

В России вопросом обоснования и введения «отчествоведения» в практику преподавания школы занимались отечественные учёные-педагоги: Ф.И. Буслаев, Н.Х. Вессель, Е.А. Звегинцев, Н.А. Лавровский, К.Д. Ушинский и др. В книге для учащихся «Родное слово» К.Д. Ушинский поставил перед педагогами цель развития у своих учеников «инстинкта местности», т.е. знания «своего» мира, умения сопоставлять изучаемый материал с естественным знанием окружающего мира. В 1863г. ученым был заявлена необходимость предмета «Отечествоведение», в состав которого включались история, география, биология и родной язык. Великий педагог был убежден, что «многих бед можно было бы избежать, если бы *в России* поднялся уровень знаний *о России*» (выд. нами. – Н.Т.). Как нельзя более актуально звучат и ныне слова, написанные К.Д. Ушинским в середине XIX века в доказательство того, чтобы знание родины, ее языка, истории, географии должно составлять основу содержания школьного образования: «Самое резкое, наиболее бросающееся в глаза отличие западного воспитания от нашего состоит <...> в том, что человек западный, не только образованный, но и даже полуобразованный, всегда более и всего ближе знаком со своим отечеством: с родным ему языком, литературой, историей, географией, статистикой, по-

литическими отношениями, финансовым положением и т.д., а русский человек всего менее знаком именно с тем, что всего к нему ближе: со своей родиной и всем тем, что к ней относится...» [Ушинский 1974, I: 67]. По убеждению К.Д.Ушинского, система обучения и воспитания, основанная на истинно народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у других народов.

Е.А. Звегинцевым в 1896 г. введен принцип «локализации», под которым понимался принцип отбора учебного материала, дающий педагогу возможность создать в обучении условия, наиболее благоприятные для наблюдений, а именно – краеведческие и родиноведческие сведения и факты; особенно важно, считал ученый, опираться на принцип «локализации» на завершающих этапах обучения.

Известный педагог XIX в. Н.Х.Вессель, обосновывая необходимость курса «отечествоведение» в школе, говорил о том, что «избежать» местных впечатлений человек не может, и поэтому тексты для работы на уроках русского языка должны быть «применительны к местному быту, а именно: содержание статей должно быть взято по возможности из местной жизни» [Вессель 1959: 152]; предмет «науки о родине» определял как «всестороннее наглядное ознакомление учащихся со всеми отдельными окружающими их предметами и совершающимися вокруг них естественными явлениями, одним словом, с обитаемой ими местностью, с отчизной, родиной их...» [там же: 155].

Ф.И. Буслаев всегда подчеркивал, что изучение местных говоров «очень оживляет» и углубляет занятия по грамматике. Свой взгляд ученый обосновывал «признанием прав родной речи», сложившейся в результате исторического движения и взаимовлияния различных типов русской речи, видоизменяемой «по говорам», поскольку история языка позволяет связать историю народа, историю края с родным языком [Буслаев 1992: 22]. Впоследствии эти идеи поддерживал и отстаивал Д.С. Лихачев: «Для языка нужна его история. Должен быть фон фольклора и диалектов. Фон литературы и поэзии...».

Обращение к языковой культуре родного края может и должно стать первым шагом на востребованном ныне пути постижения своеобразия культуры, своеобразия мышления своего народа: «Свое собственное» <...> «заставляет вникать <...> в мелочи и открывать в них глубокую жизнь во всей неисчерпаемой полноте ее» [Буслаев 1992: 26].

Особый вклад в развитие идей лингвистического краеведения, его присутствия на уроке русского языка и роли в образовании внёс А.А. Шахматов. В лекции для участников I съезда преподавателей русского языка в 1903 году им была подчеркнута необходимость введения «сведений по отечествоведению», а истинным предметом изучения родного языка в школе назван «весь русский язык во всей совокупности устных и письменных его проявлений», «конечной целью» изучения которого определено «распознавание самого человека во внешних проявлениях его духовной

природы» [Шахматов 1982: 80]. А.А. Шахматовым и И.А. Бодуэном де Куртенэ, в унисон с идеями Ф.И.Буслаева, высказана мысль, что диалектные различия русских говоров полезно связывать с этнографическим разделением, сказывающемся «в быте, характере, устной словесности», поэтому необходимо всегда стремиться сообщать сведения по истории отечества и «направлять учеников на самостоятельные наблюдения за языком окружающего их народа...» [Шахматов 1982: 82].

Как видно даже из краткого обзора, ученые XIX – начала XX века ощущали необходимость обращения к местным особенностям. Это явление имело в XIX в. терминологическое определение «*кулёр лёкаль*» (франц. *koulor local* – «местный колорит»), так как именно «местный колорит» естественнее и органичнее какого-либо иного материала позволял развернуть работу по нравственному и патриотическому воспитанию школьников.

В первой половине XX века – времени некоторого ослабления внимания к исследованию языка в тесной связи с «языковой средой обитания» – также имелись серьезные научные исследования в области «культурного преломления» языкового материала: это идеи Г.О. Винокура, лингвистические и лингвометодические работы Р.А. Будагова, Л.В. Щербы, в сугубо методическом «поле» – учебники и статьи А.В. Текучева. В книге А.В. Текучева «Основы методики орфографии в условиях местного диалекта» [Текучев 1953], наряду с теоретическими обобщениями, приводится разнообразный фактический материал, выявленный, учтенный и проанализированный «в определенной системе и под известным углом зрения» впервые, в результате чего «в орбиту исследований и наблюдений» был вовлечен «весьма важный по своей значимости круг новых фактов, как правило, находившихся за пределами внимания лингвистов, методистов, большинства учителей...» [Текучев 1953: 23]. Разумеется, отношение к диалектному материалу в наше время (по сравнению с серединой XX века, когда вышла книга) значительно изменилось: диалекты надо не «искоренять» и «преодолевать», а беречь, сохранять, изучать; тем не менее, формы, методы и приемы с этим языковым пластом, научный подход к его учету в каждодневной практике преподавания родного языка в книге А.В. Текучева представлены наиболее полно и конкретизированно.

В целом, имеются все основания утверждать: в педагогической и лингводидактической литературе XIX-XX вв. всегда достаточно основательно рассматривались проблемы изучения русского языка на основе краеведения, страноведения, различных форм патриотического, национального и интернационального воспитания.

Не уменьшилось, а наоборот, увеличилось значение краеведения в наше время, когда образование находится в поиске объединяющей «идеи воспитания» и находит ее в первую очередь в обращении к национальной культуре, в возрождении духовности, в поддержке и укреплении патриотических чувств молодежи, во внедрении национально-регионального компонента учебных планов и программ. Проблемы краеведения (и лингвокраеведения в частности) обострились в начале XXI века и в связи с осознанием

в обществе языка в качестве объединяющего начала страны, ярчайшего проявления общности быта и культуры нации, народа, а в образовании – в связи с обострением проблем воспитания и развития личности, необходимости опоры на воспитывающую силу родного языка. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в периодических изданиях, в материалах научно-практических конференций.

Помимо активизации краеведческой проблематики, к факторам, направленным на культурологизацию образования и возрождение «отечествоведения», может быть отнесена известная в педагогике идея «народной школы». Стратегия национальной («народной») школы направлена на восстановление этнокультурных и социально-культурных функций школы, возврат ей действительно национального характера. Как видится с позиций этих идей, современная школа должна стать не только образовательным учреждением, но социальным институтом, опирающимся на лучшие традиции народного образования XIX века, на принципы народности, природо- и культуросообразности, обеспечивающим сохранение родного языка, национальной культуры, развитие национального самосознания. Е.П. Белозерцев видит в духовно-нравственных традициях отечественного образования, в народности «как принципе и общественной идее» – «национальную идею России в педагогическом измерении» [Белозерцев 2004: 6].

Основы современной народной школы представлены в концепциях «народно-исторической педагогики» Е.А. Ямбурга, образования как «историко-культурного феномена» Е.П. Белозерцева, образовательной идеи Б.М. Неменского «От родного порога – в мировую культуру», «школы диалога культур» В.С.Библера и др. «Школа должна расти из русской культуры, из русской истории, из краеведения» – такой видел «корневую основу» русской школы XXI века наш великий современник, писатель А. И. Солженицын.

Большую роль в становлении духовно и культурно ориентированной педагогики сыграл проект «Русская национальная школа», разрабатываемый В.Ю. Троицким в Москве, Т.К. Донской и ее учениками в Санкт-Петербурге, И.Ф. Гончаровым и Т.И. Гончаровой в Пензе и др. Проект положил начало широкому движению за возрождение в общеобразовательных школах исторической правды о прошлом России и русского народа, о людях, внёсших ценный вклад в развитие национальной культуры, науки, образования. Их единомышленники (Е.А. Быстрова, Т.Н. Волкова, А.Д. Дейкина, Л.В. Савельева и др.), не всегда разделяя отдельные спорные положения концепции «Русской национальной школы», в то же время на обширном экспериментальном и практическом материале показали, «...как благотворно влияет содержание национально-регионального компонента на формирование национального самосознания подрастающего поколения, в каком бы регионе они ни родились и какой бы язык они ни признавали родным...» [Донская 1998: 3].

Очевидно, как в XIX веке была нужна комплексная наука о своей Родине – отечествоведение, родиноведение, так не уменьшилась необходимость в ней в XXI веке. В первую очередь эти задачи решаются в ходе изу-

чения специальных курсов «Краеведение», «Лингвокраеведение», «Страноведение», «Отечественное», «Россиеведение» (курс «Россиеведение» в наши дни читается в МГУ, есть «Московведение» в Москве, «Белгородоведение» – в нашем городе, аналогичные курсы в др. городах). По-разному называемый, этот предмет имеет в качестве главной цели приобретение и освоение знаний о собственном Отечестве, о «малой» и «большой» Родине, в том числе – о культурной уникальности своего города, села, края.

Именно необходимостью учета «факторов культуры», «факторов региона» было определено введение национально-регионального компонента (НРК) в программы преподавания основных предметов в школе. Введение НРК объясняется также стремлением обеспечить индивидуализацию обучения с учетом местных особенностей и характеристик культурной и социальной среды, связывается с решением воспитательных задач. Региональный компонент призван выполнить роль социального стабилизатора, охранителя духовно-нравственной сферы, культурных традиций конкретных регионов и культуры в целом.

За счет введения НРК государственным стандартом предполагается коррекция содержания образования с учетом местных социальных, культурных, языковых условий. Однако, чтобы сформировать у подрастающего поколения объемное (и объективное) многоплановое представление об уникальности своего города, села, края, необходимо обеспечить системное представление страноведческих и краеведческих материалов. Нужно исходить из того, что возможны различные формы введения регионоведческих сведений:

- во-первых, в процессе *общекраеведческой работы*, т.е. краеведческой составляющей учебно-воспитательных планов школ, внешкольных заведений, учреждений культуры, конкретизированной в соответствии с проблемой, над которой работает коллектив;

- во-вторых, за счет собственно *краеведческих курсов* интегрированного типа: «Природа родного края», «История и культура родного края», «Литературное краеведение», «Лингвокраеведение» и др.

- в-третьих, использованием на уроках и во внеклассной работе экстралингвистических *дидактических материалов*: текстов, имен собственных (топонимов и антропонимов), количественных и статистических данных, статей и заголовков в СМИ, местной рекламы, архивных документов, иллюстраций, плакатов, фотографий и т.п.;

- в-четвертых, введением социокультурных, культуроведческих, краеведческих *комментариев*, дополнений и примечаний к используемым в школе текстам, заданиям и упражнениям из федеральных учебников и пособий, к учебной и наглядной информации внешкольных учреждений;

- в-пятых, обращением к собственно *лингвистическим сведениям*, фактам, примерам, текстам, представляющим региональные культурно-языковые черты, на уроках русского языка, факультативных занятиях, при написании конкурсных работ, во внеклассной и научно-исследовательской

работе по русскому языку, литературе, истории, другим предметам гуманитарного цикла, в художественном творчестве.

(Дидактическим и методическим аспектам реализации регионального компонента по русскому языку в школах Белгородской области посвящена 5 глава монографии, здесь же об этом сказано лишь в связи с проблемами современного этапа краеведения).

В целом, подытоживая сказанное, можно прийти к заключению: реформирование образования в XXI веке «поставило новые акценты в определение понятий «изучение края» и «краеведческое образование», которые вышли за смысловые границы их традиционного понимания и трактуются как учебно-воспитательный процесс, осуществляемый <...> посредством специальных региональных программ и модульных курсов, цели и содержание которых выступают важными составляющими регионального компонента содержания общего среднего и высшего образования, продолжая традиции национального образования...» [Питинова 2006:258]. Отчизноведческие, краеведческие идеи образования не сняты с повестки дня, они трансформировались и приобрели в настоящее время форму национально-регионального компонента содержания среднего и высшего образования.

1.3. Учет специфики региона при определении векторов исследования и составлении краеведческих программ

Своеобразие региона проживания предопределяет набор требований не только к содержанию регионального компонента программ, но и в целом к вопросам развития и социализации личности. Концепциями образования на региональном уровне должны учитываться географические, культурно-исторические, социальные, экономические, экологические и др. условия обитания в регионе, что иногда называется «средой обитания», хотя употребление в данном случае термина «среда» не исчерпывает его значения как педагогического понятия, поэтому мы предпочитаем в данном тексте использование термина «регион» (хотя и допускаем, что иногда данные термины – «среда обитания» и «регион» – понимаются как синонимичные). Однако, не предполагая в данной главе анализа термина «регион» (подробнее об этом см. во 2 главе монографии), мы обращаем внимание на то из определений, которым подчеркивается его культуротворческая значимость: «регион – пространство, на котором происходит социализация человека, формирование, сохранение и трансляция норм образа жизни, сохранение и развитие природных и культурных богатств (или наоборот)» [Мудрик 1999: 53]. Региональный фактор в значительной степени определяет эффективность процессов социализации, сохранения и трансляции норм и образа жизни, поэтому должен учитываться не только при разработке образовательных и культурных программ, но и при определении образовательных и культурных приоритетов государства в целом, тем более что социологическими исследованиями последних лет выявлена тенденция развития Российской Федерации, прояв-

ляющаяся в том, что регионы выбирают свой путь развития, формируют свою экономическую и культурную политику.

При обращении к понятию «регион» существенным является вопрос о его границах. Обратимся к этимологии. Этимология слова «регион» восходит к латинским корням *reg – regio – region*. В эпоху Римской империи *region* имело смысл «квартал, округ». Со временем это понятие приобрело значение «страна, границы, пределы». Из латинского слово заимствовано почти всеми европейскими языками со значением «район, область». В нынешнем употреблении слово «регион» впервые было зафиксировано в Большой Советской Энциклопедии в середине 70-х гг. XX в. со значением «крупная индивидуальная территориальная единица (природная, политическая и др.) [БЭС: 642]. В нашем случае важно определиться с наполнением понятия «регион» применительно определенной (нашей) территории: *Юг России* (понятие широкое, предельно обобщенное, неконкретное, скорее, образное), *Южное подстепье* (понятие поэтическое), *Черноземье, Центрально-Чернозёмный регион* (тоже широкое, но уже более конкретное: перечень входящих в данное географическое объединение областей известен), собственно *Белгородская область* как субъект РФ (понятие определенное, конкретное). Под значением слова «регион» в терминологических сочетаниях «региональный компонент», «язык региона» мы подразумеваем «регион Белгородской области». Однако при разработке содержания РК мы брали во внимание языковые и культурные особенности и более широких региональных объединений: «Юг России», «Черноземье», «Центральное Черноземье». Получающее в последнее время распространение понятие «территория» тоже, на наш взгляд, не вполне конкретно и определено как термин, тем не менее, достаточно часто используется как синоним термина «регион».

Таким образом, к региональной специфике Белгородского региона может быть отнесено как общее своеобразие всего Центрально-Черноземного региона, так и конкретные географические, социально-экономические и культурно-исторические особенности Белгородской области. Безусловно, регион отличается культурно-языковым своеобразием, в частности, явлением контаминации украинского и русского языков и культур, объяснимым исторически и географически. В связи с этим региональный компонент базисного учебного плана должен включать изучение культурного наследия юга России, Центрально-Черноземного региона, Белгородской области и той конкретной местности (города, села, поселка, деревни, хутора), где родился и проживает в настоящий момент человек. В структуре общеобразовательных дисциплин должно присутствовать то, что связано с родиноведением, региональной культурой; краеведческий компонент уместен и возможен на учебных и внешкольных занятиях по математике, химии, биологии, на уроках труда и физкультуры – одним словом, при освоении всех предметов и проведении мероприятий на любую тему.

Поскольку о регионообразующих факторах речь пойдет далее, во 2 главе, здесь мы хотели бы обратиться к одному из наиболее значимых ре-

гионоформирующих факторов, каковым является специфическая культура региона.

Культура (в свою очередь, естественно, напрямую зависящая от исторических и географических факторов), формирует «лицо» региона, самосознание его жителей, восприятие региона жителями других регионов страны, становится своего «визитной карточкой» региона.¹

Культурные особенности населения региона позволяют не только особым образом выделить регион из числа других, но и идентифицировать его жителей; например, на основе анализа особенностей повседневной разговорной речи: «гэканье», «аканье», типичные ошибки и отступления от литературных норм и др. – на основе этих признаков несложно «идентифицировать» современных жителей юга России, и Белгородской области в частности. Объясняется это тем, что жизнь человека в обществе невозможна без усвоения им культурных образцов, а этот процесс, в свою очередь, происходит через отождествление себя с определёнными социальными группами. Чрезвычайно важно и то, что самоидентификация личности относительно определённой региональной культуры способствует развитию самосознания личности. В частности, в Белгородской области в ряде районов отмечается фактическое двуязычие: дома – украинский язык, на работе, в официальной обстановке – русский язык. Эта ситуация образно представлена в очерке А. Стреляного «В гостях у матери»: *«...Вблизи проходит граница между Россией и Украиной, и украинские села здесь забегают в Россию, а русские – на Украину, они переплетаются подобно пальцам в замке рук...*

То же самое и с языками. Сегодня на совещании в районе человек выступает по-русски, а завтра – по-украински, все зависит от случая и обстановки – от того, например, оправдывается он или кого-нибудь критикует, отбывает очередь или говорит серьезно...»

Культурно-историческое своеобразие, национальное и конфессиональное многообразие региона определяют набор требований к вопросам обучения, развития, инкультурации и социализации личности. Например, нельзя игнорировать тот факт, что среди народов, населяющих Белгородскую область, при доминировании русского этноса, представлены украинцы, узбеки, турки-месхетинцы, цыгане и др. Диалог, толерантность, понимание жителями Центрально-Черноземного региона друг друга должны обеспечиваться уровнем представлений о культуре различных народов, их роли в экономическом, социальном и культурном развитии региона. Однако эти представления не возникнут сами по себе, их нужно формировать в годы обучения в школе, в начальный период социализации личности. Становление поликультурного воспитания актуально для нашей области.

---

¹ Как, по каким признакам «опознается» Белгород, Белгородчина среди других городов и территорий? *Святое Белогорье, Город Первого салюта*, один из самых чистых городов РФ, *город Воинской славы, Курская дуга, Прохоровское поле*, граница Украины и России, мягкий южный говор... *«Белгород...Белогорье... В этих словах, «несущих» белый цвет, заключена некая святая сила, а значит, сила созидания и надежды»* – с этих слов начинается статья губернатора Белгородской области Е.С.Савченко «Я верю в судьбу Святого Белогорья». И само имя губернатора много лет является своего рода «фирменным знаком» Белгородчины...

Экономическое своеобразие региона определяется существующим укладом экономики и стратегиями экономического развития: развитие сельского хозяйства, переработка сельхозпродуктов, освоение природных богатств: мела, железной руды и др. Белгородчина – территория КМА. Активно развивается сектор наукоёмких предприятий, занятых разработкой и производством инновационных продуктов, в связи с чем в БелГУ открыты новые факультеты и специальности: компьютерных наук и информационных технологий, наноматериалов, экологии и энергосбережения и др. В целом социально-экономическая стратегия Белгородской области сориентирована на приоритетное развитие зон инновационной экономики. С учетом этих особенностей в рамках регионального компонента предусматривается выделение учебного времени на освоение основ проектирования (культура проектирования, планирование карьеры, социальное и бизнес-проектирование, предпринимательство, налоги и законы и др.), открытие экономических профильных классов в старшей школе.

Социальное своеобразие определяется приоритетом проблем, которые позиционируются как ведущие в регионе. Важно, чтобы социальные лозунги инициативы: «Жить по-белгородски», «2 +3 = белгородская семья», «Свой дом на своей земле», «Тепло родной земли дает нам силу», молодежные акции «Белгородчина – территория без сквернословия», «Я выбираю здоровье» и др., инициированные отделом по делам молодежи администрации Белгородской области, не оставались декларациями, а были осознанно приняты молодыми жителями области и способствовали становлению их нравственных и ценностных идеалов.

На достижение этих целей направлена социальная и культурно-языковая политика Белгородской области. Достаточно остра для региона (как, впрочем, и для государства в целом) проблема духовно-нравственного становления молодежи, формирования ее активной жизненной позиции, что становится важнейшей составляющей развития российского общества. В регионе осознается важность и актуальность этих целей и задач. На их реализацию направлены и областная целевая программа «Русский язык», и основополагающие документы федерального и регионального уровня. К последним относится постановление губернатора Белгородской области от 9.12. 2004 г. «О мерах по совершенствованию духовно-нравственного воспитания детей и молодежи». В этом документе подчеркивается необходимость осмысления и более фундаментального выстраивания национально-культурной идентичности молодежи, формирования ее культурного, интеллектуального и духовно-нравственного потенциала. В области стало традицией проведение региональных культурно-языковых акций: «Белгородчина – территория без сквернословия», «Признание в любви городу в День города» и др., творческих конкурсов «Родное Белогорье», «Моя родословная», конкурсов сочинений, конкурсов чтецов, конкурсов научно-исследовательских работ молодых ученых (школьников, студентов, аспирантов) «Молодежь Белгородчины» и др. С 2007 г. (Года русского языка) управлением образования и науки Белгородской области инициировано

проведение областного фестиваля «Язык мой – друг мой», особенностью которого являются совместные выступления учителей и учащихся в защиту родного языка, конкурс агитбригад, риторический турнир, представление учителями-словесниками оригинальных методических проектов, сопровождающихся видео- и компьютерной презентацией.

На основе принципа межпредметной интеграции своеобразие региона может быть представлено на уроках и занятиях по русскому языку, во внеурочной деятельности в виде работы над содержанием и формой выражения отдельных слов и устойчивых сочетаний.

✓ Географическое своеобразие находит выражение в работе с топонимами и микротопонимами, с именами собственными и производными от них, с тематической лексикой: *Центральное Черноземье, Центральнo-Чернозёмный экономический район, Центральный Федеральный округ РФ, Среднерусская возвышенность, Северский Донец, лесостепь, подстепье, бокситы, апатиты, мергель, суглинки; заповедники, Ямская степь, Лес на Ворскле, Бекарюковский бор*, с названиями растений, распространенных в краю и др.

✓ Экономическое своеобразие: *КМА – Курская магнитная аномалия, Оскольский металлургический комбинат, сахарные заводы, меловое производство, фермерские хозяйства и колхозы* и т.п.

✓ Социальное своеобразие осознается при умелой организации обсуждения и осмысления социальных лозунгов и инициатив, понимании направлений молодежной политики в Белгородской области, особенностей образовательной политики, знание учебных заведений области: *Белгородский государственный университет – Национальный исследовательский университет «БелГУ», Белгородская государственная технологическая академия им. Шухова – БГТА, Белгородский государственный институт культуры и искусства – БГИКИ* и др.

✓ Культурно-историческое своеобразие проявляется в понятиях, выражениях, именах, которые должны знать молодые белгородцы: *Дикая степь, Дикое поле, Порубежье, Засечная черта, Белгородская оборонительная черта, Польская Украина («В 16 веке донецко-оскольская лесостепь стала частью России и именовалась Польская Украина, т.е. степная окраина»), битва на Курской дуге, южнорусское порубежье, Слобожанщина, Святое Белогорье, Св. Иоасаф, Св. Макарий Брянчанинов, М.С.Щепкин и его музей «на реке Пенке», народная культура и этнография, характерные черты и детали интерьера, одежды («сорока», «подзатылень», «панева»), еды и питья* и др., *курско-белгородская песенная культура, частушки, «слобожанский стиль», южнорусский диалект, фольклор юга России и востока Украины, диалектизмы и этнографизмы.*

Возможно освоение региональной культуры с помощью т.н. «вспомогательных» и факультативных дисциплин: палеография, топонимика, этнонимика, генеалогия, геральдика, метрология, нумизматика, филателия и др.

С культурой и историей тесно связаны литература и язык, поскольку в своеобразии языка, в художественном творчестве находят отражение культурно-исторические реалии. Художественная литература является своеобразным лингвистическим свидетельством жизни, истории и культуры населения

региона и конкретной личности в определенную эпоху. Между тем в художественных текстах встречаются лексические единицы, о непонимании или неполном знании которых мы иногда не подозреваем или понимаем их приблизительно, неполно, не всегда видим в них культурных приращений смысла, связанных с эпохой, традициями, обычаями, в особенности, если это связано с традициями, обычаями своего края, и эта лексика нуждается в исследовании, комментировании, систематизации, описании, лексикографировании.

Программами по истории, географии, биологии предусмотрены (в т.ч. и в РУБП нашей области) специальные курсы, направленные на изучение родного края. Лингвистический же и, шире, филологический аспект в курсах краеведения явно обделен (точнее, практически не представлен), чем объясняется более детальное представление этих аспектов в табл. 1, 2.

✓ Литературно-художественное своеобразие края представлено в произведениях белгородских писателей, поэтов, журналистов: В. Белова, Н. Волобуева, А. Гирявенко, М. Дьяченко, Е. Дубравного, О. Кириллова, М. Кулижникова, В. Молчанова, В. Михалёва, Н. Овчаровой, Т. Огурцовой, Б. Осыкова, Н. Рыжих, Л. Конорева, А. Филатова, В. Фёдорова, В. Шаповалова, В. Череватенко, И. Чернухина и мн. др. Литературное наследие края изучается на уроках внеклассного чтения, факультативных и кружковых занятиях, является объектом при освоении специальных краеведческих курсов, в процессе подготовки и написания научно-исследовательских, проектных, творческих работ, организации и проведении литературных вечеров и праздников, региональных конференций и семинаров.

Глава 4 настоящей монографии посвящена исследованию особенностей языковой реализации темы Родины современными белгородскими поэтами В.Беловым, В.Молчановым, И.Чернухиным и др. Ниже (табл. 1) хотели бы представить возможные темы и направления исследования и изучения литературно-художественного своеобразия края.

Таблица 1

Литературное наследие края						
<i>Тема 1</i>	<i>Тема 2</i>	<i>Тема 3</i>	<i>Тема 4</i>	<i>Тема 5</i>	<i>Тема 6</i>	<i>Тема 7</i>
Устное народное творчество. Песни, сказки, частушки, былички	Святое Белогорье. Духовное наследие Св. Иоасафа	Белгородский след «Слова о полку Игореве»	Лит-ра 19 века. В.Ф. Раевский, Н.В. Станкевич, М.С. Щепкин, Н.И. Страхов и др.	Лит-ра 20 века. Писатели 20 века о прошлом Белгородского края	Белгородские писатели и поэты – наши современники	Белгородская публицистика. Лирико-публицистическое краеведение

Разумеется, обозначенными темами белгородское литературное краеведение не исчерпывается. Изображение «южного подстепья» можно найти в произведениях Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.А. Бунина, М.А. Шолохова, М.А. Булгакова, М.М. Пришвина, Е.И. Носова,

Г.А. Троепольского и других художественных текстах, изучаемых на уроках литературы, включаемых в программы внеклассного и самостоятельного чтения. Учителям литературы надо помочь своим ученикам найти местные приметы и образы, обратить внимание на приемы и формы создания в художественном произведении образа «малой родины»: прямое указание на конкретную местность, топонимикон и антропонимикон, узнаваемые черты и детали пейзажа, бытового, культурного и религиозного уклада, символы и знаки, позволяющие «опознать» местность, отсылки к историческим событиям, связанным с краем, своеобразие художественного творчества (песен, танцев, обрядов), интерьера, одежды, языковые особенности (авторская речь, речевые характеристики героев произведения)». В пособии «Лингворегионоведение: практикум» [Новикова 2010б: 81-88] представлена программа элективного курса литературного краеведения «Белогорье, поле отчее...».

Литературно-художественное своеобразие региона находит яркое языковое отражение.

✓ Языковое своеобразие проявляется в сохранных чертах южного диалекта, в распространенных на территории региона говорах, в специфике топонимикона и антропонимикона, в социолекте и жаргонах, в использовании белгородцами в разговорной речи суржика и украинских заимствований, в отмечаемых речевых ошибках и отступлениях от литературной нормы. Безусловно, эти яркие языковые проявления должны становиться предметом анализа и обсуждения с учащимися и студентами, ведь сам факт их наличия – наглядное проявление и воплощение языка настоящего, «живого», какой, собственно, и служит средством общения, способом запечатления жизни нашими земляками и современниками и представляет ту самую «языковую среду», на важность и целесообразность учета которой всегда указывали лингводидакты и которая как естественный лингвокультурный социум играет важную ориентирующую роль.

В ходе освоения лингворегионоведческой информации следует учитывать те факторы языковой среды, которые влияют на формирование культурной и региональной идентификации личности.

Во-первых, это естественный достоверный видеоряд, который включает в себя наглядную действительность, т.е. невербальные проявления социокультуры в языковой среде.

Во-вторых, это естественный достоверный аудиоряд, который включает в себя всю воспринимаемую на слух информацию окружающей языковой среды, т.е. непосредственное речевое воздействие.

В-третьих, это естественный ситуативный ряд как совокупность взаимообусловленных компонентов: речевой ситуации, особенности коммуникативного поведения, социокультурных стереотипов общения, языковых контактов.

В-четвертых, это ряд национальных и региональных фоновых знаний, т.н. «культурно-региональный фон».

В-пятых, это обучающая, воздействующая стихия естественного, «живого» языка.

Как отмечено нами не раз, региональной культурно-языковой особенностью является широкое распространение в речи местных жителей украинизмов, но, к сожалению, вопросы лингвистики языковых контактов, сосуществования и взаимовлияния языков недостаточно изучены, редко становятся предметом исследования. А ведь именно этническое и языковое сосуществование определяет специфику приграничных регионов, к которым относится и Белгородская область. Для речи белгородцев, помимо γ -фрикативного (нормативного в Украине), характерно употребление предлога «за» с винительным падежом вместо положенного в этих конструкциях предложного падежа с его спектром предлогов: говорят *узнай за результаты, расскажи за него*; широко распространены в речи молодежи украинизмы: *хай* в значении «пусть», *чи* в значении «или», слова *бурак, рушник, цибуля, хата, шкода, невдалый, жменя* и др. А ведь учет подобных лингвокультурных особенностей помогает реализовать идею познания самобытности русского народа и многофункциональности языка одновременно в контексте «диалога культур» и региональном «культурном измерении».

Изыскать возможности для знакомства школьников любого возраста с оригинальными региональными особенностями родного языка возможно и без введения специальных часов и курсов. Уже на первом в учебном году «Уроке знаний» учащимся можно дать представление о некоторых местных топонимах, их этимологических корнях, о специфике ономастикона, причинах переименований микротопонимов как одном из проявлений развития языковой системы, свидетельствующем о неразрывности связей языка и культуры региона. Эти факты неизменно пробуждают интерес к истории родного края. Далее эта работа может вестись «точечно», в виде отдельных лексических, грамматических или тематических включений, в виде реализации регионоведческого подхода к выбору материала для исследования и языкового анализа, в частности:

- при систематизации и тематическом представлении лексики и фразеологии обращение к сопоставлению диалектизмов и нормативных образцов (*лук – цибуля, арбуз – кавун, горсть – жменя, дорога – шлях – грейдер* и др.);
- включение в работу безэквивалентной и регионально маркированной лексики и фразеологии, слов с «региональным культурным фоном», культурем (*Звонница, диорама – диорама «Огненная дуга», мемориал, салют – город Первого салюта, футбольная команда «Салют»* и др.);
- акцентуация в словарно-орфографической работе на значении и письменном оформлении востребованных в регионе имен собственных (*Третье поле России, Курская дуга, город Воинской славы, Харьковская гора* и др.);
- знакомство с особенностями речевого этикета родного края, специфическими формулами общения, характерными для региона (*человек* в значении «муж», *батя* при обращении к отцу, обращение «на Вы» к родителям в украиноязычных семьях и др.);

- активизация работы по культуре речи в региональном аспекте, оценка речи земляков с точки зрения языковых литературных норм и правил современного русского речевого этикета, обсуждение просторечных и грубо-просторечных слов и выражений;
- включение в тематику и проблематику творческих работ регионально актуальных тем, написание *сочинений* на краеведческие темы и в целом – системное представление работы по развитию речи в краеведческом аспекте (перечень тем и артефактов для описания).

Учитывая, что настоящее издание полностью посвящено анализу языковой специфики региона и в каждой из глав достаточно основательно рассматриваются отдельные аспекты указанной проблемы, в данной главе мы хотели бы обозначить только основные темы (тематические блоки), которые могут исследоваться уже на школьном уровне и в той или иной степени полноты представления информации могли бы быть включены в курс изучения родного языка (табл. 2).

Таблица 2

Тема 1	Тема 2	Тема 3	Тема 4	Тема
Этнографические и культуроведческие сведения о крае (на основе анализа краеведческих текстов)	Основы диалектологии. Черты южных говоров. Диалектизмы и регионализмы.	Топонимика и ономастика края. Виды топонимов. Микро-топонимы, локализмы.	Просторечие. Отклонения от литературной нормы в речи жителей Белгородской области.	Лингво-культурный анализ текстов белгородских поэтов и писателей

Весьма важно (с позиций инноваций в образовании), что каждая из предложенных тем может быть реализована в деятельностном ключе: анализ текстов, написание сочинений (в т.ч. конкурсных), стихотворений, небольших прозаических текстов, составление тематических тезаурусов, мини-словарей, лингвистические экскурсии, иллюстрирование, подготовка и защита проектных работ, разработка сценариев, компьютерных презентаций по теме и др.

Традиционно наиболее важные направления исследования языка региона: диалектологическое, топонимическое, поэтико-стилистическое, методическое – определили структуру настоящего монографического издания, поскольку действительно являются наиболее перспективными для развития региональной лингвистики и в первую очередь бывают востребованы при определении векторов исследования и составлении краеведческих программ. Как указано, каждый из аспектов представлен в отдельной главе. Ниже хотели бы дать лишь краткие комментарии по ним в связи с анализом языковой специфики региона.

Безусловно, особое внимание должно уделяться изучению диалектной лексики родного края, которая не только является отражением быта, истории и культуры народа, но и вносит ценный вклад в познание культурного своеобразия носителей южнорусского говора. Белгородский лингвист

Т.С. Соколова, исследующая диалектологические метаконтексты и их роль в формировании языкового сознания личности, обращает внимание на факт глубокого знания местными жителями истории местных топонимов и видит в этом проявление их любви к родному месту. Комментируя рассказ пожилой женщины об истоках названия села *Белый Плѣс* в Вейделевском районе Белгородской области («...Если ехать с Куликовской горы, то вода играет на солнце, на отмелях, серебрится, и плѣсы белеют...»), автор утверждает: «Изучение <...> диалектологических метаконтекстов показало, что иногда раздающиеся заявления о лексической обреченности говоров беспочвенны, несмотря на неизбежное влияние со стороны литературного языка; народное чутье языка, которое «не выдумка, не субъективный фактор» (Бодуэн де Куртенэ), позволяет диалектоносителям здраво оценить происходящие изменения в родных говорах, продолжающих активно функционировать в рамках прочных языковых традиций <...>. Диалектологические метаконтексты являют собой своеобразный лингвистический материал, который может быть объектом наблюдения не только на занятиях по диалектологии, но и в курсах других лингвистических дисциплин» [Соколова 1998: 95].

Несмотря на бесспорный факт уникальности диалектной картины Белгородского края, системное представление диалектной лексики и фразеологии по области в лингвистической литературе практически отсутствует, лишь в немногих статьях рассмотрены частные вопросы. Во 2 главе монографии дано общее представление о говорах Белгородской области и причинах языкового своеобразия нашего региона, а также аспектное описание отдельных лексических и лексико-грамматических диалектных образований.

Топонимическая лексика, как никакая другая, расширяет «горизонты знания», дает новую информацию одновременно по родному языку и литературе, по истории, географии, биологии, экологии, формирует духовно-нравственные основы личности, развивает интерес к истории своего края. Опора на топонимику и – шире – ономастику способствует установлению междисциплинарных связей, приобщению учащихся к работе со словарями и справочниками, с энциклопедиями и картами, со специальной научной и научно-популярной литературой. Особого внимания заслуживают географические названия, возникшие в послереволюционный период, сведения об основах и причинах переименований наши дни (например, изменение названий улиц в областном центре) и значения новых микротопонимов и локализмов. Бесспорны актуальность и развивающий потенциал ознакомления с наименованиями внутригородских объектов (урбонимами), поскольку эта нечастотная в качестве объекта анализа ономастическая информация позволяет подросткам познать разные сферы жизнедеятельности современного человека, осмыслить соотношение имени и реалии, повысить мотивацию к изучению родного языка и родного края. Аналитическая и систематизирующая деятельность по установлению языка-источника урбонима формирует у молодых людей представление о современных культурных и социолингвистических тенденциях в государстве, регионе, городе. Главное, нужно уметь показать и доказать, что «ономастическая система любого ре-

гиона не есть заданная изначально сущность, она меняется под влиянием экстралингвистических факторов, она выстраивается в соответствии с породившим ее историко-культурным процессом...» [Ефанова 2006: 49], и именно поэтому ономастика и топонимика – источник сведений о духовной культуре этноса, его исторической памяти. Подробная информация и систематизированные современные данные по региональному топонимикону представлены в главе 3.

Помимо уже названных разделов: диалектология, ономастика и топонимика – к лингвистическим составляющим регионального отечествоведения, имеющим специфику в регионе, должны быть отнесены проблемы изучения просторечия, жаргонов и социолектов, характера их взаимоотношений с книжной речью в пределах национального языка, а также специфика художественного творчества, тематическая широта, стилевое и языковое своеобразие произведений местных писателей и публицистов. Один из первых опытов концептуального анализа творчества белгородских поэтов представлен в 4 главе монографии.

В целом можно констатировать: краеведческие или просто скорректированные с учетом специфики региона программы обладают недооцененными возможностями в восстановлении утраченных связей между образованием и культурой. Однако подобные программы, к сожалению, редко попадают в поле зрения филологов, чаще их составлением занимаются историки, географы, краеведы-любители, которые, естественно, оставляют без внимания языковые вопросы. Существующее положение не способствует развитию регионального языкознания, формированию его научной базы. С целью решения этой проблемы мы обратились к разработке теоретических основ лингворегионоведения как конкретизированной области краеведения и самостоятельного научного направления со своим объектом, методологией и понятийным аппаратом.

1.4. Становление лингворегионоведения как самостоятельного научного направления

В современной лингвистике, по мнению некоторых филологов, возникла «сложная, противоречивая ситуация с большим количеством активных факторов <...>. Данный, «предсинтезный», период характеризуется поисками интегрирующих идей из различных гносеологических источников. Большею частью они являются *внешними* по отношению к лингвистике. Важнейшие из них исходят «сверху» (например, из других наук через их философское осмысление и придание им статуса методологических принципов) и «снизу» – из практического заказа языкознанию...» [Голев 2006: 10-11. – Выд. нами. – Н.Т.]. Первое направление способствует формированию новых методологий исследований, второе («практический заказ») открывает новые предметные области в лингвистике, дает толчок методическим инновациям. И то и другое становится источником важных гипотез,

приводящих к формированию актуальных и эффективных направлений: так, например, «на лингвистической почве прорастает теория информации, из внешних источников проистекают идеи когнитивистской лингвистики, лингвосинергетики, квантитативной лингвистики, компьютерной лингвистики и др. <...>. Все эти дисциплины можно назвать методологическими, или аспектуальными...» [Голев 2006: 11]; также их можно обозначить как интегративные, симбиотические. Становление большинства из них связано с активным развитием в последнее время т. наз. «внешней лингвистики».

Внешняя лингвистика рассматривает отношения языка с историческими условиями его существования, учитывает всю совокупность этнических, социальных, исторических, географических факторов, неразрывно связанных с историей языка. Культура народа, его история, обычаи, отношения между языком и общественными институтами (школой, церковью), географическое распространение языка, языковые контакты – все это может оказывать влияние на развитие языка, хотя и является внешним по отношению к собственно языковой системе. Однако обращение к ним способствует созданию особой «точки отсчета», исходя из которой можно обнаружить в языке принципиальные свойства, не вполне отчетливо видимые при внутреннем рассмотрении языка.

К тому же усиление центробежных тенденций в лингвистике все более актуализирует вопрос о необходимости создания интегрирующих моделей исследования языка. Мы полагаем, что их поиск с высокой долей вероятности должен приводить «к выявлению промежуточных образований, обеспечивающих функциональное взаимодействие разнородных объектов» [Голев 2006: 12].

Например, если еще несколько лет назад лингвисты довольствовались противопоставлением литературного языка диалекту, то в наши дни в цепочке языковых состояний как особое звено, существенное для современных социолингвистических и лингвокультурных исследований, все чаще выделяется такое понятие, как «региональный язык», обозначающее переходное и не вполне неустойчивое языковое состояние. Можно констатировать, что мы присутствуем сейчас при трансформации былых диалектов в местную региональную речь, которая остается одной из репрезентативных характеристик региона. Более того: перерождение диалектов в региональные языки является одной из существенных особенностей современного языкового развития.

Возникновение лингворегионоведения как «симбиотической» науки, направленной на изучение и описание регионального языка, мы связываем с развитием различных направлений «внешней лингвистики» и рассматриваем это научно-практическое «ответвление» лингвистики именно как «образование, обеспечивающее взаимодействие разнородных объектов», как одну из интеграционных моделей исследования языка и культуры.

Термин «лингворегионоведение» пока не получил широкого распространения и почти не используется в научно-методических работах. Между тем с перестроечных времен в РФ выходят периодические издания под на-

званиями «Регионоведение», «Регионология», в вузах вводятся регионоведческие направления и специализации. Интерес к исследованию и систематизации регионоведческой информации не убывает, а возрастает, в том числе к языковым проблемам региона. Т.В. Шмелевой поднимался еще в начале нашего века вопрос о необходимости более детального исследования отношения диалекта и языка города; с точки зрения ученого, эти отношения могут и должны быть изучены «хотя бы с той полнотой, с которой описаны диалекты»; «<...> в связи с этим можно было бы говорить о целесообразности развития наряду и с учетом опыта диалектологии таких новых дисциплин, как лингвистическая урбанистика и лингвистическая регионалистика (регионоведение)» [Шмелева 2002: 100].

В первую очередь следует соотнести названия «лингвокраеведение», «лингворегионоведение», «лингвистическое отечествоведение» и др. В коллективной монографии елецких лингвистов «Лингвистическое отечествоведение» говорится: «Краеведение – лишь органичная составная часть страноведения, или отечествоведения. По отношению к российским учащимся страноведение – это наука, включающая в себя два разновеликих компонента знаний о Родине: 1) сведения о стране в целом; 2) сведения о различных сторонах жизни и деятельности отдельного, конкретного региона, края («собственно краеведение»). <...> Познание местного края и страны в целом предполагает соединение этих знаний: только в этом случае будет обеспечено разумное, уравновешенное, уважительное отношение учащегося к стране и народу в целом...» [Лингвистическое отечествоведение 2002, I: 10].

Особенности языка определенной местности всегда являлись объектом исследования лингвокраеведения. К сожалению, эта наука не располагала, с точки зрения «строгой» лингвистики, основательной научной базой, носила прикладной характер и более того: ассоциировалась с любительством, дилетантизмом, некоей научной второстепенностью, что давало основания ее оппонентам исключать ее из числа наук. В связи с этим мы считаем, что на нынешнем этапе развития лингвистики настала пора представить лингворегионоведение как самостоятельную научную дисциплину. Нами отдано предпочтение названию «лингворегионоведение» ввиду большей определенности термина «регион» по сравнению с многозначным и нетерминологичным понятием «край» в названии «лингвокраеведение». Но это не означает, что устоявшееся название «лингвокраеведение» теряет права на употребление: мы считаем, что на нынешнем этапе оно может употребляться как синонимичное по отношению к названию «лингворегионоведение». Тем более что только на основе уже сложившихся в области традиционного краеведения понятий и методов работы можно сформировать теоретическую базу лингворегионоведения как новой области культурологического знания.

Цель лингворегионоведения как неотъемлемой части краеведения состоит в обозначении круга проблем, связанных со становлением его как самостоятельной научной дисциплины, в предложении его методологии, уточнении понятийно-терминологического аппарата, в определении содержательных границ (содержательных модулей), дидактических и исследователь-

ских единиц, в выявлении культурно-образовательного потенциала, установлении функций и роли лингворегионоведческой информации в образовании, воспитании, социализации молодежи.

Таким образом, чтобы представляемая дисциплина заняла свое место среди других лингвистических дисциплин, актуально решение ряда задач, таких как:

- определение новой научной дисциплины со своим объектом и предметом, категориями, принципами и методами;
- создание нового и уточнение имеющегося понятийно-терминологического аппарата;
- выделение, обоснование лингворегионоведческих направлений и аспектов, локальных областей исследования;
- изыскание и предложение методов репрезентации регионоведческой информации (в т.ч. инновационных, интерактивных методов, электронных средств);
- представление теории и практики нового направления в научной, учебной и методической литературе и др.

Язык региона как объект изучения – образование внутренне неоднородное: здесь присутствуют нормированный литературный язык, говоры и диалекты, распространенные на данной территории, жаргоны и социолекты, городское и сельское просторечие, явления смешения и контаминации контактирующих языков и др. Более того, некоторые специалисты считают, что «языковая компонента культуры» включает и такие языковые показатели, как «родной язык, язык детства, знание языка этнических партнеров, язык, используемый дома, в образовательном учреждении, на работе, в общении...» [Шаповалов 1997: 35]. Одни составляющие языка региона изучены и описаны лучше (литературный язык, диалекты, жаргоны), другие – гораздо в меньшей степени (социолекты, городское просторечие, микротопонимика). К числу недостаточно изученных, несомненно, следует отнести вопросы сосуществования и взаимовлияния языков.

К тому же язык региона – это не всегда собственно лингвистические данные, не меньшую роль играют экстралингвистические факты, междисциплинарные явления и понятия, поскольку лингворегионоведение – это безусловное явление «внешней лингвистики».

Предмет лингворегионоведения заключается в изучении специфических явлений и вариаций языка, обусловленных этнической картиной региона, влиянием территориального диалекта, особенностями использования различными социальными группами в зависимости от целей и условий коммуникации.

В обозначении отдельных направлений, частных подпроблем внутри данной научной области нам видится теоретическая функция лингворегионоведения. В качестве некоторых его практических функций (в первую очередь в области образования) могут быть названы следующие:

- 1) достижение воспитательных и культуроформирующих целей образования;
- 2) усиление мотивации к изучению языка, истории и культуры своего края;
- 3) реализация личностно-ориентированного подхода в преподавании;
- 4) содействие более успешной социализации молодежи во время обучения.

Первостепенное значение приобретает определение содержания научной отрасли. В содержании могут быть представлены различные тематические блоки и модули: «Исторические и этнические основы формирования языкового своеобразия региона»; «Доминирующий говор/диалект»; «Региональный язык/ региолект»; «Региональный топонимикон»; «Региональный антропонимикон»; «Тема «малой родины» в творчестве местных авторов»; «Дидактические аспекты лингворегионоведения»; «Языковая политика региона» и др.

Актуальной научной проблемой для данного научного направления является формирование понятийно-терминологического аппарата: уточнение содержания понятий *региональный компонент*, *региональная культура*, *язык региона*, разграничение понятий *диалект*, *региолект* и *социолект*; *диалектизм* и *лингворегионализм*; дифференциация топонимической терминологии и т.п. Насколько привычны и определённы термины «диалект» и «социолект», настолько неопределенно дефинированы терминологические сочетания «региональный язык», «язык региона», термин «региолект». Для обозначения понятия «язык региона» возможно, помимо названных, также терминологическое обозначение «территориальное койне», хотя в целом все названные термины вряд ли можно рассматривать как рядоположенные или синонимичные. Чаще остальных используется термин «региолект».

Региолект – «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые черты и особенности; это норма, с одной стороны, не достигшая статуса литературного языка, а с другой стороны, в силу наличия множества ареально варьируемых черт, не совпадающая с городским просторечием» [Герд 1995: 13]. Наличие этой формы дает основания утверждать: «выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устно-речевого общения больших групп этноса на определенной территории» [там же].

В наименьшей степени изучено и, следовательно, не описано в научной литературе такое явление, как особые, специфические, только в данном регионе понятные и употребляемые слова и выражения – *регионализмы*.

Регионализм – ключевой термин представляемой научной отрасли. Проявляется тенденция отождествления этого термина (*регионализм*) с термином *диалектизм*: например, в «Словаре русской лингвистической теории» А.Н. Абрегова *регионализм* определяется как «то же, что диалектизм, локализм, местное слово...» [Словарь Абрегова 1999: 27], хотя, по нашему мнению, между этими терминами не может быть поставлен знак

равенства. Если *казать* (говорить), *серники* (спички) и др. в речи белгородцев – это диалектные единицы, то могут ли быть так же квалифицированы «местные слова» *тремпель* – «вешалка для одежды» (от фамилии мебельного фабриканта XIX века из г. Харькова), *кильдим* – «кладовка», *синенькие* – «баклажаны», *Богданка* – проспект им. Богдана Хмельницкого и другие лексические, фразеологические, прагмалингвистические единицы, представленные в речи наших современников? Очевидно, именно к подобным фактам применимо понятие «регионализм». Например, мы склонны считать, что регионализмом может быть не только диалектное, но и широкоупотребительное в современной речи слово или выражение. Примером присутствия «региональных коннотаций» может служить белгородский регионализм *Крейда* (от нем. *Kreide* через укр. *крейда* – «мел») – местное название городской окраины, где располагались строительные предприятия, в т.ч. по переработке мела; в настоящее время функционирует как имя собственное – топоним, локализм: *жить на Крейде*, *дача на Крейде*. К несомненным регионализмам могут быть отнесены все топонимы и микротопонимы, в т.ч. в составе устойчивых выражений: *скоро в Ячнево* (о близкой смерти: *Ячнево* – место расположения кладбища), *пора на Новую* (в связи со странностями поведения кого-либо: на ул. *Новой* в г. Белгороде находится областная психиатрическая больница) и др.

Наряду с термином «диалектизм» в специальных исследованиях используются понятия «локализм», «провинциализм», однако и они не получили широкого распространения. Т.И. Ерофеева определяет локализмы «как лексико-семантические варианты, не принадлежащие кодифицированным единицам русского литературного языка, однако употребляемых в локально окрашенной речи» [Ерофеева 2010: 106]. Приведенное определение сближает понятия «локализм» и «регионализм».

Как выше отмечено, региональной культурно-языковой особенностью является широкое распространение в речи местных жителей слов и оборотов из украинского языка, активное использование суржика. Наличие «особого языка» в Белгородской области бросается в глаза даже неспециалистам в области языка, но объектом рассмотрения специалистов становится довольно редко. Заметных работ по русско-украинскому двуязычию и функционированию суржика в Центральном Черноземье в последнее время почти не появлялось.

Характеризуя особенности присутствия украинизмов в региолекте Белгородской области, следует указать на их особый статус именно в данном языковом образовании. В традиционной лингвистике украинизмы принято рассматривать как заимствованные слова – или как диалектизмы, если речь идет о южных говорах. На наш взгляд, безоговорочно с этим утверждением согласиться нельзя. Часть украинизмов следует рассматривать не как заимствования, а как регионализмы, поскольку носителями языка факт заимствования не осознаётся и не признается. Исходя из этого, украинизмы, функционируемые в современной русской речи жителей Белгородской области, можно разделить как минимум на две группы:

1) украинские слова, не имеющие эквивалентов в русском языке: *гетман, козак, кошевой; оселедец, вышиванка, писанка* и др.;

2) украинизмы, которые естественны для речи белгородцев и не расцениваются ими как заимствования: *гарбуз* (тыква), *кавун* (арбуз), *криница* (родник), *шлях* (дорога), *жменя* (горсть), *трошки* (немного), *ледачий* (никудашный), *фортка* (калитка) и др.

Именно вторую группу украинизмов мы склонны рассматривать как областные слова, регионализмы, т.е. «языковые факты с регионально актуальным и с позиций регионального культурного фона объяснимым компонентом значения» [Новикова 2007: 262].

Таким образом, в процессе изучения лингворегионоведения предполагается расширение и углубление знаний по современному русскому языку, в частности, по диалектологии, истории языка, культурологии, культуре речи, стилистике и др.; повышение мотивации к анализу современных языковых и культурных проблем региона; освоение инновационных форм и приемов работы с эксклюзивным, нестандартным культурно-языковым материалом и, как результат такой деятельности, достижение целей развития, воспитания и социализации молодежи на этапе обучения.

Высокий образовательный потенциал лингворегионоведения бесспорен, но пока недостаточно широко реализуется словесниками.

Отдельные вопросы, связанные теорией и практикой лингвистического регионоведения, рассматриваются в наших работах с 2004 г. [Новикова 2005, 2006, 2007]; были разработаны программы регионального компонента для школ Белгородской области [Новикова 2006], четырех элективных курсов региональной направленности для старшей профильной школы [Новикова 2005], которые прошли экспериментальную апробацию и используются в учебных заведениях нашей области. Полагая, что подобный лингвокраеведческий курс необходим и в высшей школе, поскольку позволяет студентам интегрировать знания из разных разделов лингвистики, придает филологическому образованию реальную практическую, компетентностную направленность, мы предложили в 2010 г. программу специального (элективного, курса по выбору) интегрированного курса «Лингворегионоведение». Вариант программы дисциплины (для специальностей «Филология», «Теория и методика начального обучения») дан в наших пособиях «Лингворегионоведение» [Новикова 2010а, б].

Ввиду практически полной неразработанности лингворегионоведческой проблематики в дидактическом плане, отсутствия научной и учебной литературы, курс в первую очередь нуждался в методической поддержке. С целью решения этой проблемы нами был разработан и издан учебно-методический комплекс «Лингворегионоведение», где представлены: а) программно-методические материалы; б) обобщающая теория в виде курса лекций (пока в электронном варианте); в) учебник-практикум; д) дидактические материалы (в распечатках и электронном варианте).

В комплекте программно-методических материалов [Новикова 2010а], помимо собственно программы и сопровождающих ее дополнений:

учебный план, списки литературы, вопросы к зачету, критерии оценки деятельности и т.п., представлены методические рекомендации, анкеты, перечни, примеры и образцы выполнения самостоятельных работ, подборка статей по отдельным вопросам лингвокраеведения, опубликованных в изданиях, не всегда доступных студентам и учителям.

Пособие «Лингворегионоведение: практикум» [Новикова 2010б] продолжает серию поддерживающих курс изданий. Здесь представлена их практико-ориентированная составляющая – тематика и развернутые планы практических и семинарских занятий. Каждое из занятий состоит как минимум из 2-х частей: вопросы по обсуждаемой теме и комплексный анализ словарного и текстового материала. Предлагаемая методика направлена на формирование профессиональной компетенции будущих специалистов-филологов. Некоторые задания отсылают к источникам, содержащим дополнительные, зачастую малодоступные сведения, сопровождаются методическими рекомендациями по выполнению поставленных задач. Отличительной особенностью пособия является широкое привлечение в качестве источников научной информации, указанных в списках литературы, учебников, пособий и статей белгородских ученых, в частности, преподавателей филологического факультета БелГУ. На наш взгляд, такой подход приближает студента к науке и в то же время повышает статус научно-исследовательской деятельности в стенах университета. Другая особенность пособия–практикума – наличие массива дополнительных текстовых материалов для самостоятельного чтения и анализа (своего рода минихрестоматия), где, помимо художественных и публицистических текстов белгородских авторов, широко представлена дискуссионная информация из Интернета, фрагменты нестандартных уроков на региональном материале.

Помимо социально-культурной значимости, это учебно-научное направление обладает технологическим потенциалом. По этой причине в изданиях предложены и описаны инновационные формы и приемы работы с региональным культурным и языковым материалом, направленные на формирование общекультурных и специальных компетенций. Сейчас, когда и теории, и практики ищут ответ на вопрос, как должен выглядеть учебный предмет, если его основу составит не цепочка логически связанных идей и понятий, а некие области деятельности и освоения социокультурного опыта (что заявлено Стандартами нового поколения), мы видим выход в использовании гибких, мобильных, проблемно-групповых форм, реализующих индивидуальные образовательные маршруты. Слушатели курса (старшеклассники Майской гимназии, Шебекинской гимназии-интерната, школы № 20 г. Белгорода, студенты Белгородского университета) в процессе освоения программы разрабатывают и защищают творческие и проектные задания на регионально актуальные темы: «Чем пахнет родина, или фитонимы и одоронимы моего села», «Чернозёмное разнотравье, или слова, которые мы забыли», «Говор моего села», «Имена белгородских улиц» и др.; организуют конкурс сочинений и эссе «Моя малая родина»; производят анализ отрывков из поэтических, прозаических, публицистических, научных работ белгородских

авторов; студенты проводят в школах анкетирование, уроки по экспериментальной программе «РУСиЯ» [Новикова 2005: 62-67].

Ввиду того, что в качестве источников и текстовых иллюстраций в практикоориентированном пособии по лингворегионоведению представлен оригинальный, иногда эксклюзивный материал по Белгородской области, книга также используется школьными учителями и организаторами воспитательной работы – для ведения факультативов интегрированного типа, подготовки внеклассных мероприятий, перспективного планирования краеведческой работы.

Программа дисциплины по выбору «Лингворегионоведение» и поддерживающие ее учебно-методические пособия представляют собой первый опыт системного обобщения лингвокраеведческой информации с целью решения социокультурных и дидактических задач. Следующим шагом предполагается издание учебного пособия, обобщающего теорию в виде курса лекций, и обработка текстового регионального материала для включения в хрестоматию.

1.5. Перспективные направления в исследовании и изучении языка региона

Поскольку литературный язык противопоставлялся диалектному в течение длительного времени, а соотношение «литературный язык – региональный язык» возникло сравнительно недавно, вполне естественно, что явление, обозначаемое как «региональный язык», изучено значительно меньше, чем диалектный (ведь это более поздняя «языковая формация»), проблем и острых вопросов в этой области гораздо больше, чем в традиционных разделах языкознания.

С другой стороны, проблемы региональной лингвистики в последнее время не остаются без внимания специалистов-языковедов, достаточно активно обсуждаются, аналитические материалы и результаты научных исследований обобщаются, систематизируются, подтверждением чего может стать и тематика многих конференций последних лет¹, и специальные сборники, посвященные регионоведческим проблемам, и, в частности, предлагаемое издание. Однако столь же неоспоримо и то, что необходимы дальнейшая разработка как теоретических основ, так и прикладных аспектов лингворегионоведения, корректировка терминологического аппарата, установление и освоение новых направлений и объектов исследования, определение перспектив развития научной отрасли. И учеными-филологами, и словесниками-практиками признается результативность апелляции к краеведческому материалу в научной и методической работе, однако эта деятель-

---

¹ Например: «Язык, литература и культура в региональном пространстве»: материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Барнаул, 2011); «Региональный аспект в образовании и воспитании учащихся»: материалы областной научно-практической конференции (Липецк, 2003) и др.

ность зачастую сдерживается отсутствием баз данных, учебников и пособий, рекомендаций, нечеткостью, размытостью ориентиров продвижения в данном направлении и, как следствие, распространением субъективизма и стихийности. Поэтому обсуждение востребованных направлений исследования культурологического и языкового материала само по себе является актуальнейшей проблемой нынешнего этапа развития лингворегионоведения.

1.5.1. Актуальные направления и объекты исследования языка региона

Представленные в монографии аспекты исследования языка региона: диалектологическое, топонимическое, концептуально-филологическое, дидактико-методическое, безусловно, наиболее плодотворны и перспективны для развития региональной лингвистики. Однако исследования в данной области не должны сводиться к трем-пяти востребованным направлениям, в научной литературе должна быть представлена многоаспектность лингвистического краеведения Белгородчины. В предпринятом и представляемом здесь опыте анализа регионального языкового материала пока не нашли отражения многие аспекты и объекты исследования: региональная фольклористика и этнолингвистика, фразеология и паремиология, социолингвистика и лингвокультурология и многие другие современные области исследования. Например, в работах В.К. Харченко поднимаются проблемы региональной антропоники и генеалогии, функционирования современного разговорного дискурса, ставится задача организации «языковой поддержки социума в целом и регионального инновационного общества, в частности», что в условиях Белгородчины «знаменует проблематику борьбы за чистоту родного языка (преодоление сквернословия на региональном уровне), разработку проблемы аутовоздействия...» [Харченко 2010: 24].

Также и уже представленные авторами монографии направления предполагают дальнейшее углубление содержания, накопление и осмысление эмпирического материала, в особой степени – диалектологическое, поскольку назрела и требует скорейшего «лингвистического вмешательства» проблема трансформации диалектов в региональные языки, что является одной из существенных особенностей современного языкового развития. Другое направление, обозначенное нами как «концептуально-филологическое» и связанное с исследованием содержательных и стилистико-языковых особенностей произведений известных в регионе литераторов, может стать неисчерпаемым исследовательским источником. Пока же этот потенциал находит подтверждение лишь в тематике университетских курсовых, дипломных и магистерских работ, но так и не стал стимулом для профессиональных филологов к созданию обобщающих аналитических работ.

Обобщение исследований по лингворегиональным проблемам дает возможность разрабатывать учебные программы факультативных, элективных, специальных курсов по социолингвистике, топонимике и ономастике,

региональной лексикографии, этнографии региона и др., в чем проявляется перспективность дидактико-методических аспектов направления.

Еще в одном из первых наших пособий [Новикова 2006] были указаны (в то время – для школьных научных филологических обществ) направления исследовательской работы, «выводящие на поиск, обработку, систематизацию, осмысление региональных лингвокультурных, лингвокраеведческих, социолингвистических явлений и фактов». На том этапе (2005-2006 гг.) были обозначены три наиболее важных направления, сопровождающиеся уточнением тематики и проблематики конкретных научно-исследовательских проектов.

1. Диалектологическое направление:

- фонетические особенности южнорусского говора (на примере языка жителей ....села/ района/города);
- лексические особенности южнорусского говора (на примере языка жителей ....села/ района/города);
- грамматические особенности южнорусского говора (на примере языка жителей ....села/ района/города);
- этнографизмы и названия белгородско-курских ремесел;
- диалектизмы в речи жителей г.Белгорода;
- диалектизмы в художественной литературе (на примере конкретных произведений белгородских писателей) и др.

2. Социолингвистическое направление:

- просторечная лексика в речи современных белгородцев;
- просторечная лексика в речи белгородских школьников;
- жаргонизмы и грубо-просторечная лексика в речи школьников;
- школьные аргы (на примере конкретного учебного заведения);
- «языковой портрет» школы (на примере конкретного учебного заведения);
- сниженная лексика в СМИ (на примере конкретного периодического издания);
- «языковой портрет» газеты (на примере конкретного периодического издания);
- язык рекламы (на примере конкретного периодического издания или примерах наружной рекламы в г.Белгороде).

3. Ономастическое направление:

- история названия улиц города/села/поселка;
- история неофициальных названий районов ... города/села;
- из истории названий городов и сел Белгородской области;
- названия рек и озер...района;
- региональная топонимика: история и современность (на примере конкретного города/ района/села);
- распространенные фамилии ...города/ района/села;

- происхождение фамилий (на примере класса/классной параллели/школы/улицы;
- школьные и уличные прозвища: образование и значение; и др. [Новикова 2006: 33-34].

Как видим, предлагаемые векторы научного поиска не утратили своей остроты и актуальности; два из них – диалектология и региональная ономастика – с той или иной степенью полноты представлены в монографии, что, по нашему мнению, должно стимулировать работу краеведов, поскольку дает теоретическое основание для организации и ведения исследовательской работы. Не менее актуальное для нынешнего этапа развития языкознания социолингвистическое направление, предполагающее изучение просторечия, жаргонов и социолектов, нуждается во внимании специалистов, в подготовке новых практико-ориентированных работ по данной проблематике, поскольку на современном этапе развития гуманитарного знания возникает необходимость организации мероприятий по поддержке языковой культуры общества. По словам В.К. Харченко, инициатива Белгородчины по преодолению сквернословия требует «качественно новых разработок лингвистической стороны этих усилий» [Харченко 2010: 24]. Важность разработки культурно-речевых аспектов региональной лингвистики подчеркивается также остротой для нашей области проблемы просторечия. Преподавателям, журналистам необходимо чаще обращаться к анализу типичных речевых ошибок, демонстрации неуместности грубопросторечных выражений, в особенности – в письменной речи: *«молодой пацан»*, *«бомжсеха»*, *«доставал советами»*, *«поприкалывались»*, *«надсмехалась»*, *«от него все шугались»*, *«его подставили»* и др. (Примеры взяты из сочинений части С в ЕГЭ белгородских выпускников 2011 г.).

Имеется и еще одно «белое пятно» в лингворегионоведческой проблематике – своего рода «лингвистическая персонология» края, обращение к научным работам филологов-земляков, изучение научного наследия связанных с краем языковедов, внесших вклад в развитие отечественной науки. Белгородская лингвистическая школа имеет свое лицо в российской науке. Научные идеи, изложенные в трудах Н.Ф. Алефиренко, В.П. Перетрухина, В.К. Харченко, М.В. Федоровой, Г.М. Шипицыной, С.А. Кошарной, оказывают влияние на развитие современных направлений в филологии. Известны и востребованы словесниками региона работы по неологии Л.И. Плотниковой, по топонимике и ономастике И.И. Жиленковой, В.В. Демичевой, О.И. Еременко, Э.М. Левиной, методические разработки Г.И. Пашковой, Т.В. Яковлевой и др. Обращение к именам и работам ученых, работавших и работающих в Белгороде и области, понимание их роли в развитии отечественной науки способствует развитию интереса к своему краю, гордости за него. В.К. Харченко в работе «Малоисследованные приемы и методики исследования языкового материала» обращает внимание на важность «телеологической лингвистики» – «олицетворенной лингвистики», «лингвистики образцов», когда «всё общество (а не только общество профессионалов!) получает возможность «лицезреть» ученого, черпать ориентиры оценок, поведения непосредственно из его

облика» [Харченко 2008:80]. Необходимо искать пути и формы популяризации научных школ, существующих в регионе, стимулировать обращение к изучению научного наследия Белгородчины.

Например, программой работы научного общества «Юный филолог», функционирующего в Майской гимназии Белгородского района, предусмотрено обращение к именам и трудам белгородских ученых-филологов. Руководитель научного общества (учитель или вузовский преподаватель) во вступительном слове или вводной лекции знакомит слушателей с именами и наиболее известными работами филологов, работающих в Белгороде; на последующих заседаниях общества при рассмотрении конкретных проблем и вопросов учащиеся вместе с руководителем читают выбранные фрагменты, отрывки научных работ, определяют главные мысли, что способствует осознанному выбору тематики и проблематики будущих исследовательских работ и проектов. Следующим этапом может стать встреча учащихся с известными учеными края в виде «круглого стола», вечера вопросов и ответов, творческой встречи, презентации книги. Ученые обычно принимают участие в проходящих в школе заключительных и тематических конференциях. Хорошо известное белгородским педагогам пособие В.К. Харченко «Как заниматься наукой» (2006) может быть взято за основу при определении тематики и стратегии работы школьного научного филологического общества.

Естественно, вопросы, рассматриваемые на заседаниях общества, не ограничиваются «региональными рамками», в этом нет необходимости, но связь с местными учеными, с региональными научными школами является отличительной чертой, «изюминкой» школьных филологических обществ и объединений, включаемых в процесс культуросообразного образования в нашем регионе.

Примеры формулировок программы, в которых указываются имена и работы белгородских ученых:

- Белгородская школа лингвокультурологии: Н.Ф. Алефиренко, С.А. Кошарная, Г.М. Шипицына. Презентация книг Н.Ф. Алефиренко, пособия С.А. Кошарной «В зеркале лексикона».
- Региональная топонимика. Обращение к пособиям белгородских ученых М.В. Федоровой «Народная интерлингвистика. Славяне на Дону», И.И. Жиленковой «Региональная топонимика: лингвистический аспект».
- Региональная языковая ситуация. Культура речи в региональном аспекте. Исследование современного состояния культуры речи общества и отдельных социальных и возрастных групп. Книги и статьи В.К. Харченко по культуре речи: «Поведение: от реального к идеальному», «О языке, достойном человека», «Молодежи о сквернословии» и др.
- Лексикография. Современные словари. Презентация словарей В.К. Харченко: «Словаря детской речи», «Словаря богатств русской речи» и др. «Круглый стол» с участием автора. [См.: Новикова 2007: 146-147].

Эффективность и результативность научно-исследовательской деятельности – и индивидуальной, и в рамках школьных научных обществ, значительно повышается при условии объединения научных интересов

исследователей разного уровня и квалификации: например, в виде тандемов («диад»): *ученик-учитель, ученик-вузовский преподаватель* и «триад»: *ученик-учитель-ученый*. Ученый предлагает или уточняет тему научного исследования учителю (в соответствии с его темой самообразования), оказывает помощь в выдвижении гипотезы, поиске нужной литературы, учитель в рамках своей темы или исследуемой проблемы руководит детскими исследовательскими и проектными работами, помогает своим воспитанникам систематизировать и обрабатывать лингвистические факты, формулировать выводы. Исследовательская и проектная работа учащихся и учителей по региональной проблематике (с отдельными одаренными учащимися, в микрогруппах, в лабораториях при вузах, в виде тьюторства, пролонгированная индивидуальная работа ученых региона с одаренными детьми, позже – студентами, аспирантами) и в целом «живое» взаимодействие трех участников научного проекта: ученика-учителя-ученого – весьма перспективны в деле реализации региональных программ поддержки «науки молодых».

Ощутимым результатом работы по лингворегионоведению могут стать составленные молодыми исследователями региональные диалектные и социолектные словари, в т.ч. словари говора конкретного села, города, отдельного носителя языка, «языковые портреты» социальных групп и т.п. Лексикографическое направление в описании языка региона приобретает для нашей области особую остроту и практическую значимость ввиду отсутствия региональных диалектных и социолектных словарей. В.К. Харченко констатирует: «Нет словарей-тезаурусов, в которых бы фиксировалось все интересное, ценное, даже если слово – находка в одном экземпляре» [Харченко 2008:95]. Актуальность лексикографирования регионального языкового материала находит подтверждение и в работах других лингвистов: «Для русской лексикографии крайне актуально создание социолингвистически ориентированного словаря с фиксацией районов бытования регионализмов, как общеупотребительных, так и социолектно ограниченных...» [Беликов 2004: 182].

Обозначенная проблема распадается как минимум на две подпроблемы: возможность включения регионализмов в нормативные словари и создание специальных словарей региона. Обе нуждаются в осмыслении, в сборе и систематизации «живого» языкового материала.

Напомним, что региональные словоупотребления иногда проникали в словари, но ограниченно и только с пометой *обл.*, которая их выводила за пределы литературной нормы. В единичных случаях словари, отмечая региональность лексемы, связывали ее с реалией, например, в словаре Ушакова дано: *хата* – 'крестьянский дом, бревенчатый или мазанка, в украинской или южнорусской деревне'; «между тем житель Ростова или Белгорода называет хатой и подмосковное, и архангельское сельское жилище...», считает В.И. Беликов, утверждая далее, что многие такого рода языковые единицы оказываются «единственно используемым в повседневной практике способом обозначения определенного понятия для тех лиц, которых никак нельзя исключить из числа носителей литературного языка, например, вузовских

русистов» [Беликов 2004: 181]. Круг региональных слов, претендующих на включение в нормативные словари, пока не обсуждался специалистами.

Еще более сложная проблема – сбор лингвистического материала для создания специального словаря регионализмов. Идеи создания специальных словарей, позволяющих практически доказать локальную вариативность литературного языка, уже начали обсуждаться в современной лингвистике. Т.И. Ерофеева, занимающаяся составлением глоссария пермских локализов, называет в качестве актуальной для подобного словаря «лексику трёх сфер: диалектные элементы, характерные для местной речи; городские по происхождению элементы – урбанизмы; единицы, которые квалифицируются словарями современного языка как просторечные или устаревшие литературные, но имеют подчеркнуто широкое использование в речи жителей данного региона, в отличие от других областей...» [Ерофеева 2010: 107]. Безусловно, региональная лексика достаточно четко структурно организована, в ее составе могут быть и слова литературного языка, и жаргонизмы, и диалектные формы, и топонимы. Первым этапом может стать работа по созданию словарей народной культуры Белгородской области: областным музеем народной культуры уже разработаны этнографические вопросники по темам «Интерьер избы», «Кухонная утварь», «Народные игры», «Русская кухня», «Сельхозорудия», «Обрядовая культура», «Народный костюм» и др., дело только за сбором и классификацией конкретного языкового материала. Наличие массива несистематизированного языкового материала свидетельствует о возможности создания оригинальных словарей лингворегионализмов Белгородской области.

Осмысление социолингвистической проблематики и разработка программ лингвистической поддержки современного социума, формирование «филологической персонологии» региона, активизация лексикографической работы – несомненно, эти векторы научного поиска востребованы на нынешнем этапе лингворегионоведения.

1.5.2. Систематизация регионально актуальной лингвокультурной информации с помощью кластерного метода

Для решения актуальной проблемы, какой нам представляется формирование лингворегионоведения и выявление актуальных для него исследовательских направлений, необходимо не только анализ составляющих языкового пространства региона (что предпринято в данной работе), но и создание гипотетической модели его исследования, использование наряду с традиционными методами исследования (анализ, синтез) инновационных методов обработки, систематизации и презентации регионоведческой информации, например, Интернет-, видео- и электронных ресурсов, современных способов структурирования и моделирования лингвокультурной информации, одним из которых является кластерный метод¹.

---

¹ Моделирование информационно-языкового пространства региона с применением кластерного метода было предпринято автором в рамках внутриуниверситетского гранта 2010 г. «Кластерная репрезентация регионально актуальной лингвистической информации»

Кластерирование информации (от англ. *cluster* – «скопление») – объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определёнными свойствами, вполне применимо и актуально для того вида интегративного знания, каким является краеведческое знание. Спектр применения метода кластерирования достаточно широк: его используют в археологии, медицине, психологии, химии, биологии, государственном управлении, антропологии, маркетинге, социологии и, разумеется, в филологии. То есть кластер как понятие, обозначающее «совокупность объектов, которые близки между собой так же, как диалекты или наречия одного языка, однако составляющие его компоненты (все или часть их) на основе каких-либо причин считаются отдельными языками», достаточно широко используется в языковой систематике¹. Моделирование информационно-языкового пространства региона с применением кластерного подхода актуально для регионоведения, так как позволяет выявить проблемы и сильные стороны направления, обозначить отдельные объекты углубленного исследования, установить системные связи внутри кластерного континуума «Региональное языковое пространство». Полученная информация становится обоснованием выбора векторов и средств развития научного направления. Однако кластерирование регионального языкового «поля», применимое для такой интегративной области знания, как лингворегиеведение, в отечественной научной практике нами не отмечено.

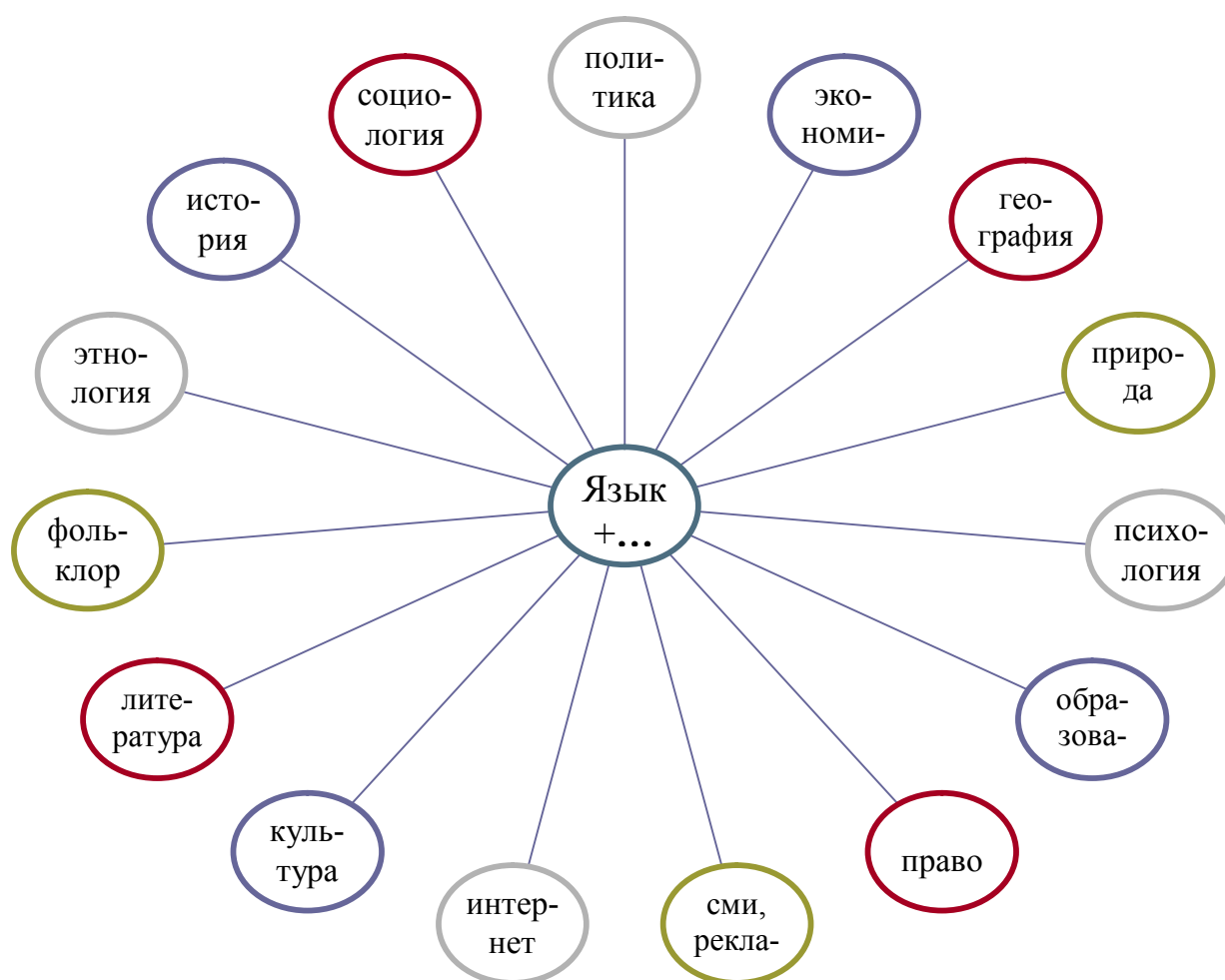
Кластерный подход может быть разработан и реализован как на содержательной, так и на организационно-технологической основе, и обе основы могут взяты для создания кластера «Региональное языковое пространство».

Систематизация актуальной лингвокультурной информации с помощью кластерного метода, произведенная на *содержательной основе*, может быть представлена в виде континуума информационных блоков, каждый из которых представляет определенную область знания, сопрягаемую с исследованием специфики языка данной области. Поскольку трудно назвать научную отрасль, не имеющую языкового воплощения и, следовательно, специфической языковой проблематики, невозможно даже приблизительно обозначить количество таких объединений – их может быть сколько угодно. Вот только несколько возможных кластерных объединений: «Язык и природные особенности региона», «Язык и география региона», «Язык и экономика региона», «Язык и этнография», «Язык и история края», «Язык и литература: произведения региональных авторов», «Язык и фольклор», «Язык и региональные СМИ», «Язык рекламы в регионе», «Язык и Интернет», «Язык и региональная политика в области культуры», «Язык и культура», «Язык и социальные программы в регионе», «Язык и социология», «Язык региона и образование», «Язык и психология», «Язык и право» и т.п. Рождение подобных «бинарных объединений» может быть продолжено и далее (схема 2).

---

¹ Материалы по: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%.....>

Любой из информационных блоков-кластеров – объединение, «пучок» элементов, каждый из которых может рассматриваться как самостоятельная и в то же время связанная со всеми другими элементами единица. Возьмем, например, кластер «Язык и география»: выделяемые здесь «элементарные частицы» (частные объекты), такие как «Региональная ономастика», «Тематические группы географической лексики», «Лексическая география», «Диалектология» и др. могут быть дробимы и далее, например: в «Региональной ономастике» вычленяется «Региональная топонимика», «Региональная топонимика» в свою очередь конкретизируется в зависимости от типов и видов исследуемых ойконимов: собственно топонимы, гидронимы, годонимы, эргонимы и т.д., которые далее, теперь уже в свою очередь, могут быть дифференцированы в зависимости от лингвистических, этимологических, социально-исторических, географических и др. особенностей топонимических номинаций.

Как видно на схеме, каждая «дробная» составляющая кластера становится новым объектом исследования. При этом все блоки – кластеры связаны друг с другом и зависимы друг от друга, поскольку это совокупность согласованно действующих на основе общей цели субъектов – это принцип кластерного континуума.

Показать эту взаимосвязь-взаимозависимость можно на примере наличия общих объектов анализа в блоках «Язык и региональная политика в области культуры», «Язык и региональные СМИ и реклама», «Язык и Интернет»: языковая и культурная политика региона может быть рассмотрена с точки зрения наличия и содержания соответствующих документов, с точки зрения представленности данных текстов в СМИ и Интернете, с точки зрения отслеживания в СМИ результативности осуществляемой политики, обсуждения в Интернете и т.д.

Результат поиска возможных исследовательских объектов лингворегионоведения, представленный в виде кластерного континуума с обозначением отдельных информационных блоков как объектов специального анализа, является первым опытом репрезентации нового интегрированного знания в подобном формате. Кластерный подход основан на партнерстве заинтересованных друг в друге субъектов и приводит к получению нового результата за счет интеграции усилий специалистов разных отраслей знания.

Кластерная репрезентация регионально актуальной информации, установление системных связей между элементами, заявленными и представленными в кластере «Региональное языковое пространство», – это современный подход к осмыслению и описанию культурно-языковой картины региона, направленный на решение проблем, связанных с совершенствованием образовательной и культурной политики в Белгородской области, с подготовкой молодого поколения к условиям жизнедеятельности в инновационном обществе.

Перспективными формами деятельности по освоению культурно-языкового пространства региона могут стать также: 1) разработка модели регионоведческого информационного пространства и создание тематического сайта «Язык Белгородского региона»; 2) проведение регулярных научно-практических конференций, в частности, ежегодной региональной конференции «Исследование и изучение культурно-языкового пространства Белгородчины»; 3) создание на базе действующего межфакультетского проблемного семинара «Лингвистическое регионоведение» центра (научной лаборатории) по исследованию языка региона по примеру лабораторий и лингвистических центров по лингвокраеведческой тематике, существующих при университетах в Барнауле, Волгограде, Краснодаре, С.-Петербурге, Чите и др. городах РФ.

В перспективе лингворегионоведение, возникшее на стыке наук и развивающееся на наших глазах в отдельное научное направление, должно быть описано на том уровне, на котором описаны базовые для него научные отрасли: диалектология, социолингвистика, топонимика, этнография, лингвокультурология и др.

Анализ проблем, связанных с изучением языка региона на современном этапе, позволяет сделать некоторые выводы:

- реформирование образования в XXI веке поставило новые акценты в определение понятия «краеведческое образование» и актуализировало изучение языка и культуры края;

- концепция культурологического подхода позволяет органично ввести в образовательный процесс новые направления, к которым может быть отнесено лингворегионоведение;
- при определении векторов исследования и составлении краеведческих программ следует учитывать историко-культурное своеобразие и актуальные направления развития региона;
- реальным результатом работы по исследованию языка региона могут стать диалектные и региональные словари или лексический материал к словарям;
- необходимы дальнейшая разработка теоретических основ и прикладных аспектов лингворегионоведения, определение и освоение актуальных направлений и объектов исследования, поиск и освоение новых методов обработки и репрезентации регионоведческой информации.

Список использованной литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие. – М.: Флинта. Наука, 2005.
2. Белгородоведение: учебное пособие/ под ред. В.А.Шаповалова и др. – Белгород, 2002.
3. Беликов В.И. Задачи социальной лексикографии // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Межд. конгресс исследователей русского языка : труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 181-182.
4. Белозерцев Е.П. Образование: историко-культурный феномен: курс лекций. – СПб.: ЮридцентрПресс, 2004.
5. Большой энциклопедический словарь: в 2 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – Т. 1.
6. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка/ Преподавание отечественного языка: учеб. пособ. для студентов пед. институтов: сост. И.Ф. Протченко, Л.А. Ходякова. – М., 1992.
7. Быстрова Е.А. Русский язык в школах многонациональной России// Русский язык в школе. – 2004. – №2. – С.44-47.
8. Вессель Н.Х. Очерки об общем образовании и системе народного образования в России. – М.: Учпедгиз, 1959.
9. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: учебное пособие. – СПб, 1995
10. Гершунский Б.С. Образование как религия третьего тысячелетия: гармония знания и веры. – М., 2001.
11. Голев Н.Д. Интеграционные модели в лингвистике и лингводидактике // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия: сб-к научных докладов/под ред. В.А.Суханова. – Томск: Изд-во Том.унта, 2006. – С.8-24.
12. Дистервег А.Ф. Избранные педагогические сочинения; сост. и вступ. ст. В.А. Ротенберга. – М.: Учпедгиз, 1956.
13. Донская Т.К. Русская национальная школа: проблемы и решения. – СПб.: Сударыня, 1998.
14. Ерофеева Т.И. Словари городской диалектологии как лексикографической интерпретации языковой реальности // Новые версии лексикографической интерпретации языковой реальности: материалы Всероссийской науч. конф. «Язык. Система. Личность. Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление». – Екатеринбург, 2010. – С. 106-110.

15. Ефанова Л.П. Ономастикон в регионализации образовательного пространства// Ономастикон Поволжья. – Уфа, 2006. – С.48-50.
16. Запесоцкий А.С. Образование: философия, культурология, политика. – М.: Наука, 2002.
17. Лингвистическое отечествоведение: коллективная монография / под ред. В.И. Макарова, Е.Н. Пальчун. В 2 т. Т.1. – Елец, ЕлГУ, 2002.
18. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987.
19. Культурологический подход в теории и практике педагогического образования : монография / под ред. И.Ф.Исаева. – Белгород: Изд-во БГУ, 1999.
20. Мудрик А.В. Социальная педагогика: учеб. для студ. пед. вузов/под ред. В.А.Сластенина. – М.: «Академия», 1999.
21. Новикова Т.Ф. Язык и жизнь: система элективных курсов региональной направленности. – Белгород, 2005.
22. Новикова Т.Ф. Социо- и этнокультурный компонент региональных программ по русскому языку (для школ Белгородской области). 2-е изд., доп. – Белгород, 2006.
23. Новикова Т.Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования: монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.
24. Новикова Т. Ф. Лингворегионоведение. Часть 1: программа и программно-методические материалы. – Белгород, 2010(а); Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение. Часть 2: практикум. – Белгород-Харьков, 2010 (б).
25. Питинова Т.Г. Краеведческое образование в России: историко-педагогический аспект // Научные ведомости БелГУ. Серия «Педагогика». – №1 (27). Выпуск 2. – 2006 – С. 258 – 264.
26. Словарь русской лингвистической терминологии / под общ. рук. проф. А.Н. Абрегова. – Майкоп, 2004.
27. Соколова Т.С. Метаконтексты как отражение языкового сознания (на материале белгородских говоров)// Лексическая и грамматическая семантика: материалы республиканской научной конференции. – Белгород, 1998. – С.92-95.
28. Текучев А.В. Основы методики орфографии в условиях местного диалекта. – М.: Изд. АПН РСФСР, 1953.
29. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. В 2 т. / Под ред. А.И. Пискунова. – М.: Педагогика, 1974. – Т. 1.
30. Харченко В.К. Малоисследованные приемы и методики исследования языкового материала. – М., 2008.
31. Харченко В.К. О языке, достойном человека: учебное пособие. – М.: Флинта. Наука. – 2010.
32. Ходякова Л.А. Приобщение школьников к национальной культуре средствами изобразительного искусства // Русский язык в школе. – 2004. – №6. – С. 7-12.
33. Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение: учеб. пособие. – Курск, 2001.
34. Шаповалов В.К. Этнокультурная направленность российского образования. – М., 1997.
35. Шахматов А.А. Русский язык как предмет обучения в средней школе // Методика преподавания русского языка: хрестоматия / под ред. М.С. Лапатухина. – М., 1960. – С.156-158.
36. Шмелева Т.В. Диалекты и язык города//Русские народные говоры: история и современное состояние: тезисы докладов межвузовской конференции. – Новгород, 1997 – С. 103-104.
37. Ямбург Е.А. Контуры культурно-исторической педагогики//Педагогика.- 2001. – №1.- С.3-10.

Глава II
**ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОГО
СВОЕОБРАЗИЯ РЕГИОНА
И ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРОВ**

**2.1. Исторические и этнические предпосылки
языкового своеобразия региона**

2.1.1. Белгородчина как регион

Согласно общепринятому определению, *регион* (от лат. *regio* – страна, область) – крупная индивидуальная территориальная единица (например, природная, экономическая, политическая и др.); региональный – относящийся к какой-либо определённой территории (району, области, стране, группе стран). Регион – это наиболее удобное и содержательное понятие, с помощью которого можно обозначать территорию, выделяемую по определённым признакам и отделённую по этим признакам от другой территории (т.е. другого региона).

Заметим, что понятие региона было вызвано к жизни тем, что как на разных уровнях общественных практик, так и в деятельности разнообразных человеческих групп общественное пространство функционирует как неоднородное. Для наименования способа, каким общественное пространство, которое используется личностью, делится на зоны, употребляется понятие «регионализация». В этом плане регионализированным становится пространство дома, университета, магазина, завода, города и т.п. Регионализация повседневной жизни индивида или маленьких групп имеет функциональный характер.

В научном изучении общества и общественных явлений для понимания важности изучения пространственной морфологии общества и понимания процессов регионализации был существенным тот период, когда в социологии начали разворачиваться массовые общенациональные опросы. Именно в ходе социологических эмпирических исследований стала очевидной действительность региональных факторов для выделения отдельных – особенных, социально освоенных территорий. Это и подтолкнуло к необходимости выделения объективно действующих и эмпирически фиксируемых регионообразующих факторов.

Наиболее концептуально учение о регионообразующих факторах к настоящему времени представлено в российской социологии, что объясняется стремительным развитием в современной России такого интегрального (междисциплинарного) направления исследований, как регионалистика, и такой интегральной учебной дисциплины, как регионоведение. Согласно этим представлениям в экономическом и социологическом анализе территорий обычно рассматривается ряд регионообразующих факторов, которые разделяются на две группы: внутренние и внешние. К первой группе относят следующие: история региона; государственное (административное) и территориальное устройство; географические и климатические условия, естественные ресурсы; народонаселение, его динамика, расселение и урбанизация; этнический состав населения; экономико-географическое состояние; трудовые ресурсы. Внешними относительно конкретного региона регионообразующими факторами являются межрегиональные и международные отношения [Регионоведение 2002]. То обстоятельство, что все эти факторы эмпирически фиксируются, делает учение о них убедительным. Его легко применить с прикладной целью, будь то решение общественных проблем или преподавание в учебных заведениях.

Проведём анализ указанных факторов в контексте регионального своеобразия Белгородчины.

Географические и климатические условия – этот действительно важный фактор образования регионов, в том числе и Белгородчины. Но этот фактор надо рассматривать в контексте совокупной деятельности определенного общества, так как разные общества по-разному осваивают естественные условия. В конце XVI в. рассматриваемый регион, находящийся у края Лесостепи, начал использоваться как буферная – охранная от набегов татар – зона Московского государства. Позднее природные особенности Белгородского края – леса и водоёмы, грунты и месторождения полезных ископаемых (самое крупное из них – Курская магнитная аномалия) начали использоваться экономически.

Заметим, что экономико-географическое состояние региона как результат такого освоения не является сугубо внутренним фактором региона. Оно обуславливается состоянием экономической жизни всего государства. Поэтому одна и та же территория на разных этапах истории может входить в разные пространственные морфологии. Так и Белгородчина в различные периоды своего существования входила, зависимости от различных внешних и внутренних факторов, в различные территориальные, административные и государственные образования: Киевская губерния, Азовская губерния, Курское наместничество, Слобожанщина, Курская губерния, Украинская держава, Центрально-Чернозёмная область, Курская область. Выступала Белгородчина и как отдельный административный регион: Белгородская провинция, Белгородская губерния, Белгородский уезд, Белгородская область.

В рамках последовательной политики Европейского Союза, направленной на децентрализацию политической и экономической власти, во второй половине XX в. была сформирована концепция *еврорегионов* – особой формы международной интеграции, основанной на тесном сотрудничестве двух или нескольких территориальных образований, расположенных в при-

граничных районах соседствующих государств Европы. Создание таких своеобразных экстерриториальных образований позволяет его участникам формировать совместные экономические структуры, развивать приграничную торговлю, реализовывать различные проекты в области туризма, экологии, спорта и культуры. Обычно еврорегионы объединяют территории, связанные между собой географически или исторически. Среди 115 реально действующих еврорегионов – первый еврорегион появился на границе Германии и Нидерландов ещё в 1958 г. Известен и еврорегион «Слобожанщина», созданный 7 ноября 2003 года как высшая форма приграничного сотрудничества между Харьковской и Белгородской областями Украины и Российской Федерации. В 2005 г. Белгородская областная Дума приняла Закон Белгородской области № 223 «Об утверждении соглашения о создании еврорегиона «Слобожанщина» [Закон Белгородской области 2005]. В 2009 г. еврорегион «Слобожанщина» признан полноправным членом *Ассоциации европейских приграничных регионов (АЕПР)*. Задачи еврорегиона «Слобожанщина» лежат в сфере развития смежных территорий: развитие экономики, образования, решения экологических проблем, социальной поддержки, сопровождение деятельности строительного, транспортного, туристического, финансового и фармацевтического кластеров [Информационная справка 2006].

Анализ природных и экономико-географических особенностей Белгородчины указывает на их безусловные отличия от подобных качеств соседствующих с ней регионов, однако они не являются принципиально существенными. География (в том числе и экономическая география) исследует расположение элементов общества в пространстве, а социология регионов рассматривает производство обществом собственного пространства. Анализ региона с этих позиций опирается на изучение самого процесса освоения обществом географического пространства, т.е. на историю региона. Именно история формирует особое отличие региона, самосознание его жителей, восприятие региона жителями других регионов страны.

Без народонаселения нет региона, и динамика региона зависит от закономерностей развития регионального сообщества. В определенной мере это же касается и этнического состава населения. Межэтнические отношения зависят от этнической структуры регионального сообщества. В целом этнокультурные особенности населения, которые во многом производны от истории региона, являются одним из наиболее надежных маркеров региональных границ.

С этой точки зрения довольно мощным социальным регионообразующим фактором выступает специфическая культура населения региона, которая формирует «лицо» региона, самосознание его жителей, восприятие региона жителями других регионов страны. Ещё во второй половине XIX в. Видель де дя Блаш писал об «индивидуальности региона», которая проявляется в разных формах коллективного социального поведения. Такой культурологический подход к анализу региона, и в частности, Белгородчины, представляется достаточно перспективным, т.к., в отличие от экономико-географического, он позволяет рассмотреть регион как территориальный

культурологический феномен. Ниже мы рассмотрим один из аспектов этого явления: языковое своеобразие Белгородчины, его исторические и этнические предпосылки.

В данном контексте культурные особенности населения региона позволяют не только особым образом выделить регион из числа других, но и идентифицировать его жителей, а также людей, продолжительное время живших в регионе. Это объясняется тем, что жизнь человека в обществе невозможна без усвоения им культурных образцов, а это в свою очередь происходит через отождествление себя с определёнными социальными группами.

Кроме этого, самоидентификация личности относительно определённой региональной культуры способствует развитию самосознания личности, формируют особую – региональную идентичность. Заметим, что в общем плане самоидентификация – личностная *идентификация* – рассматривается в современной социологической науке как отождествление личностью себя с другим человеком, социальной группой или социальной общностью, определённым примером (образом) или идеалом. Если идентификация рассматривается как процесс наследования поведения, качеств определённых людей, социальных групп и общностей, с какими индивид себя отождествляет, то «*идентичность*» представляет собой своеобразный результат этого процесса, производный от разнообразных частных идентификаций, причём не простую их сумму, а качественно иную комбинацию старых и новых идентификационных фрагментов. В данном случае идентичность, как и другие качества личности, является продуктом социализации, и, по словам П. Бергера и Т. Лукмана, «представляет собой феномен, возникающий из диалектического взаимодействия индивида и общества» [Бергер 1995: 32].

Следует отметить, что проблемы социальной идентичности более столетия интересуют философов, психологов и социологов. Так, в философии разрабатывались проблемы сущности и существования человека, общественной природы его сознания и самосознания, формирования личности. Активное психологическое изучение феномена идентификации велось в рамках психоанализа, неопрейдизма, необихевиоризма, когнитивизма. Содержанием данного явления объявляется приобретение новых, уже готовых форм поведения, копирования мыслей, чувств других людей, усвоение ценностей, идеалов, установок значимых групп. Отличие между социологическим и психологическим подходами к идентификации, в первую очередь, по мнению В. Ядова, определяется начальными точками отсчёта в разворачивании проблемы идентификации. Социологический подход направлен на выделение позиции совокупного социального субъекта, а психологический начинается с объяснений представлений отдельной личности. Наиболее распространённым в социологии взглядом на идентификацию есть понимание этого феномена как процесса объединения себя с другим индивидом или группой на основании устойчивой эмоциональной связи, а также включения в свой внутренний мир и восприятие в качестве собственных их норм, ценностей и образцов поведения [Ядов 1994: 13].

Специфическая – с региональными особенностями – культура вклю-

чает в себя и особенное для населения данного региона речевое проявление. Язык входит особым компонентом в образ «малой родины», с которой идентифицирует себя индивид – он входит наряду с прямым указанием на этнос и конкретную местность с её топонимикой, особенностями и деталями пейзажа, бытового, культурного и религиозного уклада; наряду с историей края, своеобразием художественного творчества (песен, танцев, обрядов, стихов и прозы), интерьера, особой региональной одежды и т.п. В социорегиональном контексте особый язык, которым разговаривает население региона, будь это билингвизм, пиджин, койне, суржик, проявления субстрата или другие региональные языковые особенности, выступает не только своеобразным языковым маркером населения данной местности – именно язык является наиболее мощным фактором самоидентификации личности относительно определенной региональной культуры.

Обратим внимание на то, что побочным продуктом региональной идентичности является формирование особого отношения индивида к иным культурным качествам и особенностям, не идентифицируемым им лично с собою. В лучшем случае, это может быть толерантное отношение к иным культурным особенностям, к иному языку или к его диалектологическим вариациям. Чаще всего иное: язык, культура, если не отталкиваются индивидом, то все-таки не принимаются им как свои. Так, например, человек, разговаривающий иначе, чем все остальные жители региона, воспринимается ими как чужой.

2.1.2. История заселения Белгородчины как причина ее языкового своеобразия

Известно существование на территории современной Белгородчины в XII в. на восточной границе Черниговского, а позднее – Новгород-Северского княжества трёх древнерусских поселений: город и крепость на Хотмыжском городище, город вблизи современного с. Крапивное Шебекинского района и крепость на Холковском городище. В первой половине XIII века, во время монголо-татарского нашествия, города и крепость были разрушены и не восстанавливались [Белгородоведение 2002: 55-57; Филлипов 2006]. Был разрушен и упоминаемый в «Слове о полку Игореве» город Донец вблизи современного Харькова и другие славянские поселения, а край опустошён. Таким образом, первая попытка славян закрепиться на Востоке, в степи, закончилась поражением, и несколько столетий этот регион оставался практически безлюдным «Диким полем».

Вновь заселяться Белгородский край начал с конца XVI столетия, когда Московским государством были основаны города Белгород, Старый Оскол, Валуйки. В первую очередь это были военно-служилые люди. Так, А. Танков указывает, что в Белгороде в 1629 году уже имелось три пригородных казацких слободы: Рязская, Михайловская и Пронская, которые получили наименование по трем рязанским городам, откуда вышли новопоселенцы [Танков 1913].

Первая волна освоения Дикого поля (конец XVI – первая пол. XVII в.) была обусловлена необходимостью защиты южных окраин государства от татарских набегов. В середине XVII в. для обороны от набегов татар была сооружена защитная Белгородская линия, на которой были построены города Яблонов, Новый Оскол и Короча.

По данным «Писцовой книги» 1646 г. по Белгороду старинный Белгородский уезд занимал весь уезд того же имени в созданной позднее Белгородской губернии, более половины Корочанского, восточную часть Грайворонского и часть Харьковщины. Хотя в восточной части селений тогда еще не было, но военно-служилые люди владели здесь землями. Эти земли Белгородского уезда были в бассейне Северского Донца, по нему и по впадающим в него рекам шло российское заселение уезда с севера на юг. Вотчинников и помещиков уезда в это время было более 300. Большинство владельцев были боярские дети. Если некоторые из них состояли атаманами и станичниками, то, как видно из писцовых книг, они исполняли станичную и атаманскую службу, оставаясь в сословии боярских детей, то есть дворянском. Отличительные черты класса дворян и детей боярских состояли в праве быть свободными от налогов и в праве землевладения, но с обязательной службой [Танков 1913].

Одновременно с этим и чуть позже были построены украинскими казаками города Харьков, Изюм и Острогожск. За пределами Белгородской черты русскими служилыми людьми основаны крепость Царев-Борисов (ныне Червонный Оскол), Чугуев, Изюмский и Можский остроги (Изюм и Валки). К этому времени относятся достоверные сведения о Святогорском монастыре. С начала учреждения этих и других городов московские чиновники встречали в Диком поле «черкас» – так называли украинцев, переселенцев из Правобережья Днепра – они держали пасеки, ловили рыбу, охотились в крае. Таким образом, заселение этой территории проходило одновременно как с севера, административным путём – «московскими служилыми людьми», так и стихийно, с запада – украинскими казаками и селянами.

Вторая волна заселения Дикого поля (середина – вторая половина XVII в.) характеризуется уже непосредственным привлечением Россией к охране своих южных границ украинского казачества путем предоставления им определенных привилегий (свобод). Эти свободы состояли в праве беспрепятственно занимать пустующие земли (заимки), иметь особое казацкое устройство и самоуправление, беспошлинно заниматься многочисленными промыслами (земледелием, садоводством, скотоводством, пчеловодством, винокурением, мукомольством, дегтярством, селитроварением, ярмарочной торговлей и др.), содержать на откупе таможи, мосты, перевозки.

Поселения, в которых жили украинцы, называли слободами. Слобода, согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, означает «село свободных людей». Отсюда и происходят названия этой

территории – Слобожанщина и Слободская Украина¹. Ныне это территория, охватывающая большую часть Харьковской, восток Сумской, север Луганской и Донецкой областей Украины и приграничные к ним районы Белгородской, Курской и Воронежской областей Российской Федерации.

Со временем украинская колонизация Дикого поля активизировалась – историки насчитывают несколько миграционных волн из-за Днепра на земли современных Харьковской, Белгородской и Воронежской областей [Щелков 1882; Багалій 1990]. К переселению украинцев подталкивали притеснения польской шляхты, постоянные татарские набеги на украинские степи. Массовый исход днепровских казаков на Слобожанщину начался в период освободительного восстания украинского казачества против Польши.

Московские власти охотно принимали украинцев целыми селами и воинскими ватагами: переселенцы колонизировали свободные земли и защищали их от татар. Так, например, в 1638 г. пришло в Белгород с гетманом Яковом Остряницею, одним из руководителей селянско-казацкого восстания, «...865 мужчин украинцев с женами, детками малыми, с зерном и скотом – конями, коровами, овцами...». Они были поселены на Чугуевском городище, где построили город и крепость. На новых землях переселенцы берегли и уважали свои обычаи, правила и самостоятельно избирали казацкую старшину [Багалій 1990: 23-24].

По мнению академика Д. Багалия, украинская колонизация края была превосходящей: «они (украинцы – Н.С.) основали много городов, слобод, сел и хуторов, которые собственно и составили из себя Слободскую Украину, или иначе – Слободские казацкие полки» [Багалій 1990: 25]. Все пять слободских полков разделялись на сотни. Сотенное управление осуществляли сотник, атаман, есаул, хорунжий и писарь. Такая система власти отмечалась двумя характерными признаками: избирательностью старшины, но при этом жесткой иерархией полувоенной власти. В оперативном плане слободские полковники подчинялись белгородскому воеводе, который назначался уже из Москвы (позже из Петербурга), и взаимоотношения с воеводой у казаков были далеко не безоблачными.

Этот край упоминается и в изданном в 1898 г. на французском и русском языках V томе энциклопедического издания (состоящего из 19 томов) «Всеобщая география Элизе Реклю. Земля и люди». Известный швейцарский профессор-географ Э. Реклю пишет: «...Великая Россия тоже имела свои пограничные области, свои окраины, или «украины», в одной из которых образовались в XVII столетии малорусские вольные поселения или слободы (так называемая «Слободская Украина»), разделённая ныне между губерниями Харьковской, Курской и Воронежской [Реклю 1898: 794]. Можно, однако, сказать, что жители местностей, составлявших некогда

---

¹ Заметим, что использование названия Украина в литературе XII-XV столетий свидетельствует, что в тот период термин «Украина» использовался как синоним «княжества», «земли». Украина означает «наше княжество», «наша земля», «страна». И ныне по-украински слово «країна» означает собственно страну. Название «Украина» применялось и относительно русских и белорусских земель – Рязанская Украина, Ростовская Украина, Полоцкая Украина.

Слободскую Украину, менее бедны, нежели жители центральной России: эти малороссы, потомки вольных казаков, имеют в своей среде очень большое количество купцов и промышленников и отличаются в наибольшей степени «великорусскими качествами» – деятельностью и предприимчивостью. Во многих деревнях две народности, малорусская и великорусская, живут одно подле другой, и две части селения, разделённые речкой или оврагом, представляют резкий контраст: с одной стороны вы видите раскиданные поодиночке хаты малороссиян, деревянные домики, обмазанные снаружи глиной и выбеленные мелом, окружённые садами и цветниками; с другой – длинные ряды русских изб, голых бревенчатых построек, без всякой зелени, придающей жилью более весёлый вид» [Реклю 1898: 1100].

В 1727 г. из Киевской губернии была выделена Белгородская губерния, к которой были отнесены 5 слободских полков – (Ахтырский, Изюмский, Острогожский, Сумской и Харьковский), полуавтономных административно-территориальных и войсковых единиц, подчинявшихся Белгороду только по гражданским делам. Белгород был выбран в качестве главного города губернии, как главный город Белгородской черты, бывший тогда важнейшим военно-административным центром на юге Российской империи. А в 1765 г. Слободжанщина была провозглашена царским манифестом административной единицей Российской империи – Слободско-Украинской губернией, губернатору которой подчинялось, в частности, и население Белгородской губернии. Позднее, в ходе очередной административной реорганизации 1780 года, Слободско-Украинская губерния была ликвидирована, ее территория, за исключением Острогожской провинции, вошла в состав Харьковского наместничества. Годом ранее была упразднена и Белгородская губерния.

Укажем, что название «Слободжанщина» в последние десятилетия приобретает все более заметное культурологическое значение. Объясняется это тем, что региональная особенность Слободжанщины связана не только с её особой исторической судьбой, обусловившей тесное соседство и совместное проживание двух этносов, но и со спецификой их взаимодействия и культурными следствиями такого взаимодействия. Украинцы и россияне в крае долгое время тщательно сохраняли свои обычаи, традиции, быт, обряды, танцы, песни и, конечно, язык. Историки отмечают, что в середине XVIII ст. количество межнациональных браков не превышало 3%, что содействовало сохранению особенностей культуры, языка и быта как украинцев, так и россиян Белгородского края [Бережной 1997]. Напомним, что в то время и в дальнейшие почти два столетия письменного украинского языка в крае, как и по всей Российской империи, практически не существовало. Со времени издания указа Петра I 1720 г. о запрете книгопечатания на украинском языке в России действовал целый ряд запретов (которые нередко нарушались) на использование украинского языка в школах, в литературной и журналистской деятельности, в церквях и театрах, запрет на ввоз украинских книжек из-за границы. Но, несмотря на это, украинский язык на Слободской земле использовался не только на бытовом уровне. В изданном в

Донецке учебном пособии-хрестоматии по украинской литературе Северной Слобожанщины – так еще называют слободские земли, расположенные в настоящее время в Российской Федерации – рассказывается об украинских писателях, которые родились или некоторое время жили и творили в крае [Олифиренко 2005].

По данным переписи 1897 г., которые приводит В.Сергийчук, в то время в Воронежской губернии было 854093 украинцев (43,4%), в Курской – 523277 (32,6%). При этом в Острогожском уезде проживало 90 процентов украинцев, в Богучарском – 80, Бирючанском – 70, Грайворонском – 60 [Сергийчук 1991: № 8-9]. Поэтому уже после Февральской революции в Белгородчине на уездном уровне начался процесс украинизации системы образования и культуры. Он продлился и в советские времена, но в действительности не был практически поддержан администрацией губернии. И хотя в марте 1925 г. Президиум Всероссийского ЦВК предложил Курскому губисполкому перевести на украинский язык в районах компактного проживания украинцев школы, ликбезы, избы-читальни, украинизировать школы крестьянской молодежи, организовать педагогические техникумы для подготовки учителей-украинцев, открыть в библиотеках отделы украинской книжки и т.п., но губернская власть в Курске фактически саботировала это предложение. Вот как описывал нарком образования Украины Н. Скрипник состояние с украинским языком в губернии: «В августе 1925 года в Курской губернии из 844 ликпунктов, 82 изб-читален, 19 библиотек не было ни одной украинской. В 1926 году украинизированных изб-читален было 1, а ликпунктов было всего 2.

В Грайворонском уезде, где украинцев по языку 95%, лишь в 4-х школах первой степени украинизирована первая группа. Там также есть лишь одна украинская изба-читальня, притом снятая с бюджета, и только в одном педтехникуме украинский язык преподается как предмет, а все другие предметы – на русском языке... В библиотеках нет украинской книжки, в школах почти совсем нет украинских учебников.

В Белгородском уезде украинизированные школы не могли в 1927 году работать, так как не было средств на приобретение украинских учебников. В Воронежской губернии картина такая самая, хотя там украинских школ в несколько раз больше, как на Курщине, а тем не менее и это количество недостаточно. Ссылка на отсутствие учителей и учебников, безусловно, не оправдывают имеющегося состояния. В Воронежском рабфаке преподавание украинского языка, как одного из предметов, уже в 1927/28 году прекратилось, и рабфак снова не может давать нужных кадров учителей для украинского населения, для дальнейшей работы в украинских школах губернии. На Курщине образован в Грайвороне (ныне Белгородская обл. – Н.С.) Украинский педагогический техникум в 1925/26 году, но немедленно же по организации такого техникума было прекращено преподавание украинского языка и украиноведения, то же самое в Белгородском и Суджанском уездах, а вся украинизация Грайворонского техникума была сведена к

тому, чтобы в нем преподавали украинский язык как украинский предмет» (цит. по В. Сергийчук [Сергийчук 1991: № 10-12]).

В современном учебнике «Белгородоведение» отмечается, что в 1929-1930 годах украинизация на Белгородчине достигла определенных положительных результатов: работали украинские школы, увеличилось количество лиц, которые владели украинским языком, наладилось издание книжек и учебников на украинском языке (в 1929 г. в округе украинской литературы было продано 25% от общего количества), печаталась «украинская страница» в газетах, было переведено в некоторых сельсоветах делопроизводство на украинский язык, был открыт в 1930 г. Украинский педагогический институт. Однако, вместе с этим, были и существенные недостатки: украинизация в крае проводилась с чрезмерной поспешностью, с недостатком преподавателей, специальной литературы и денег на издание учебников на украинском языке, с определенным принуждением людей к украинизации. А уже с началом 30-х годов изменяется и генеральная линия компартии по национальному вопросу, политика украинизации на Белгородчине свертывается и фактически завершается в 1933 г. закрытием Украинского педагогического института [Белгородоведение 2002: 151-152].

Современные демографические сведения об украинском населении Белгородчины, которые опираются на российские переписи 1989 и 2002 г., показывают заметное сокращение численности тех белгородцев, которые называют себя украинцами, – с 5.44% все население области в 1989 г., до 3.56% в 2002 г. (приблизительно так, как и сокращалось количество украинцев в целом по Российской Федерации – с 3% до 2% за указанный период) [Итоги 2002; Итоги 2004]. Интересное наблюдение: среди тех, кто в ходе переписи идентифицировал себя (и своих маленьких детей) с украинским этносом на Белгородчине 43% – мужчины и 57% – женщины (по России это соотношение составляет 48% и 52%, соответственно). А украинским языком в Российской Федерации в 2002 году владели 70% украинцев [Итоги 2002]¹.

2.1.3. Начало исследований слобожанского (курско-белгородского) говора

Разумеется, приведенные выше статистические данные не отображают полностью реальное современное состояние украинского этноса на Белгородчине. Несмотря на отсутствие высказанной или осознанной белгородцами идентификации с украинцами, в селах и городках сохранились многочисленные элементы украинской культуры: в языке, обычаях и песнях, в материальном быту. По подсчетам краеведов, в семи районах Белгородской и трех районах Воронежской областей часть этнических украинцев достига-

---

¹ Попутно укажем на факт, который к настоящему времени не оказывает влияния на этническую и языковую картину Белгородчины: по переписи 2002 г. в Белгородской области насчитывается 15 760 человек представителей мусульманских народов, они составляют 1,04% всего населения области. Рост их численности происходит как за счет числа естественного, так и миграционного прироста.

ет 60-70% от общего населения. Так, например, в поселении Ровеньки на Белгородчине, как отмечал путешествующий украинский журналист, «везде на улицах, в магазинах, даже в государственных учреждениях слышали украинский язык. Не суржик, и не мягкий южно-российский диалект, а настоящую «мову». Но, хотя тамошнее население смотрит украинское телевидение, чудесно владеет устным украинским языком, читать и писать родным языком не умеют – из-за отсутствия украинских школ [Бритюк 2008]. При этом украинские и русские села не обязательно расположены компактно. Чтобы убедиться в этом, достаточно проехать от г. Шебекино к г. Короча дорогой, вдоль которой украинские села чередуются с русскими.

Продолжительное существование украинского этноса в численно (или властно) превосходящем русскоязычном окружении привело к деформации его языка в украино-российский суржик¹. С позиции социолингвистики суржик можно трактовать как бытовую речь значительного числа украинцев, в котором объединенные лексические и грамматические элементы украинской и русской языковых систем используются без соблюдения литературной нормы. Одним из первых возникновение суржика в Украине зафиксировал в своих произведениях Г. Квитка-Основьяненко. В. Лученко, утверждает, что суржик нельзя классифицировать ни как пиджин, ни как койне. Все разновидности украинско-русского суржика характеризуются незначительным влиянием на украинскую грамматику со стороны русского компонента суржика. Более того, много русских слов, попадающих в суржик, искажаются как фонетически, так и морфологически в соответствии с нормами украинского языка. Среди общих признаков суржика на Белгородчине он указывает на:

- употребление русизмов вместо нормативных украинских соответствий: *даже, када, конешно, наверно, прэсидатэль, больныця* и т.п.;
- «украинизированные» формы русских глаголов – *зделав, длився, унаслидував, щитав, отключыв*, «украинизированные» формы русских числительных – *пэрвый/пэрва, второй/втора* и т.п.;
- смешивание украинских и русских форм неопределенных местоимений – *хто-то, шо-то, кой-шо, твори-которые* и т.п.;
- нарушение глагольного управления, употребление предлогов и падежей по русскому образцу – *по вульцям* вместо *по вульцях*, *на росийський мови* вместо *росийською мовою* и т.п.;
- образование превосходной степени сравнения прилагательных и наречий по образцу русского языка – *самый головный, самэ важнэ* и т.п.;
- образование от украинских глаголов активных причастий по русскому образцу – *видробывший, прыйшовший, зробывший* и т.п.;
- слова и выражения, калькированные с русского языка – *миропрямство, прыняты участие, до цых пир* и т.п.;
- в произношении – редукция безударных гласных, оглушение звонких согласных, замена *дж* и *дз* на *ж* и *з*, также отсутствие чередования *к/ц*,

---

¹ Толковый словарь дает такое объяснение слова «суржик»: «смесь зерна пшеницы и ржи, ржи и ячменя, ячменя и овса и т.п.; мука из такой смеси».

сдвиг ударения по русскому образцу (*када, розгаварювать, роспысуватъся, звонять, нахожуся*), отсутствие чередования *o/i* или *e/i* (*корова/коров, голова/голов* вместо *корив, голив*) [Лученко 2009].

Однако эти замечания скорее всего относятся к деформации украинского языка украинцами, живущими в крае.

Вместе с тем полагаем, что население Белгородского региона, как и население значительной части Слобожанщины, использует говор, отличающийся в различных местностях региона, однако имеющий общую лингвистическую основу. В данном случае можно говорить о *слобожанском говоре* [Слобожанський говір 2000]. Одним из первых в конце XIX века его исследования начал профессор Харьковского Императорского университета А.В. Ветухов, рассматривая говоры слобод Алексеевки и Бахмутовки [Ветухов 1893]. Ещё один представитель Харьковской лингвистической школы – профессор Харьковского университета, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук М.Г. Халанский¹, внёс заметный вклад в изучение говоров Слобожанщины [Халанский 1886, Халанский 1904]. Среди исследователей говоров на севере Слобожанщины известны работы курского педагога и этнографа А.С. Машкина [Машкин 1903], профессора Нежинского лицея В.И. Резанова [Резанов 1897], учительницы Е.И. Резановой [Резанова 1912] и других.

В советское время исследования в этом направлении продолжил А.М. Бескровный [Бескровный 1927]. Так, рассматривая в 1949 г. состав лексики украинского говора Воронежской области с точки зрения её принадлежности русскому или украинскому языку, А.М. Бескровный делает следующие выводы:

- большая часть слов совпадает в русском и украинском языках в семантическом и звуковом отношении (*брат, корова, капуста, каша, солома* и т. д.);
- слова, которые при одинаковой семантике имеют в русском и украинском языках регулярные фонетические различия (*мой – мій, соль – сіль, печь – піч, песок – пісок* и т. п.);
- слова, различающиеся в русском и украинском языках морфемами;
- слова, которые при одинаковом значении различаются в двух языках материально (*тыква – гарбуз, много – рясно, компот – узвар*).

Анализ словарного материала, сделанный А.М. Бескровным, показывает, что большая часть слов в региональном говоре употребляется в соответствии с нормами украинского языка: *літо, ніс, насіння, видно, жонатий, рівний*. В основном, указывает он, это исконная древнерусская лексика, получившая фонетические различия в период самостоятельного развития русского и украинского языков [Бескровный 1949].

В последние десятилетия в Украине в пограничных с Россией районах проводятся полевые исследования в населённых пунктах Слобожанщины и

---

¹ Михаил Георгиевич Халанский родился в 1857 году в Щигровском уезде Курской губернии. Получил образование в Белгородской семинарии и в Харьковском университете на историко-филологическом факультете. С 1883 по 1891 год был учителем русского языка и словесности в Белгородской и Харьковской гимназиях.

динамическое изучение региональных говоров, формируются соответствующие словари, учебные пособия для лингвистов. Так, в Луганске активно проводятся исследования украинских восточнослобожанских говоров [Словник 2002; Глуховцева 2006]. Исследуются в Украине и русские говоры Слобожанщины. Так, в частности, Е. Владимирской в 1977 г. была защищена кандидатская диссертация, ставшая итогом многолетних исследований бытовой лексики переселенческого русского говора на Харьковщине [Владимирская 1977]. В 1998 г. в Сумах группой исследователей на материале диалектологических экспедиций в русских сёлах Слобожанщины был создан словарь «Русские говоры Сумской области» [Русские говоры 1998].

Вполне возможно, что выводы, как приведенные выше, так и в других научных работах, не упомянутых нами, не вполне могут быть интерпретированы для Белгородского края. Но, к сожалению, языковые особенности коммуникативных практик непосредственно населения Белгородчины уже длительное время остаются без внимания современных научных работников края. Как на исключение из этого укажем на диссертационное исследование Н.Г. Шубиной «Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села Городище Старооскольского района Белгородской области» [Шубина 2004].

Наиболее основательная работа в этом направлении была начата доцентом Курского пединститута Г.В. Денисевичем в послевоенное время и проводилась им в 60-70 годы XX в. Он отмечал, что для изучения диалектной лексики и её географии необходимо опираться на историю заселения края (области, зоны), при этом диалектная лексика и её изменения наиболее тесно связаны с местными (материальными, природными и др.) условиями жизни носителей говоров [Денисевич 1972].

Благодаря инициативе и творческой энергии Г.В. Денисевича был существенно дополнен фонд диалектологических источников Курско-Белгородского региона. Во время диалектологических экспедиций, проведенных более чем в 700 населенных пунктах под его руководством, был собран уникальный материал для оценки эволюции культуры и языка населения региона, опубликован целый ряд научных работ, которые были высоко оценены научной общественностью: «Народные говоры с украинской исторической основой на территории Курско-Белгородского края», «К проблеме формирования говоров на Курско-Белгородской земле», «География диалектной лексики в Курско-Белгородской зоне» и др. [Денисевич 1959; Денисевич 1971; Денисевич 1972].

2.2. Белгородские говоры как объект лингворегионоведения

2.2.1. Современные проблемы изучения диалектов

Проблемы изучения региональных языковых особенностей и регионального типа языковой личности в последнее время выдвигается на передний план лингвистики, что вполне закономерно и предопределено ярко выраженной антропоцентричностью современных языковых исследований.

Описание и анализ региональных языковых особенностей позволяет выявить черты регионального языкового менталитета, под которым понимается «совокупность концептуально значимых черт языкового коллектива, проживающего на конкретной территории» [Голикова 1998: 78].

Региональные языковые особенности являются объектом изучения лингворегионоведения, которое в настоящее время переживает период становления как самостоятельная научная дисциплина, когда происходит выявление культурно-образовательного потенциала, теоретических и практических функций этой отрасли научного знания. Учитывая уже имеющиеся разработки, следует признать лингворегионоведение областью культурологического знания, формирующегося на базе истории, географии, лингвистики, культурологии, этнологии, социологии. Основным объектом лингворегионоведения является язык региона, региональная языковая картина мира, а основная задача «состоит в изучении особенностей и вариаций в языке, обусловленных этнической картиной региона, территориальными особенностями языка, особенностями его использования различными социальными группами, а также в зависимости от целей и условий коммуникации» [Новикова 2009: 110].

Лингворегионоведение, как и вся современная антропологическая лингвистика, обращается к явлениям отражения в языке духовной и материальной культуры жителей того или иного региона, описанию специфики региональной картины мира, регионального языкового менталитета. И поэтому значительное место в нем занимают исследования местных говоров, поскольку именно диалект «создает такой тип языковой личности носителя диалекта, который является первоосновой национальной языковой личности» [Маслова 2001: 77].

В настоящее время сложились благоприятные условия для изучения русских народных говоров. Современная лингвистическая ситуация характеризуется изменением отношения к диалектам, формированием новых взглядов на взаимоотношения литературного языка и диалекта, что нашло отражение в вузовских и школьных курсах русского языка. В последние годы разработана новая программа по русской диалектологии [Касаткин 1994]; создан школьный диалектологический атлас, который является хорошим пособием, иллюстрирующим территориальное разнообразие русского языка [Язык русской деревни 1994]. В сознании носителей русского языка начинает формироваться понимание того, что территориальные диалекты представляют собой большую языковую ценность, что диалект – это исходная и важнейшая форма существования языка. В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротина, М.А. Ягубова утверждают, что «диалекты образуют чрезвычайно важную нижнюю страту языка, его историческую базу, хранилище национального своеобразия и творческих потенций языка» (http://press.alledu.ru/publication_print/432/1514).

Чем вызвано изменения отношения к диалектам, диалектной речи? Причин, на наш взгляд, несколько. Во-первых, в последние десятилетия намечаются негативные тенденции в развитии русского литературного

языка: активное, часто неоправданное «нашествие» иноязычных слов, жаргонизация языка, пренебрежительное отношение к литературной норме и др. В таких условиях обращение к региональной лингвистике, к местным диалектам является весьма полезным и своевременным. Народные говоры в своем существовании предшествовали русскому литературному языку, длительное время они питали и обогащали литературный язык. И в настоящее время говоры содержат немало «языковых россыпей» – точных и самобытных русских слов, образных выражений, пословиц, поговорок, которые обеспечивают яркость и самобытность русской народной речи. Живое русское народное слово является свидетельством красоты и мощи русского языка, богатства его выразительных средств. Сегодня как никогда актуально звучат слова В.И. Даля, который еще в 1866 г. в «Напутном слове» к своему словарю призывал «подорожить народным языком» и писал следующее: «Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, цельность и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи» [Даль 1956 1: 23].

Во-вторых, интерес к диалектному языку обусловлен изменениями, происходящими в российской системе школьного преподавания. В современном государственном стандарте образования выделяются три уровня: федеральный, национально-региональный и школьный. Национально-региональный компонент стандарта определяют те нормативы в области родного языка и литературы, истории, географии и др., которые относятся к компетенции регионов. Разработка содержания и путей реализации регионального компонента предмета «русский язык» является одной из актуальных проблем методики преподавания русского языка. И, конечно, без привлечения в практику школьного преподавания местных говоров обойтись нельзя.

В-третьих, активно внедряемый в школьную практику культуроведческий аспект преподавания родного языка выдвигает задачу формирования у школьников русской языковой картины мира. А «языковая картина мира русского народа складывается из фрагментов, являющихся региональным вариантом образа мира» [Лабунец 2000: 23]. В диалектных системах реализуется многовековой практический и духовный опыт жителей региона, что позволяет считать лексический фонд диалекта кумулятивной базой мировидения данного социума, «константой культуры» [Степанов 2001: 3]. Диалект является универсальной формой накопления и трансляции этнокультурного своеобразия языковой картины мира диалектоносителей. Народные говоры – важнейшая часть народной культуры, это самобытное, уникальное явление, живое свидетельство того, что стало историей русского языка и русского народа. И поэтому реализация культуроведческого аспекта в преподавании родного языка невозможна без обращения к диалектному языковому наследию. За словами, называющими предметы крестьянского быта, стоят вековые традиции ведения хозяйства, особенности семейного уклада, обряды, обычаи, народный календарь. Однако в настоящее время в связи с

тем, что деревенская культура всегда передавалась устным путем, отдельные ее фрагменты утрачиваются вместе со словами, называющими те или иные предметы, явления крестьянского быта. Поэтому «менталитет традиционного крестьянства становится непонятным и чуждым. Необходимо научить детей ценить язык русской деревни, изучая который мы познаем целый комплекс разнообразных представлений о мире, отличающихся от представлений горожанина» [Букринская 1996: 58]. Сейчас на волне возрождения интереса к малой родине использование в школьной практике преподавания местных говоров является весьма своевременным, ибо «диалект есть языковое освоение родных мест, ... он превращает конкретное экзистенциальное пространство в духовную родину» [Вайсгербер 1993: 38].

Кроме того, обучая литературному языку, следует учитывать, что диалектный язык для учащихся сельских школ – это материнский язык, и поэтому ни в коем случае нельзя противопоставлять литературный и диалектный язык и тем более подчеркивать низкий статус материнского языка. Ведь «воспитание в детях отрицательного отношения к языку своих родителей, своих предков – это воспитание безнравственности. Вместе с тем это и воспитание в жителях деревни комплекса неполноценности» [Касаткин 1999: 40]. Несомненно, что имевшая место в прошлом «борьба» с диалектными чертами в речи подрастающего поколения привела к обеднению национальной культуры.

В-четвертых, изучение современного русского литературного языка невозможно без обращения к диалектной лексике, фонетике и грамматике. Исследование говоров, представляющих многие реликты русского языка, помогает глубже осознать структурное, семантическое и стилистическое богатство русского языка, понять условия, причины, неизбежность и необходимость последовательного изменения русского языка. Изучение говоров различных территорий дает очень важный материал для истории русского языка, так как в говорах сохранились явления, давно утраченные литературным языком. Так, например, вторая палатализация заднеязычных согласных (переход *г, к, х* в свистящие *з, ц, с* перед гласными звуками переднего ряда) как фонетическая закономерность перестала действовать еще в XI в., когда заднеязычные перестали быть только твердыми. В говорах, бытующих на Белгородчине, до сих пор в речи жителей старшего поколения можно услышать явление второй палатализации, например: *на дорозе* (лит. *на дороге*), *валенци* (лит. *валенки*) и т.п.

Особенно интересна для истории языка лексика говоров, которая, по мнению Ф.П. Филина, является «драгоценным материалом для этимологических исследований, для воссоздания языковой картины прошлых эпох» [Филин 1961: 14]. Изучение диалектов помогает глубже проникнуть в многообразие слов, форм и звуков современного русского языка. Современные русские говоры дают возможность выявить и описать лингвистическую картину прошлого, проследить закономерности развития языковой системы.

В-пятых, основная особенность развития современного состояния русского языка – демократизация. А это создало благоприятные условия для проникновения диалектных слов на страницы литературных произведе-

ний. «Терпимость к диалектизмам, – как отмечает Т.В. Дементьева, – стала особенностью современного русского литературного языка в первую очередь в тех жанрах, которые связаны с описаниями реалий сельской жизни» [Дементьева 2002: 347]. Примечательным языковым явлением современной русской литературы, по мнению Л.И. Скворцова, следует признать свободное и широкое обращение писателей к диалектной стихии речи, с достаточно точным и подробным воплощением ее локальных особенностей [Скворцов 1994: 72]. Диалектизмы позволяют иногда точнее, образнее передать местные особенности изображаемой среды, оживить народно-разговорную речь в диалогах.

В современных условиях, когда наблюдается насильственная американизация русского языка и поток заимствований перешагнул допустимую для нормального языкового развития норму, следует вспомнить, что на протяжении многих столетий русский литературный язык пополнял свой словарный запас из диалектных лексических кладовых. Через разговорную речь (особенно через просторечие) диалектизмы проникали в литературный язык. Так, из народных говоров в литературный язык пришли многие названия, связанные с циклом сельскохозяйственных работ, с наименованием народной одежды, названия рода занятий в разных промыслах и т. д. Например: *высев*, *жатка* (лит. *жнейка*), *косовица* (лит. *косьба*), *боронить*, *борозда*, *закром*, *клубень*, *стог* (сена), *копна*, *доярка* (лит. *доильщица*), *конопатить*, *омуль*, *жерлица*, *бурлак*, *зыбь*, *корчевать*, *веретено* и др. Диалектными по происхождению являются слова: *мямлить*, *хилый*, *земляника*, *цапля*, *тайга*, *стрекоза*, *ухаб*, *жуткий* и многие другие. Народные говоры были и всегда останутся богатейшим источником для литературного языка. Следовательно, изучение народных говоров имеет важное не только теоретико-познавательное, но и практическое значение.

Белгородские говоры относятся к южновеликорусскому наречию и являются уникальными в своей основе. Уникальность их состоит в том, что они прошли сложную двухвековую историю формирования и функционирования и вобрала в себя опыт, мировосприятие, духовные ценности этноса, населяющего Белгородский край. В настоящее время говоры, бытующие на Белгородчине, в значительной степени подвергаются нивелированию. Повышение образовательного уровня сельских жителей, влияние средств массовой информации, рост численности сельской интеллигенции в связи с новыми экономическими отношениями в стране не могли не привести к тому, что традиционные народные говоры претерпели значительные изменения. В силу этих причин научное описание говоров становится делом первостепенной значимости. Фиксация и изучение диалектов исключительно важны, так как каждое десятилетие существенно меняет языковую ситуацию, и многое, к сожалению, утрачивается безвозвратно. Как отмечают современные исследователи, русский диалектный ландшафт перманентно изменяется, диалектные изоглоссы в большинстве своем под натиском литературного языка в течение многих столетий «дрогнули», стали неустойчивыми и изменили свою конфигурацию [Горшкова 2001: 38]. На месте клас-

сических, хрестоматийных диалектов возникают новые переходные состояния от диалектной речи к формам разговорного литературного языка.

Белгородские говоры относятся к говорам позднего заселения, изучение которых признается важнейшей задачей лингвистики. Говоры Белгородчины в системе национального языка имеют свою специфику как с точки зрения происхождения, так и с точки зрения дальнейшего развития и существования. Это проявляется прежде всего в том, что на сравнительно небольшой территории Белгородчины образовалось значительное число говоров, представляющих собой совокупность диалектных микросистем, каждая из которых смежно сосуществует с другими и имеет свою историю развития. Другой важной особенностью белгородских говоров является существование двух групп: говоры с исконно русской основой и говоры с исконно украинской языковой основой. Взаимодействие систем с украинской и русской языковой основами создавало непростой диалектный ландшафт на территории области. В целом белгородский диалект сложился в условиях длительного междиалектного контактирования, и в настоящее время он представляет собой койне, сплав материнских южнорусских говоров и говоров украинского языка. В связи с этим представляется важным обнаружить, зафиксировать и описать те региональные языковые особенности, которые локализованы на территории Белгородчины, так как формирование их началось еще в ранние эпохи феодализма. С течением времени эти языковые особенности трансформировались под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов.

Современная лингвистика определяет диалект как специфическую языковую систему, которая: 1) обладает высокой степенью сходства с другими языковыми системами, так что становится возможным – во всяком случае, отчасти, взаимопонимание; 2) имеет региональную привязку в том смысле, что региональное распространение этой системы не пересекается с областью использования другой языковой системы; 3) не обладает письменной формой, либо стандартизацией в смысле официально нормированных орфографических и грамматических правил [Русская диалектология 1989: 13]. Однако при описании диалекта как самостоятельной языковой единицы следует учитывать не только языковые особенности, но и элементы материальной и духовной культуры, этническое самосознание, историко-культурные традиции изучаемого этноса. В этом отношении актуальными являются выдвинутые этнографами идеи континуитета – исторической, этнической и лингвистической непрерывности в том или ином ареале. В соответствии с таким подходом территориальный диалект можно определить как средство коммуникации некоего этносоциума в исторически сложившемся ареале (историко-культурной зоне) [Основания регионалистики 1999]. И в этом отношении наибольший интерес представляет лексика говора, которая отражает материальную и духовную культуру народа, народные представления о мире, обряды и обычаи, бытующие на той или иной территории.

2.2.2. Дифференциация диалектной лексики

Лексический состав говоров неоднороден. В диалектологии существуют различные точки зрения по поводу того, что именно включает в себя диалектная лексическая система. Традиционно в лексике говора выделяют два пласта: «собственно диалектной лексики, то есть имеющей локальное распространение и не входящей в словарный состав литературного языка, и лексики общей для всего русского языкового пространства» [Щетинина 1992: 6]. Для обозначения второго пласта используется термин «общерусское слово», под которым понимают «условное название лексической единицы, имеющей одинаковую форму выражения, функционирующей в литературном языке и в говорах, не являясь в последних заимствованием из литературного языка или из каких-либо других источников» [Ильинская 2001: 29]. Основанием для отнесения той или иной лексемы к разряду общерусских служит ее фиксация в нормативных словарях русского языка.

В диалектологии в настоящее время представлены различные подходы к определению понятия «диалектное слово». Первый, так называемый дифференциальный подход, состоит в том, что диалектным признается «слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка (в любую его разновидность)» [Филин 1961: 22]. При другом недифференциальном подходе диалектным словом признается любое слово, бытующее в русских народных говорах, вне зависимости от территории его распространения и наличия или отсутствия в литературном языке.

Большее признание в диалектологии получил дифференциальный подход к определению термина «диалектное слово», в соответствии с которым основным признаком диалектного слова признается территориальная ограниченность, то есть «наличие у слова изоглоссы в пределах территории, которую занимает язык» [Филин 1961: 20]. Диалектное слово – это слово, существующее в говорах и отсутствующее в системе литературного языка. В соответствии с таким подходом нельзя считать диалектными слова, известные литературному языку и обозначающие реалии старой крестьянской жизни (этнографизмы) или местной природы: *амбар*, *буерак*; специальные термины общерусского распространения: *челнок*, *бёдро*, *уток* (термины ткацкого дела); разговорно-просторечную лексику, а также варианты слов иноязычного происхождения, вошедших в речь носителей говоров из литературного языка: *дилектор*, *фершал*. Все эти слова не ограничены локально в своем употреблении.

Диалектная лексика наглядно демонстрирует богатство русского национального языка. Богатство русского языка – это в первую очередь богатство его синонимических ресурсов, возможность передать один и тот же смысл разными способами. Диалекты как раз и дают такую возможность в силу разнообразия словарного состава. Об этом свидетельствует следующий факт. В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» около 120 тысяч слов, а в словнике только одного из

многочисленных региональных диалектных словарей, не включающего слова, полностью совпадающие с литературными, – Архангельского областного словаря, – 180 тысяч слов.

Лексическое богатство говоров отражает и различное видение говорящими окружающего мира. Одно и то же семантическое пространство в разных говорах может члениться по-разному, что проявляется в разном количестве слов – названий элементов этого пространства. Так, в литературном языке существует одно название для незрелой лошади – *жеребенок*. А в говорах Белгородской области можно выделить три названия возрастных периодов жеребенка: первый период – *сосунок, лошонок*; второй период – *стригунок, перезимок*; третий период – *трехлеток, бороныш* и др. Такое положение дел типично для всей диалектной лексики, которой «характерна детализация наименований, особенно в той части, которая относится к ведущей отрасли хозяйства, преобладание видовых названий» [Русская диалектология 1990: 173]. Диалектная лексика наглядно демонстрирует лексическое богатство говоров и свидетельствует о том, что во многих отношениях говор богаче и выразительнее литературного языка.

Специфика диалектного слова в целом более прозрачна, чем специфика слов литературного языка, в котором старые связи с предметом во многом оказались утраченными. Разное видение одного и того предмета в разных говорах проявляется и в том, что в этом предмете выделяются разные признаки, мотивирующие его название. Предмет, таким образом, связывается с разными понятиями, а слово – с разными родственными словами. Например: *ухват* (от *хватать, хватить*), *рогач* (от *рогатый*). Следует отметить, что диалектные слова яснее подчеркивают истоки слова. Так, например, в белгородских говорах, наряду с литературным словом *полотенце*, используются и диалектные формы: *рушник* и *утирка*. И если словообразовательная структура лексемы *полотенце* сейчас уже не осознается без обращения к этимологии (*полотенце* – это небольшой кусок полотна, то есть мотиватором является слово *полотно*), то диалектные слова *рушник* и *утирка* сохраняют и поныне ясную словообразовательную структуру. Название *рушник* связано со словом *рука*; это кусок ткани, предназначенный для вытирания рук. А лексема *утирка* образована от слова *утираться* (*вытираться*), то есть это кусок ткани, предназначенный для вытирания.

Термин «диалектное слово», «диалектизм» – это не только особенность словарного состава диалекта, но и его фонетические, словообразовательные и грамматические особенности» [Клокова 2002: 101]. Поэтому в лексике говоров принято выделять следующие наиболее общие группы диалектных слов (в соотношении с лексикой литературного языка).

Собственно лексические диалектизмы – это местные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке, или диалектные производные от корней, представленных в литературном языке. В говорах Белгородской области представлено значительное количество диалектизмов этого типа: *балакать* – разговаривать, *казать* – говорить, *репетовать* – кричать, *хворать* – болеть, *сховаться* – спрятаться, *драбына* – лестница, *злякаться* – испугаться, *сокыра* – топор, *утирка, рушник* – полотенце, *курченок, писклёнок* –

цыпленок, *арели* – качели, *стежка* – дорожка, *цыберка* – ведро, *гилка* – ветка, *взвар* – компот, *ганчирка* – тряпка, *дижка* – кадушка, *хустка* – платок, *сирныкы* – спички, *глэчик* – кувшин для молока, *сиверко* – сыро, прохладно, *гарно* – красиво, *стерня* – жнивье, *гребовать* – брезговать, пренебрегать, *балка* – овраг, *гай* – лес и др.

Среди таких диалектизмов можно выделить ряд слов, которые обозначают специфические явления крестьянской жизни и не имеют аналогов в литературном языке. Значение таких лексем можно передать только описательно. Например, *нетель* – корова, которая не принесет очередного приплода, *временка* – небольшое неотопливаемое жилое помещение, *бармаки* – вилы с круглыми концами, *подшальник* – платок, обычно белый, который одевался под шаль, *бодня* – кадка для засолки и хранения сала, *бовток*, *бовтюх* – насиженное яйцо птицы без зародыша, *желтяк* – перезрелый огурец, который обычно оставляют на семена.

Лексико-словообразовательные диалектизмы отличаются от соответствующих им эквивалентов литературного языка своим морфемным составом. Это слова с теми же корнями и тем же лексическим значением, что и в литературном языке, но оформленные другими аффиксами. Так, литературному *морковь* в белгородских говорах соответствует *морква*, литературному *блин* – диалектное *блинец*, литературному *курятник* – диалектное *курник*. К диалектизмам этого типа в говорах Белгородчины относятся лексемы: *кура* (лит. *кураца*), *ягня* (лит. *ягенок*), *теля* (лит. *теленок*), *жеребя* (лит. *жеребенок*), *угодить* (лит. *догодить*), *болезня* (лит. *болезнь*), *калюжа* (лит. *лужа*) и др.

Среди диалектизмов есть группа слов, отличающаяся от слов литературного языка фонематическим составом. Эта группа составляет фонематический тип диалектизмов: *вышня* (лит. *вишня*), *анбар* (лит. *амбар*), *бакша* (лит. *бахча*), *сины* (лит. *сени*), *борозна* (лит. *борозда*), *битон* (лит. *бидон*), *базарь* (лит. *базар*), *диверь* (лит. *деверь*), *бомага* (лит. *бумага*), *балабайка* (лит. *балалайка*), *болючка* (лит. *болячка*). Фонетические диалектизмы совпадают по значению с соответствующими словами литературного языка, но отличаются от них одной – двумя фонемами, причем фонетические различия не связаны с существующими в говоре фонетическими или морфологическими закономерностями.

Семантические диалектизмы совпадают по звучанию со словами литературного языка, но отличаются от них по значению. Примеры этого вида диалектизмов широко представлены в говорах Белгородской области. Так, например, слово *печенка* используется в белгородских говорах в значении «обед по случаю убоя домашнего скота». Очевидно, это значение мотивировано тем, что традиционно по этому поводу готовят жаркое из печени забитого животного. Слово *конец* употребляется в значении «отдаленная улица» (*на ваш конец пока дойдешь*), *потолок* – в значении «чердак» (*полез на потолок*), *гладкий* – в значении «полный человек», *трус* – в значении «кролик», *квас* в значении «окрошка», *сыр* – в значении «творог», *мыть* – в значении «стирать», *играть* – в значении «петь» (песню), *богато* – в значении

«много». *Постелью* в белгородских говорах называют приданое невесты, *улицей* – гулянье сельской молодежи.

Как форма выражения национальной культуры, говоры незримо связаны со всеми сторонами жизни русского народа. В лексике говоров находят отражение особенности быта, хозяйственной деятельности жителей данной местности. Факты диалектного языка позволяют «привязать» этнографический материал к определенной местности, то есть к реалиям быта и объяснить его своеобразие как результат исторического развития в данном коллективе, в этой этнографической и социальной среде. И в этом отношении значительный интерес представляют так называемые этнографические диалектизмы. «Слова, представляющие местные названия предметов, являющихся продуктами человеческой деятельности и известных на ограниченной территории, называются этнографизмами» [Русская диалектология 2005: 216]. Так, существовавший в различных разновидностях женский сарафан был характерен для севера. На юге бытовал вид женской поясной одежды типа юбки из домотканой шерстяной ткани, называемой *поневой*. И здесь совершенно очевидно, что границы этнографических различий совпадают с границами диалекта, и распространение двух видов женской одежды (*понева* и *сарафана*) в основном совпадает с территорией южного и северного наречий.

В говорах нашей области распространены оба слова: *понева* и *сарафан*. Обусловлено это тем, что население региона сложилось в результате длительных и сложных миграционных движений из разных мест России (южнорусских губерний, а также некоторых северных и среднерусских). Это обстоятельство нашло отражение в языке и материальной культуре жителей региона, в частности сказалось на специфике женского костюма. Женский костюм, бытующий на Белгородчине, унаследовал традиции, характерные для разных регионов России. Это и общерусские особенности (комплекс с сарафаном) и южнорусские черты (различные виды *понев*).

К этнографизмам в говорах Белгородчины могут быть отнесены слова, называющие распространенные на территории региона названия кушаний: *соломать (соломата)* – жидкая мучная, овсяная каша, которую ели с солью, маслом, квасом; *затируха, затирка* – молочная каша из протертого теста. Такая каша имела различную рецептуру и технологию приготовления. Обычно это было заваривание ржаной, пшеничной муки, с добавлением свежих или сушеных фруктов, ягод. *Сливуха* – пшенная каша, запеченная в печи с молоком и яйцами (первая вода, в которой варилась каша, сливалась, отсюда, видимо, и название).

Группы слов, обозначающие понятия близкие или непосредственно связанные, благодаря связям именуемых объектов в реальной действительности или в человеческом сознании, называются тематическими группами. Тематический ряд объединяет те или иные «отрезки действительности». Может быть выделено различное количество тематических групп в зависимости от степени обобщения предметов реальной действительности.

Традиционно в лексике говора принято выделять следующие тематические группы: постройки и их части; домашняя утварь; одежда; пища;

сельскохозяйственные орудия; полеводство и огородничество; животноводство и птицеводство. Именно такие тематические группы охватывают карты Диалектологического атласа русского языка.

В лексическом составе говоров Белгородской области присутствует ряд пластов, относящихся к выделенным в Диалектологическом атласе русского языка сферам жизни и быта сельских жителей.

Различия в названиях жилых и хозяйственных построек по говорам часто связаны с этнографическим различием реалий. Очевидно различие жилых построек на севере и юге России, где они отличаются и по высоте, и в планировке, в строительном материале, и в украшении. В белгородских говорах, как и в большинстве южных говоров, дом называется *хатой*. Южнорусское жилище строилось без подклета, пол был деревянный, чаще глинобитный, земляной. Земляной пол в говорах Белгородчины называют *доливкой*.

Весь принадлежащий одной семье участок называется *усадьбой*, на которой располагается *хата* (дом). Часть дома, идущая за крыльцом, называется *сины* («сени»), спальня в говорах Белгородской области с украинской основой называется *кимната*.

Большую часть хаты в старом крестьянском доме занимала печь; она и согревала, и кормила, и давала ночлег. Части печи имеют свои названия: *загнеток*, *закопелок*, *печурка*, *комин*, *лежанка*, *припечек*, до сих пор сохранившиеся в говорах Белгородской области.

Значительную часть лексики говоров Белгородчины составляют слова, являющиеся названиями дворовых и хозяйственных построек, их частей: *клуня* – помещение для хранения сена, *загон* – загороженное место для скота, *клеть* – кладовая, *сарай*, *временка* – небольшое неотапливаемое жилое помещение, *кошара* – сарай для овец, *курник* – сарай для кур, *мазанка* – изба, жилище из мелкого леса или камыша с обмазкой глиной, иногда с навозом и сечкой, *погреб*, *подпол* – подвал, *палисадник* – садик перед домом, обнесенный забором.

Широко в говорах Белгородчины представлена полеводческая лексика: *севалка* (соломенное лукошко для зерна), *непашь* (пустующая невозделанная земля), *отава* (второй укос сена), *скородить* (боронить), *сонях* – подсолнечник, *будилля* – стебли кукурузы, подсолнечника, других культур, *бурак* – свекла, *былка* – стебель растения, *квасоля* – фасоль, *насинье* – семечки, *новины* – зерно нового урожая, *гыча* – свекольная ботва, *цеп* – орудие для обмолота хлебных злаков.

Важную роль в жизни сельского жителя играет домашний скот, и поэтому многообразием отличается животноводческая лексика. Названия животных мужского пола дифференцируются в зависимости от того, оставлено ли это животное для воспроизведения потомства или предназначено на откорм. Так, противопоставляются: *баран* – *валух*, *хряк* – *боров*, *бугай* – *вол*.

Для обозначения животных и птиц разного возраста используются следующие наименования: *бугаець* – бык в возрасте четырех лет; *ярка* – молодая, еще не ягнившаяся овца, *подтёлок* – годовалая тёлочка, *нетель* – ко-

рова, которая не принесет очередного приплода, *первотелка* – корова, отелившаяся первый раз, *курчата*, *писклята* – цыплята, *цуцик*, *цуценя* – щенок.

Целый ряд диалектизмов связан с содержанием крупного рогатого скота. В значении «стать стельной» используется глагол *огуляться* (*телка огулялась*), глагол *починать* используется в значении «обнаруживать признаки скорого отела». Животноводческий словарь отражает поведение животных: *зикать* – резвиться, глагол *ретовать* обозначает агрессивное поведение животных, *брюхать*, *брухать* – бодать, *блекотать* – блеять (об овцах, козах).

Внутренние органы животных также имеют диалектные названия: *кутырь* – желудок, *почерёвок* – жировая ткань на брюхе свиньи. Для названия желудка используются также лексемы *кендюх*, *тельбух*. Желудок свиньи, поросенка называется по-особому – *бог*. Так же называется и кушанье, приготовленное из желудка.

Как видим, диалектный животноводческий словарь богаче литературного, так как содержит больше слов, характеризующих разные стадии возраста и состояния животных, особенностей его выращивания и содержания. Богатство животноводческого словаря объясняется тем, что домашний скот в деревне с ее почти натуральным хозяйством играл большую роль в жизни крестьянской семьи. Следует отметить, что в последнее время наблюдается тенденция активизации диалектного животноводческого словаря.

Бытовая лексика составляет большую часть диалектного словаря, отражая быт старой деревни, крестьянский двор и дом, его внутренне убранство, орудия труда, названия одежды и обуви.

Для вынимания из печи чугунов и сковороды используются специальные орудия труда: *рогач*, *чапля*, *кочерга*. В говорах Белгородской области сохранились многие названия одежды и обуви: *подшальник*, *хустка* (платок), *чуни* (обувь, носимая по хозяйству каждый день), *черевики*, *валенцы*, *запонка* (передник), *коты* (зимняя стеганая обувь на ватине), *бурки* (зимняя обувь из войлока), *понева* (женская поясная одежда), *плюшка* (женская верхняя одежда), *сорока* – праздничный головной убор замужней женщины, *сподница* – нижняя женская рубашка, *смертное* – одежда для покойника.

Особую группу в лексике говоров составляют названия кушаний и продуктов питания. В говорах Белгородской области отмечены следующие диалектные названия, относящиеся к этой группе: *затируха* – молочная каша из протертого теста, *крошанина* – накрошенная еда, *опара* – дрожжевое тесто, *паляница* – круглый хлеб, *печево* – выпечка из теста, *кондёр* – пшенный суп, заправленный салом, *кисляк* – скисшее молоко, *пампушки* – оладьи, *топленка* – топленое молоко.

Лексика бытового характера включает значительное число наименований, являющихся названиями различных предметов. Например: *безмен* – рычажные или пружинные весы, *бодня* – кадка для засолки и хранения сала, *чувал* – мешок, *вовна* – овечья шерсть, *ночвы* – корыто, *кудель*, *куделя* – пучок шерсти, приготовленный для пряжи, *ополоник* – черпак, *скрыня* – сундук, *думочка* – маленькая подушка, *вихоть* – кухонная тряпка, *рядно* –

плотное самотканое полотно, *цыбарка* – ведро, *цедилок* – ткань, обычно марля, через которую процеживают молоко.

Бытовая лексика фиксирует все основные события в жизни человека от рождения до смерти. После рождения ребенка родственники собираются на *родины*, над младенцем совершается обряд крещения, после чего родственников приглашают на крещение. В говоре Белгородской области крестных мать и отца называют *хрещеный* и *хрищеная* или *хресный*, *хресная* (ласк. *хрищенка*).

Ряд диалектных слов, бытующих в говорах Белгородчины, связан с темой свадьбы: сватовство – *пропой*, *постель* – приданое невесты, *глядины*, *смотрины* – вечер через несколько дней после сватовства в доме жениха. *Дружка* – подруга невесты на свадьбе, *дружко* – друг жениха на свадьбе.

Кроме слов, называющих различные предметы, реалии, в говорах Белгородской области представлено много непредметной лексики, которая обозначает различные понятия, обозначенные глаголами, прилагательными, наречиями. Как и во всех русских говорах, в говорах Белгородчины бытует значительное количество диалектных единиц, которые обозначают процесс говорения: *балакать*, *казать*, *балясничать*, *брехать*, *баляндрасить*, *варнякать*, *галдить*, *пащекувать*, *талдычить*, *торочить*. Большинство из этих слов имеют экспрессивную окраску.

Многочисленные прилагательные, бытующие в лексике Белгородских говоров, характеризуют человека по различным признакам. Здесь четко выделяется две группы номинаций:

1. Диалектная лексика, характеризующая человека по его физическим особенностям, по внешним признакам, состоянию здоровья: *гладкий* – полный человек, *брудастый* – человек с отвисшими щеками, *маслоковатый* – худощавый, костлявый, *гыдкий* – некрасивый, уродливый человек, *справный* – полный человек, *гладючий* – очень полный человек, *голенастая* – о крупной, дородной девушке или молодой женщине (несмешливо, неодобрительно), *хворый* – больной человек.

2. Диалектная лексика, характеризующая человека по внутренним качествам, манере поведения: *безнравный* – бесхарактерный, тихий, не имеющий нрава, *блажной* – капризный, избалованный, вздорный, *непутный* – беспутный, распутный, негодный к делу, *колгота* – непоседа, беспокойный человек, *додельный* – деловой, работоспособный.

Говорам Белгородской области известны наречия с общим значением прошедшего времени: *летось* – в прошлом году, *учора* – вчера. Представлены наречия с другой семантикой: *впритирку* – вплотную, *втихаря* – тайком, *зараз* – сейчас, *багато* – много, *типеря* – теперь, *задарма* – дешево.

Анализ диалектных номинаций, бытующих в говорах Белгородской области, дает основание утверждать, что в лексике отражаются условия жизни народа, и, естественно, развита та тематическая группа, которая связана с особенностями хозяйства и быта в данном регионе. В говорах Белгородчины значительное место в диалектном словаре занимает лексика полеводства и животноводства, но, безусловно, доминирует лексика бытовая.

Имеющийся в настоящее время процесс растворения местных говоров в литературном русском языке, сближения с ним захватывает всю систему говора, но наиболее проницаемой оказывается лексика. При этом наблюдается сложная, многоступенчатая перестройка диалектной лексики: от сужения сферы употребления отдельных диалектных слов до полного их исчезновения из словаря говора в связи с изменением методов ведения сельского хозяйства, угасанием отдельных ремесел, заменой или исчезновением многих социально-бытовых реалий и т.д. Анализ лексического состава говоров Белгородской области позволяет сделать вывод, что с точки зрения употребительности диалектные слова можно разделить на следующие группы:

1. Диалектные слова, которые устойчиво держатся в речи всех носителей говора: *потолок* (чердак), *квас* (окрошка), *трус* (кролик), *отава* (второй укос сена), *бурак* (свекла) и др.

2. Диалектные слова, более свойственные речи старшего и среднего поколения и находящиеся в пассивном словаре в речи молодежи и интеллигенции, например: *кочет*, *чапля*, *цыбуля*, *ганчирка*, *глэчик* и др.

3. Диалектные слова, свойственные только речи старожилков; такие слова или уже вышли из употребления, или постепенно устаревают: *хустка*, *вечерять*, *годувать*, *макитра*, *анадысь*, *плюшка*, *скрыня*, *бурки*, *вихоть*, *думочка* и др.

Яркая черта современных говоров – большая вариативность произносительных и лексических вариантов. Например: *дежа*, *дежка*; *кудель*, *куделя*; *цуценя*, *цуцик*; *пивень*, *кочет* и т.п.

Структурной и семантической вариативности в говорах Белгородской области способствуют следующие факторы:

1) взаимодействие говоров с южнорусской и украинской языковыми основами;

2) влияние литературного языка и некоторая устойчивость определённых групп диалектных слов;

3) отсутствие кодифицированных, письменно закреплённых норм.

2.2.3. О говорах с украинской основой на территории Белгородской области

Среди названных причин вариативности для белгородских говоров наиболее значимой является первая, связанная с инодиалектным влиянием. Прежде всего это относится к говорам тех населённых пунктов, где исторически сосуществуют различные этнические группы.

Как было указано выше в параграфе 2.1.2, с конца XVI в. одновременно с заселением нынешних Белгородских территорий Московским государством началось и стихийное переселение украинцев с запада и юго-запада. В результате этих процессов на территории Белгородской области возникло много сел, основанных переселенцами из Украины, а также поселений, где в течение уже двух с половиной сотен лет живут по соседству

так называемые «хохлы» и «москалы», как испокон веков называют друг друга русские и украинцы.

Следствием этих процессов является бытование на территории Белгородской области говоров с украинской народной основой. Такие говоры в настоящее претерпели значительные изменения, обусловленные как естественным развитием языковой системы, так и влиянием русского языка, который «в силу экстралингвистических причин во взаимодействии двух языков всегда играл более активную роль воздействующей стороны [Авдеева 2003: 221].

Яркой чертой современных украинских говоров, распространенных на территории Белгородской области, является параллельное существование в лексическом составе исконных слов (то есть украинских) и заимствованных из соседнего русского говора или литературного языка. Так, в современных украинских говорах Белгородчины можно выделить такие пары: *больный – хворый, визде – скризь, вмисти – разом, воскресення – неділя, все равно – однаково, дергать – смыкать, длинный – довгий, завтрукать – снідати, лошадь – кинь, глаза – очи, закрыть (двери) – зачинити, мальчик – хлопчик, кормить – годувати, мел – крейда, наверно – мабути, навоз – гній, надо – треба, неділя – тиждень, кочет – пивень, ругать – лаяти, спичка – ганчирка, тяжелый – важкий, удрать – утекти* и многие другие.

Лексические средства двух языков гармонично сочетаются в словарном составе говоров Белгородчины, что способствует развитию особых синонимических связей. Между исконной для говоров украинской лексикой и заимствованной русской развиваются разные типы отношений, способствующие закреплению обоих вариантов в системе говора. Так, некоторые синонимические пары функционируют как абсолютные синонимы (*мел – крейда*), в других наблюдается семантическая или стилистическая дифференциация, при которой одно из слов употребляется как оценочное средство. Например, отрицательная оценка содержится в словах *брехать, лаять* и др. Как правило, экспрессивную окраску приобретают украинские слова.

Выявление многочисленных фактов употребления в речи одного и того же диалектоносителя как южнорусских, так и украинских слов убеждает в том, что для современных говоров Белгородчины характерно существование единого лексического и фразеологического пласта. Об этом свидетельствует и взаимовлияние двух языков-основ, единство в направлении их развития. Кроме того, следует учитывать, значительную временную дистанцию, отделяющую современные белгородские говоры от украинского языка периода заселения территорий Белгородского края (XVII в.), разрыв с национальными традициями и языком.

2.2.4. Фонетические особенности говоров Белгородской области

Народные говоры для русского человека ассоциируются прежде всего с их фонетическими особенностями. Так, на севере окают, а на юге – акают, на севере произносят взрывной [г], а на юге – гортанный, вернее – фрикативный [Ү].

Белгородские говоры – яркие представителями южнорусского наречия. Речь сельских жителей нашего региона имеет ярко выраженную фонетическую организацию, обусловленную географическим положением области, границей с Украиной, переселением населения из других регионов.

Диалектная устная речь жителей нашего региона имеет следующие фонетические особенности. Так, в говорах Белгородчины звук, обозначаемый буквой г, имеет фрикативное, щелевое образование [Ү], а при его оглушении также произносится фрикативный, но глухой звук [х]: *сне[Ү]а – сне[х], сапо[Ү]а – сапо[х]*.

Как и в литературном языке, в белгородских говорах распространено аканье. Однако в ряде районов области имеет место диссимилятивное аканье, при котором в первом предударном слоге на месте /а/ и /о/ употребляется гласный средненижнего подъема среднего ряда, мало отличающийся от [а], но более высокий по образованию. В зависимости от последующего ударного гласного этот гласный произносится то как [ъ] (перед ударным [а]), то как [а] (во всех остальных случаях): [въда], но [вады], [вадой].

Как и в большинстве южнорусских говоров, в говорах нашей области распространено яканье, причем его наиболее архаичный тип – обоянское яканье. Перед гласными, восходящими к фонемам /и/, /ы/, /у/, в предударном слоге после мягких согласных произносится [а]; перед гласными, восходящими к фонемам /е/, /о/, /а/, произносится [и]: [р'а]ки, [с'а]стры, [р'а]ку; [р'и]ка, [п'и]сок, [сл'и]пой.

В говорах Белгородской области отсутствует фонема /ф/, которая в заимствованной лексике заменяется наиболее близким звуком [х] или сочетанием [хв]: *тухли, хвартук, Хведор, в сарахванах, телехвон, хвамилиа, шихванер, канхветы, кохта*.

К фонетическим особенностям говоров Белгородчины относится произношение губно-губного [в], то есть [ў]: *ўнук, ў город*. Замена звука [в] на [у] имеет место в начале слова перед согласным: *у деревне (в деревне), удова (вдова), уперёд (вперёд), укусный (вкусный)*.

Еще одной чертой говоров Белгородчины является прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] после мягких согласных: *Ванька, Петька, Санька*.

Распространено произношение [т'] в глагольных формах 3-го лица единственного и множественного числа: [н'ис'от'], [ид'от'], [ул'ит'ат'].

В говорах с украинской диалектной основой отражаются фонетические закономерности украинского языка, отличающие его от русского. По-

этому украинские говоры Белгородской области обладают особыми фонетическими чертами, к которым относятся:

- твердость согласных перед [и], [е]: *высна (весна), кныжка (книжка), красывый (красивый)*;

- гласный [і] на месте древнерусских [о], [е]: *поріг (порог), піч, (печь), нічь (ночь)* и т.п.;

- гласный [і] на месте древнерусского, звука, обозначавшегося буквой ять: *відро, ліс, сіно, літо, вітер, віать* и др. В русском языке на месте ятя произносится [е]: *ведро, лес, сено, лето, ветер, веать*;

- произношение [ў] в соответствии с русским [л] в сочетании с [о] между согласными в корнях слов, а также на конце глаголов прошедшего времени в мужском роде. Эта фонема в украинском языке появилась на месте старого сочетания [ъл] между согласными в корнях слов (*вълкь*) или на месте сочетания [ль] на конце причастий (*ходиль*). Передается в украинской графике [ў] буквой *в*: *вовк, довгий, ковбаса, ходыв, брав* и т.п.:

Современные говоры Белгородчины представляют собой сложное образование, их языковые особенности, характер их эволюции до настоящего времени однозначно не определен. При всём несомненном сходстве русских говоров каждый диалект представляет собой уникальный путь освоения действительности.

Диалекты русского языка – реальность настоящего времени. Происходящее в настоящее время нивелирование диалектов, утрата ими черт, отличающих их друг от друга и от литературного языка, – это утрата части языкового богатства, обеднение общенародного языка. Поэтому необходимы действия, направленные на задержку разрушения русских диалектов, необходима наиболее полная фиксация их современного состояния. Эта задача не может быть решена теми немногими диалектологами, которые ведут полевые записи диалектной речи. Необходимо создать в сельских и районных школах магнитофонные записи речи представителей местных говоров.

2.3. Лексико-семантические отношения в говорах Белгородчины

Территория Белогорья по праву считается одним из архаичных регионов, значение которого велико в этнокультурном, историко-диалектологическом отношении: здесь локализуется обширная территория южнорусского наречия.

Из поколения в поколение наши предки передавали накопленный опыт, культурные традиции, которые выражаются как в литературе, так и в языке. О роли народных говоров для развития литературного языка хорошо сказал академик Л.В. Щерба: «Если бы литературный язык оторвался от диалектов, от «почвы», то подобно Антею, потерял бы всю свою силу и уподобился бы мертвому языку, каким является теперь латинский язык». Диалектная лексика является одним из важнейших источников изучения

истории языка, истории страны, истории народа. Говоры и в настоящее время тесно связаны с жизнью народа, помогают осознать пути формирования литературного языка, диалектизмы характеризуют обычаи, обряды, традиции, жизненный уклад села, отдельной семьи, быт деревни, рельеф, природные явления данной местности. Но говоры постепенно разрушаются, утрачивают свои характерные черты, исчезают многие местные слова. Именно поэтому столь важной и неотложной задачей в наше время является сбор диалектного материала.

В современных условиях русские диалекты теряют многие архаические черты. Это объясняется мощными миграционными движениями последних десятилетий, вследствие чего происходят сложные этнические процессы; а также тем, что коренных жителей в сельской местности становится все меньше и меньше, а новое поколение пользуется формами устной разговорной речи, которые имеют существенные отличия от нормированного литературного языка и от традиционных говоров. Происходит взаимодействие, смешение, полное или частичное ассимилирование разных этносов, что находит отражение и в языке.

Современные говоры вариативны. Вариантность относится к универсальным свойствам языка на разных его уровнях. Это проявляется на лексическо-семантическом уровне, когда один и тот же предмет имеет множество номинаций. Например, в Белгородской области *кефир* (из домашнего молока) называют по-разному: *кислое, кислушка, кисляк*; в говорах существуют варианты в обозначении лексемы *чердак*: *горíще* и *потолок*. Наблюдается и фонетическая, словообразовательная вариантность: слабого, больного человека называют *квёлый, кволый*; арбуз имеет такие фонетические варианты: *кавун, каун, калун*; девушку в Белгородском районе знают как *дивка*, в Корочанском районе – *дивчина; девацка(я), деваха и девка* (последние лексемы соотносятся как с диалектными, так и с просторечными словами). Во многих говорах Белгородчины; об умном человеке говорят *головатый* и *головастый*. Иногда словообразовательные модификации способствуют образованию нового слова. Ср.: *калюжина* – большая суковатая палка (с. Каплино, Старооскольский район), *калюжа* – лужа (с. Ржевка, Шебекинский район).

Вариантность на грамматическом (морфологическом) уровне характеризуется переходом существительных мужского рода в имена существительные женского рода. Например, такой переход наблюдаем у лексемы *банк*. Носители территориальных говоров употребляют это слово в женском роде: *пайду у банку, вышла с банки*.

Появление вариантов в белгородских говорах обусловлено устной формой существования диалектов и отсутствием в говорах кодифицированной нормы, что облегчает возникновение словообразовательных и лексико-семантических единиц по существующим моделям. Эта особенность тесно связана с повышенным «эмоциональным тонусом» народной речи, характерным для разговорного языка, в том числе и литературного [Жоготкова 1979: 96].

В белгородских говорах, помимо моносемантических слов, так же, как и в литературном языке, имеются слова полисемантические. Так, в с. Городище, Корочанского района, в с. Палатово Красногвардейского района лексема *качка* употребляется в значении *колыбель*, а в с. Мясоедово Белгородского района – в значении *утка*. Явление полисемии в говорах реализуется в речи: контекст проясняет одно из конкретных значений многозначного слова. Например: слово *капустина* встречается в таких значениях: 1) кочан капусты – *сарв'у' на гаро'д'у капуст'у'ну*; 2) рассада капусты – *дасад'у' капуст'у' н пят', а то жуки' пае' л'и мно'га*.

Обычно даже самого узкого контекста бывает достаточно для того, чтобы прояснились оттенки значений многозначных слов; ср.: 1) *затои каменку*, то есть печь (в бане); 2) *осторожно переходи каменку*, то есть дорогу, мощенную булыжником, камнем. Здесь минимальный контекст позволяет разграничить значения слова *каменка*.

Слово в говорах приобретает многозначность в процессе исторического развития диалекта, отражающего изменения в обществе и природе, познание их человеком. В итоге мышление сельского жителя обогащается новыми понятиями. Объем словаря любого диалекта вариативен, ограничен, поэтому развитие лексики происходит не столько благодаря созданию новых слов, сколько в результате увеличения числа значений у ранее известных, отмирания одних значений и возникновения новых. Это приводит не только к количественным, но и к качественным изменениям в диалектной лексике.

В диалектной лексике есть слова, которые звучат одинаково, но имеют разное лексическое значение, то есть являются омонимами. В отличие от многозначных слов лексические омонимы не обладают предметно-семантической связью, у них нет общих семантических признаков, по которым можно было бы судить о полисемантизме одного слова. К омонимам в говорах Белгородчины относится лексема *гайдамак* – чужой агрессивный гусь (п. Ровеньки), – большой, мощный человек (с. Солдатское Ракитянского района). К лексическим омонимам относится и слово *дундук* со значениями «человек высокого роста, сутулый» в Ивнянском районе и «глупый, неграмотный человек» – в Ракитянском районе.

Источником омонимии в белгородских говорах являются заимствования из литературного языка: *квас* – хлебный напиток и *квас* – окрошка в отдельных говорах Белгородского и Шебекинского районов.

В говорах Белгородчины имеют место и переходные явления. Так, слово *дерюжка* находится на стыке многозначности и омонимии, так как в его значении можно усмотреть некоторое неполное, подразумеваемое сходство: в говорах Краснояружского района это самотканая простыня, в Красногвардейском – половик, сотканный из старых вещей; в Ракитянском – покрывало на кровать, на скамейку.

Системная организация лексики проявляется в наличии в ней объединений слов, которые характеризуются не только общностью значений, но и семантической противоположностью.

Рассмотрим отношения дополнительного значения, которые проявляются в говорах отношениями сходства, взаимозаменяемости, или синонимичности, и отношения противоположения, или антонимичности.

Семантические компоненты в говорах могут быть вербализованы различными лексемами, разными частями речи: глаголы *гваздать*, *мызгать*, *мусолить* являются полными синонимами со значением «пачкать, делать грязным». К полным синонимам относятся и прилагательные *головатый* (*головастый*), *башковитый* в значении «умный». Наречия-синонимы *дуже* (*дюже*), *шибко* реализуются в говорах в значении «очень». Самой частотной частеречной группой, образующей синонимическую парадигму, являются имена существительные: диалектизмы *гурт*, *гурьба* – имеют значение «группа людей».

Идеографические синонимы отличаются оттенками в лексическом значении: *вярьги* – рукавицы, *визёнки* – вязаные рукавицы, *голицы* – кожаные рукавицы без подкладки; *цеберка* (*цыберка*) – ведро, *доёнка* – ведро для доения коровы.

В говорах Белгородчины отмечаются более сложные комбинации лексико-семантических отношений. Например: полные синонимы в Вейделевском районе *кухлик* и *гурюнчик* – кувшин с отбитым горлом – имеют в других говорах синонимы с несколько другим значением: *крыница* (*криница*), *крынка* – кувшин (горшок) для молока, *глечик* – глиняный невысокий кувшин, горшок. Явление контаминации семантических отношений наблюдаем при употреблении омонимов: *гребля* – пустырь, мусорная свалка (Шебекинский район) и *гребля* – мост, земляная насыпь на реке, на пруду (Ракицкий район). Последняя лексема имеет в говорах идеографические синонимы к полным синонимам *кладка* и *гать*, имеющим значение «самодельный мост из прутьев».

Стилистические синонимы, как и в литературном языке, в белгородских говорах отличаются эмоционально-экспрессивной окраской: *кричать* (нейтр.) говорить громко – *зпать* (груб.) сильно кричать, со злом.

Таким образом, явление синонимии в диалектах опирается на диалектическое единство общего и особенного, отдельного.

Один из видов лексико-семантических отношений в говорах Белгородской области является противоположность значения, то есть антонимия, которая зачастую устанавливается в результате сравнения двух предметов. Основанием для сравнения при этом является определенный семантический компонент, существующий в значениях сравниваемых слов. И если в них этот семантический компонент имеет противоположное содержание, мы говорим об антонимических отношениях между словами. Например, семантика прилагательных *хороший* – *плохой* имеет такой вид: *гарный* (гарные вичира) – *худой* (худая примета).

В антонимические отношения вступают и слова других частей речи:

- наречия: *давеча* (с. Щетиновка Белгородского района) – давно, в прошлом – *давча* (с. Репное Шебекинского района) – недавно;
- глаголы: *щанотать* (*шепотать*) – говорить тихо – *гаркать*, *зпать*,

гортанить – говорить громко, кричать;

- существительные: *хата* – небольшой крестьянский дом – *хоромина* (неол.) – большой современный дом, коттедж;
- местоимения: *той* – тот – *етый* – этот.

В конце XX – начале XXI веков усиленное внимание уделяется семантике лексического состава народных говоров, различным типам лексических диалектизмов. В основном эта работа ведется на уровне самостоятельных частей речи, выявление семантики служебных слов остается на периферии лингвистического учения о диалектах. Между тем, областные служебные слова вступают в антонимические отношения. Таковыми являются предлоги *у – с*, синонимичные предлогам *в – из* литературного языка: *у школу – с школы*.

В говорах антонимические слова выстраиваются в синонимические ряды: 1) *много – богато – людно – полно – густо*;

2) *мало (трохи, трошки) – жидко – безлюдно – малёхонько (маненько) – редко*.

Для изучения этноистории нашего края неоценимую помощь оказывают фразеологизмы. Как и в литературном языке, региональные фразеологические единицы устойчивы, имеют устоявшийся, закрепленный традицией характер: их характеризует единство состава и структуры. Целостность значения фразеологизма проявляется в его семантической и функционально-грамматической близости слова (*сидеть на тюре (на за́терке, на воде) – голодать*).

По отношению к общенациональной русской лексике фразеологизмы Белгородчины можно разделить на две группы:

1) региональные фразеологизмы, состоящие из литературных слов (*ситцевый магазин* – магазин промышленных товаров);

2) фразеологизмы, имеющие в своем составе диалектное слово (*губы заламынил* – зазнался, обиделся).

По степени слитности компонентов, как и в литературном языке, в белгородских говорах можно выделить четыре группы фразеологических единиц:

1. Фразеологические сращения – это фразеологизмы, значение которых не определяется значением входящих в их состав компонентов. Как образовалось переносное значение, не всегда удается определить. Например: *как в соль сел* – стал слабым, зачах.

2. Фразеологические единства – значение таких фразеологических единиц в какой-то мере определяется значением входящих в них компонентов. Переносное, метафорическое значение оборота в целом отчетливо мотивировано. Например: *бить языком* – много болтать.

3. Фразеологические сочетания – стержневое слово в таких оборотах реализует свое значение лишь в соединении с определенным кругом слов, а свободно не употребляется. Например: *глузды отбить* – сильно удариться, повредить внутренние органы.

4. Фразеологические выражения – фразеологизированные обороты, которые обладают не всеми различительными признаками фразеологизмов, а лишь частью из них: воспроизводимостью в готовом виде и в какой-то мере образностью. Однако слова в них остаются семантически неполноценными. К таким выражениям в белгородских говорах мы относим, например, региональные пословицы, поговорки, народные приметы. Все они приобрели некую метафоричность, которая все-таки полностью выводится из составляющих такие выражения слов. Например: *Петровки – голодовки*. Религиозный праздник в честь Святого Петра (Петров день) отмечается летом, когда прошлогодние запасы уже съедены, а новый урожай еще не поспел. Поэтому появилась такая поговорка-примета.

В говорах Белгородчины отмечаются и случаи употребления не всего устойчивого выражения, а его части, в которой заключен обобщенно-образный смысл. Так, употребляется часть поговорки, утратившей часть, содержащую вывод. Например: *Глаза как ложки...* (утрачена часть *...а не видят ни трошки*).

В таких фразеологических выражениях, как региональные паремии, заложен глубокий смысл, в них отражаются человеческие качества, любовь к родному краю, к учению, знаниям, к труду. Эти «жемчужины народной мудрости» разоблачают пороки, прославляют добро. В них, выражаясь словами Л.Н. Толстого, «Все просто: слов мало, а чувств много». Например: – Солдат-горемыка, хуже лапотного лыка. – И собака к собаке не подойдет, не обнюхав ее. – Чем зря кричать, лучше дело помолчать. – Скатерть со стола – и дружба сплыла. – Одна пчела не много меда натаскает. – Чем зря такать – лучше в дело побалакать.

Региональные фразеологизмы имеют ту или иную стилистическую окраску. Стилистический пласт диалектных фразеологизмов составляет разговорная фразеология, которая используется в устной форме общения. Среди разговорной выделяется просторечная фразеология, более сниженная (*вправить мозги, брнчать языком, дураку семь верст не крюк*).

Поскольку фразеологизмы употребляются в устной речи, то каждый носитель языка может образовать свой вариант устойчивого сочетания. В говорах варьируется форма и состав компонентов устойчивого сочетания: *хай тебя родимец (нечистая, сатана) возьмет; губы (бурды) расканустил (распустил, заламынил)*.

Наиболее характерно для региональной фразеологии лексическое варьирование – замена компонентов фразеологизма: *чувалом (мешком) прибитый (пришибленный, зашибленный, придушенный)* – о неумном, глупом человеке. Лексическое варьирование может возникать и в результате варьирования наименований, закрепленных за одним денотатом, при общем плане содержания, но при оттенках в его значении. Например, в Вейделевском районе (с. Кубраки) полный мешок называется *уклунок*, а пустой мешок – *чувал*. Поэтому в разговорной речи возникает фразеологизм *уклунок прибитый*, который сосуществует с идиомами *мешком прибитый*, *чувалом прибитый (пришибленный)*.

В речи сельских жителей Белгородчины варьируются диалектные формы устойчивой единицы и литературные варианты этого же фразеологизма:

- Молодой, а *как кочет* сигаает на всех /79 лет/;
- з армии пришел, дерется, *как петух* сигаает... /57 лет/.

Многие фразеологические единицы говоров, эквивалентные литературным, продолжают активно употребляться в диалектной речи, хотя степень воздействия литературного языка на региональные говоры из года в год продолжает увеличиваться. Судьба таких слов и фразеологизмов, полагаем, будет зависеть от того, в какой мере будет унифицирован образ жизни людей, которые пользуются диалектной речью. Ведь многие носители говора знают литературные эквиваленты диалектных фразеологизмов, но продолжают пользоваться последними, если разговор с человеком из той же среды, и часто перестраиваются на литературную (хотя и не всегда правильную) речь, когда в разговор вступает человек, владеющий литературной нормой: *как сквозь пальцы текетъ* – *как сквозь пальцы текеть* – *как сквозь пальцы течет*; *что есть мочи валуя* – *что есть мочи кричить* – *что есть мочи кричит*.

По сфере употребления выделим следующие группы региональных устойчивых сочетаний:

1. Нейтральные фразеологические единицы, выполняющие номинативную функцию: *(ударить) промеж глаз* – (ударить) по голове; *нескоромный день* – постный.

2. Для оценочной характеристики предметов, явлений окружающей действительности употребляются эмоционально окрашенные фразеологизмы. В этой группе выделим следующие подгруппы:

а) со значением мелиоративной характеристики человека, его действий – *вылизать все* (убрать чисто-пречисто), *быть природным* (быть естественным), *умазанный человек* (человек с незаурядными способностями, с необыкновенным складом ума);

б) со значением пейоративной характеристики человека – *лоб хоть лягушек бей* (о большом некрасивом лбе, иногда об упрямом, твердолобом человеке), *нашушукать на ухо* (насплетничать), *поганому поросяти и в Петровки холодно* (о неудачливом человеке, о слабом, немощном человеке);

в) фразеологизмы, выражающие эмоции и состояния человека – *набить оскомину* (надоесть), *диву даваться* (удивляться);

г) фразеологизмы, характеризующие высокое социальное положение, выделяющегося в обществе человека – *не шелуха (не отсевки) на току*;

д) устойчивые сочетания, характеризующие интеллектуальные способности человека – *не голова, а дом советов*;

е) фразеологизмы, включающие в свой состав соматизмы – *виски (= волосы) прилизанные* (о гладко причесанном человеке), *у чужие руки пошла* (вышла замуж), *язык (языком) бить* (много болтать), *горб (горбяку) гнуть* (много трудиться).

Фразеологизмы разговорного характера окрашены в фамильярные, шутливые, иронические, презрительные тона (*хана тебе* (конец), *не южэжи* (*не визжи*) (ничего не проси, не надоедай просьбами), *не кивай гривой* (не поддакивай, не крути головой), некоторые устойчивые единицы имеют грубый, уничижительный характер: *хай тебя родимец возьмет* (*/хай тибе радимес вазьметь/*), *иди к родимцу*.

Одну и ту же мысль можно выразить, используя различные фразеологизмы, выступающие в качестве синонимов (ср.: *как скаженный, как оголтелый, как бешеный*). Фразеологизмы, подобно словам, нередко создают синонимические ряды, с которыми синонимизируются и отдельные слова (ср.: *гобелок сдеру, шкуру сдеру, сыпну (задам) перцу, взнуздаю, отнуздаю, побью, отлуплю*). Богатство региональных лексических и фразеологических синонимов обуславливает огромные выразительные возможности русского языка.

Проблема синонимии фразеологизмов вызывает большой интерес. Одни исследователи предельно сужают понятие «фразеологизм-синоним», другие толкуют его расширенно. Представляется оправданным отнесение к фразеологическим синонимам тождественных или близких по значению фразеологизмов, которые могут отличаться стилистической окраской, сферой употребления. Считаем правомерным признать синонимами и такие фразеологизмы, у которых повторяются отдельные компоненты (ср.: *зябры высунул, нос высунул*). Региональные фразеологизмы, частично совпадающие по составу, но имеющие в основе разные образы, носят синонимический характер (ср.: *распустить лохмы – распустить виски – распустить волосы – раскинуть виски по плечам*).

В говорах Белгородчины возможно употребление в речи взрослых носителей диалекта лексических и фразеологических синонимов одновременно: «*Не волуй, кричишь как оглашенный*» /82 года/. При этом нанизывание синонимов выполняет уточняющую функцию: *воловать* – значит громко кричать, то же значение имеет и устойчивое сочетание, но оно передает более сильное проявление действия.

Очень часто диалектный вариант имеет более яркую экспрессию, чем его литературный синоним: *сойти с ума – свихнуться с ума, сбрендить с ума; с какой стати – с какого перепугу*.

Антонимические отношения в диалектной фразеологии развиты значительно меньше, чем синонимические. Антонимия фразеологизмов поддерживается антонимическими отношениями их лексических синонимов. Ср.: тихо – громко: *бубнит под нос – кричит как оглашенный*. В особую группу выделяются антонимические фразеологизмы, частично совпадающие по составу, но имеющие компоненты, противопоставленные по значению. Ср.: *поворачиваться мордой (лицом) – поворачиваться горбом, горбякой (спиной)*. Компоненты, придающие таким фразеологизмам противоположное значение, часто являются лексическими антонимами (легкий – тяжелый: *легкий на подъем – важный (грузный) на подъем*), но они могут получать противоположный смысл и только в фразеологически связанных значениях (лицо, морда – спина, горб, горбяка).

Большинство местных фразеологизмов отличается однозначностью: они имеют всегда одно и то же значение. Например: *как обляк* – о полном, крупном человеке, чаще о ребенке. Но есть фразеологизмы, у которых несколько значений. Например, устойчивое сочетание *губы заламынить* означает: 1) обидеться, 2) зазнаться; фразеологизм *яглов тебе* имеет такие значения: 1) ничего не надо (если предлагается что-то, а человек от всего отказывается), 2) дать что-то неопределенное.

Фразеология (в том числе и диалектная) – наиболее яркий, эмоционально-образный слой языка, в котором заложены образные представления и ассоциации, свойственные народному мышлению.

Диалектная система позволяет познать духовную культуру народа, открыть забытые страницы истории, восстановить старинные обычаи и обряды. Именно поэтому в конце XX – начале XXI века диалектизмы интенсивно изучаются не только в этимологическом, историческом, географическом аспектах, но и особое внимание уделяется этнолингвистическому и лингвокультурологическому аспектам.

На Белгородчине существуют слова – названия предметов, которые служат номинациями реалий окружающей действительности только в нашем крае и являются продуктом человеческой деятельности многих десятилетий – этнографизмы. Такие лексемы обозначают многие бытовые предметы, некоторые сельскохозяйственные орудия, местные особенности жилых и хозяйственных построек, природные явления и т.д.

Во многих случаях гораздо более очевидны внеязыковые причины диалектных различий, когда какие-либо группы слов известны только на ограниченной территории. Так, на Белгородчине имеются различные лексемы для наименования емкостей: *жлукто* – бочка без дна, *лобзиня* – маленькая бочка для сала, *лозбень* – бочка для засолки сала.

Различия лесопольной, паровой и залежной систем земледелия выражались и в наличии особых типов орудий обработки почвы, имевших каждое свое название. На севере, где пашни отвоевывали у леса, бытовали *копач* (вроде мотыги), деревянная *борона* – *суковатка*, *соха* без полицы, *отрез*; на черноземах юга – *рало*, *плуги*, *сабаны*. Различались орудия обмолота снопов, имевшие соответственно разные названия. В нашем крае снопы обрабатывали *мялками*.

Из названий этих предметов только некоторые можно считать этнографизмами, другие составляют лексические различия. Так, по данным середины XX в. цеп, который был раньше распространен повсеместно, имел несколько разных названий: на Белгородчине – *молотило*, в других районах страны – *привязь*: *пріузь*: *приуз*, *молотилка*. Название *цеп* существовало на юге и в средней полосе. Названия цепа составляют лексическое диалектное различие, т.е. различие собственно языковое, этнографизмами они не являются.

В области духовной культуры также существуют локальные слова, которые относятся к обрядовой и поэтической лексике, социальным уста-

новлениям, обычаям. Среди многих терминов русского свадебного обряда на Белгородчине, как и в других регионах страны, известны слова *воля* и *красота*, символизирующие девичество, с которым невесте предстоит расстаться. Белгородский свадебный обряд характеризуют и другие лексемы: *беседа* (компания, гости на свадьбе), *поезд* (все приглашенные на свадьбу едут на лошадях к невесте). Эти слова в говоре являются контекстуальными синонимами.

Диалектологические материалы представляют собой огромный мир народной жизни, своеобразный памятник народной мудрости. Изучать и собирать этот самобытный материал – дело не только лингвистов. В этом им должны помогать этнографы, историки, археологи, географы.

Бережное и уважительное отношение к диалектам свойственно многим народам. Белгородские любители словесности также изучают этот самобытный материал, фиксируя диалектные особенности говоров на всех языковых уровнях, потому что «...русские наречия и говоры есть только потомки более древних наречий и говоров русских, эти последние – потомки еще более древних и т.д. вплоть до самого момента распада русского языка на наречия и говоры, а литературное наречие есть лишь одно из этих областных наречий, обособившееся в своей истории, испытавшее более сложную эволюцию, вобравшее в себя целый ряд чужеродных элементов и зажившее своей особой, в значительной мере неестественной, с точки зрения общих законов языка, жизнью» [Пешковский 1959].

Анализ проблем, связанных с изучением исторических основ языкового своеобразия региона и исследованием белгородских говоров, позволяет сделать следующие выводы:

- Белгородчина представляет собой отдельный, отличный от других регион с присущей ему региональной спецификой. Эта специфика заключается не столько в природных, климатических и экономических особенностях региона, сколько связана с историей его заселения, оборонными и колонизационными функциями, которые возлагались государством на Слобожанщину и население региона. Эти функции и задачи обусловили особое этническое своеобразие Белгородчины, что, в конечном счёте, сформировало и специфическую для региона культуру;

- одним из существенных региональных и культурных маркеров Белгородчины является язык, на котором разговаривает её население. Это одна из разновидностей слобожанского говора, который в лингвистике принято называть курско-белгородским говором;

- региональные языковые особенности, являющиеся объектом изучения лингворегионоведения, активно исследуются современной лингвистикой, что обусловлено несколькими причинами: негативными тенденциями в развитии русского литературного языка, которые заставляют по-новому взглянуть на взаимоотношение литературного языка и диалекта, изменениями, происходящими в российской системе школьного преподавания, демократизацией литературного языка;

▪ в современных исследованиях при описании диалекта учитываются не только языковые особенности, но и элементы материальной и духовной культуры, этническое самосознание, историко-культурные традиции изучаемого этноса. В соответствии с таким подходом территориальный диалект определяется как средство коммуникации того или иного этносоциума в исторически сложившемся ареале (историко-культурной зоне);

▪ в лексике говоров, бытующих на Белгородчине, представлены следующие группы диалектных слов: собственно лексические диалектизмы, лексико-словообразовательные диалектизмы, фонематические диалектизмы, семантические диалектизмы, этнографизмы. Тематические группы лексики, выделяемые в говорах Белгородчины, являются традиционными для говоров и характеризуют разные сферы жизни и быта сельских жителей. Естественно, что в горах Белгородчины более развиты те тематические группы, которые связаны с особенностями хозяйства и быта в данном регионе (лексика полеводства и животноводства, бытовая лексика);

▪ важнейшая черта языка региона – бытование на территории Белгородской области говоров с украинской народной основой. В настоящее время такие говоры претерпели значительные изменения, обусловленные как естественным развитием языковой системы, так и влиянием русского языка. Яркая черта современных украинских говоров – параллельное существование в лексическом составе исконных, украинских слов и слов, заимствованных из русского говора или литературного языка. Лексические средства двух языков гармонично сочетаются в словарном составе говоров Белгородчины, что способствует развитию особых синонимических связей;

▪ белгородские говоры, будучи яркими представителями южнорусского наречия, характеризуются следующими фонетическими особенностями: произношение фрикативного, щелевого [Y], аканье (в ряде районов области – диссимилятивное аканье), яканье, отсутствие фонемы /ф/, прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] после мягких согласных и др.;

▪ лексико-семантические отношения в говорах Белгородчины те же, что и в системе литературного языка: моносемантические слова и слова полисемантические, слова-омонимы, слова-синонимы, слова-антонимы. Значительный интерес для изучения этноистории края представляют фразеологизмы, бытующие в говорах Белгородской области.

Список использованной литературы

1. Авдеева М.Т. Украинские говоры российско-украинского пограничья // Славянский мир: общность и многообразие: материалы международной научной конференции. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 221-224.
2. Багалій Д.І. Історія Слобідської України.- Харків: Основа, 1990.
3. Белгородоведение: учебник для общеобразовательных учреждений / Под ред. В.А. Шаповалова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

5. Бережной А.А. Заселение юго-востока Белгородской области в XVIII в. <http://www.vgd.ru/STORY/belgorod.htm>.
6. Бескровный А.М. Из истории образования переходного украинско-русского диалекта в Воронежской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. – т. II. – М.; Л.: Учпедгиз, 1949.
7. Бескровный А.К Диалектологии слобожанских говоров. Звуковые особенности гор. Лебедина и его района (Сум. округа) // Язык и литература, т. 2, в. 1.–Л., 1927.
8. Бритюк А. Российские украинцы: останется ли на карте «страна Хохляндия»//Украинская правда. – 2008. – 26 февраля.
9. Бромлей С.В., Булатова Л.Н., Герцова О.Г. и др. Русская диалектология: учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений; под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.
10. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Изучение народных говоров в школе // Русская словесность. – 1996. – № 3. – С. 57-62.
11. Вайсгербер Й.Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 37-40.
12. Ветухов А. В. Говор слободы Алексеевки Старобельского уезда // Русский филологический вестник (Варшава). – 1893. – № 1-2.
13. Владимирская Е.А. Бытовая лексика переселенческого русского говора юго-восточной части Харьковской области (к проблеме взаимодействия русского и украинского языков): автореф. ... канд. филол. наук. – Киев, 1977.
14. Глуховцева Е.Д. Динамика украинских восточнослобожанских говоров: дис. ... д-ра филолог. наук – Киев, 2006.
15. Голева Н.М. Особенности региональных фразеологизмов Белгородчины // Фразеология и познание. Сборник докладов 2-ой Международной научной конференции «Фразеология, познание и культура». – Белгород, 2010.
16. Голикова Т.А. К вопросу о сущности регионального языка // Актуальные проблемы филологии. – Барнаул, 1998. – С. 77-81.
17. Горшкова К.В. О верификации фонетических реконструкций (на материале славянских диалектов // Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. – М.: МГУ, 2001.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1956. – Т. 1.
19. Денисевич Г.В. География диалектной лексики в Курско-Белгородской зоне // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. – Л., 1972.
20. Денисевич Г.В. К проблеме формирования говоров на Курско-Белгородской земле // Научно-практические очерки по русскому языку. – Курск, 1971. – Вып. 4-5.
21. Денисевич Г.В. Народные говоры с украинской исторической основой на территории Курско-Белгородского края // Материалы совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности. – Воронеж, 1959.
22. Закон Белгородской области от 12.09.2005 N 223 "Об утверждении соглашения о создании Еврорегиона "Слобожанщина"/ http://belgorod.news-ity.info/docs/systemsf/dok_ierxmz.htmб
23. Ильинская Н.Г. Общерусское слово в лексикологическом аспекте. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ, 2001.
24. Информационная справка о еврорегионе «Слобожанщина», 2006. Режим доступа: <http://www.kharkivoda.gov.ua/openwin.php?url=show.php?page=17474>
25. Итоги Всероссийской переписи 2002 года: сокращенный вариант // Российская газета. – 2004. – 31 марта.
26. Касаткин Л.Л. Русская диалектология: программы высших педагогических учебных заведений для специальности «Русский язык и литература». – М.: Наука, 1994.
27. Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. – М.: Дрофа, 1999.

28. Клокова Л.Н. Место диалектной лексики в системе русского литературного языка // И.И. Срезневский и современная славистика: наука и образование: сборник научных трудов. – Рязань: РГПУ, 2002.
29. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. Состояние и перспективы. – М.: Наука, 1979.
30. Колесов В.В., Ивашко Л.А., Капоруллина Л.В. Русская диалектология: учебное пособие для филол. фак. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1990.
31. Лабунец Н.В. Об изучении народно-географических терминов в русских говорах юга Тюменской области. – Тюмень, 2000.
32. Лученко В. «Койне... Піджин... Суржик...» // <http://h.ua/story/162672/>
33. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высших учебных заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
34. Машкин А.С. Сборники А.С. Машкина // Курский сборник. Вып. 4. Материалы по этнографии Курской губернии. – Курск, 1903.
35. Новикова Т.Ф. К проблеме изучения языка региона // Русская филология. – Харьков: изд. ХНПУ им. Г.С.Сковороды, 2009. – №4 (41).
36. Олифиренко В.В., Олифиренко С.Н. Слобожанская волна: учебное пособие-хрестоматия по украинской литературе Северной Слобожанщины. – Донецк: Восточный издательский дом, 2005.
37. Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедевой. – СПб., 1999.
38. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные труды. – М., 1959. – С. 50-62.
39. Регионоведение: Учебное пособие / Отв. ред. проф. Ю. Г. Волков. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002.
40. Резанов В.И. К диалектологии великорусских наречий: Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губернии // Рус. филол. вестник. – 1897. – Т. 38. – № 3-4.
41. Резанова Е.И. Наблюдения над говором крестьян деревень Масловки и Хитровки Суджанского уезда Курской губ: (Ответы на вопросы «Программы для собирания особенностей великорусских говоров»). – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб., 1912. – Т. XVII. – Кн. 1. – [IV]. – С. 215-263.
42. Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. – С.-Петербург: Т-во «Общественная польза», 1898. – Т. 5.
43. Русские говоры Сумской области: Материалы диалектологических экспедиций / Черепанова Е.И., Евграфова А.А., Покуц В.Н., Волкова О.Н. – Сумы, 1998.
44. Саппа М.М. Українська мова на Білгородщині: становлення та сучасний стан // Мова і культура. – Вип. 12, т. I(126), К.: Вид. Дім Д.Бураго, 2009. – С.141-147.
45. Сергійчук В. Етнічні межі і кордони України: схід // Наука і суспільство. – 1991. – № 8-9. – С.14-15; № 10-12. – С.12-14.
46. Скворцов Л.И. Художественная литература – сокровищница слов // Русский язык в школе. – 1994. – № 6.
47. Слобожанський говір // Енциклопедія «Українська мова». – Київ, 2000.
48. Словник українських східнослобожанських говірок / К. Д. Глуховцева, В. В. Леснова, И. А. Николаєнко, Т. П. Терновська, В. Д. Ужченко. – Луганськ, 2002.
49. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001.
50. Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. – М.: Издание дворянства, 1913. – Т.1.
51. Филин Ф.П. Проект «Словаря русских говоров». – М.; Л., 1961.

52. Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология / М.И. Фомина. – М., 2001.
53. Шубина Н.Г. Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села Городище Старооскольского района Белгородской области: дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2004.
54. Щелков К.П. Историческая хронология Харьковской губернии. – Харьков: Университетской типографии, 1882.
55. Ядов В.А. Социальные идентификации в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. – № 3. – С. 12-18.
56. Язык русской деревни. Школьный диалектологический атлас: пособие для общеобразовательных учреждений. – М.: Просвещение, 1994.
57. Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник: Около 1500 фразеологизмов. Редакция филол. словарей русского языка. – М., 1997.

Глава III РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЯ

*Топонимикон народа представляет собою коллективное произведение народного гения.
Географические названия служат ориентирами во времени и пространстве, создавая историко-культурный облик страны.*

Д.С. Лихачев

3.1. Задачи региональной топонимики

Современное преподавание лингвистических дисциплин требует обязательного учета регионального компонента образования, отражающего различные аспекты россиеведения.

Предлагаемая глава разработана на лингвокраеведческом материале – именно топонимическом, изучение которого раскрывает многие стороны языка и позволяет наполнить конкретным содержанием этнокультурный компонент образования. Местный топонимический материал крайне важен для ведения полнокровной лингвокраеведческой работы в школе, которая призвана воспитывать у школьников любовь к своему языку и к своему краю.

Актуальность данной темы определяется тем, что изучение топонимических единиц отдельного региона продолжает оставаться одной из важнейших задач отечественного языкознания, поскольку необходимо быстрее зафиксировать все, что еще сохранилось, и тем самым сберечь языковые ценности для науки.

Основной массив собственных имен – онимов – составляют топонимы, содержащие наиболее ценную и богатую этнолингвистическую и историческую информацию. Поэтому не случайно с 60-х годов XX столетия особенно широко развернулась работа по топонимике, которая включает в свой состав географические названия разных типов: гидронимы, ойконимы, оронимы и т. д.

Ойконимия, под которой понимается совокупность названий населенных пунктов определенной территории, представляет особый интерес для научного изучения. В ней отражаются важнейшие этапы истории материальной и духовной культуры создавшего ее народа и проявляются языковые закономерности, в связи с чем ойконимия представляет интерес для иссле-

дования как историко-географический материал и как лингвистический источник.

При характеристике местных ойконимических единиц следует опираться на названия рек и других водных объектов Белгородской области, наименования церковных приходов, учитывать данные картотеки белгородских фамилий и имеющиеся публикации по краеведению, поскольку данные материалы во многих случаях помогают установить источник названия населенного пункта и рассмотреть экстралингвистические факторы, определившие его семантическое содержание.

Ойконимия Белгородской области имеет более чем четырехсотлетнюю историю. Специфика территории Белгородского края в прошлом как южного пограничья Московского государства определила своеобразие исследуемой ойконимической системы, в которой отразились, в известной степени, бывшие контакты племен и народов. Каждый народ, живя на определенной территории, оставляет о себе память в виде географических названий – истории, выраженной средствами языка.

В связи с этим нами рассматривается только материал, который по происхождению можно считать русским/славянским (около 1700 ойконимов). Почти 200 названий населенных пунктов Белгородской области подлежат особому изучению, так как имеют семантически неясную образующую базу. В большинстве случаев такие ойконимы относятся к иноязычным, хотя многие из них оформлены по восточнославянским топонимам.

Такие топонимы могут быть связаны с финно-угорскими базами (с. *Миндоловка*, х. *Гайдашевка*) или тюркскими (х. *Абалмасов*, с. *Байцур*). Можно отметить ряд германизмов (с. *Вергелевка*, с. *Флюговка*), поздние полонизмы (х. *Менжулюк*, х. *Мосьпанов*). Подобные названия рассматриваются в работах М. В. Федоровой [Федорова 1995; 2003].

Объяснение семантики некоторых географических названий нашего региона затрудняется также тем, что они восходят к таким словам, которые давно вышли из современного употребления и требуют дополнительных этимологических изысканий (х. *Ваковщина*, х. *Поныри*, х. *Ряцин* и др.).

В настоящее время развиваются различные формы и направления лингвистического изучения топонимии регионов России. В связи с этим назовем исследования, посвященные описанию фактов топонимии по собственно русским территориям, в частности, по Воронежской области в работах В.П. Загоровского, С.А. Попова, по Липецкой области – исследования Г. Л. Щеулиной, по Орловской, Калужской областям – в работах М. Н. Морозовой.

Детальному изучению топонимического материала Белгородской области также стало уделяться пристальное внимание. В работах ряда авторов имеются определенные наблюдения по топонимике нашего края [Добродомов 1986, 1987; Жиленкова 2006; Осыков 1990, 2001; Прохоров 1977; Федорова 1995, 2003].

Следует также указать, что обращение к основным проблемам региональной топонимии невозможно без применения специальной терминологии.

Система топонимических терминов

Лингвистическая наука, занимающаяся всесторонним изучением имен собственных, называется **ономастикой** (от греч. *onomastike* «искусство давать имена»).

Имена собственные используются для обозначения широкого и разнообразного круга предметов, явлений, понятий; в связи с чем разграничены такие разделы ономастики, как **антропонимика, топонимика, этнонимика, космонимика, зоонимика и др.**

Географические объекты (реки, моря, горы, низменности, города, села, страны, улицы, дороги и др.) также имеют собственные имена – **топонимы** (от греч. *topos* «место» и *онума* «имя, название»). Совокупность топонимов образует **топонимию**. Наука, изучающая топонимию, называется **топонимикой**.

Отдельные классы топонимов имеют свои специальные обозначения:

Ойконим (от греч. *oikos* «жилище») – название населенного пункта, поселения (*г. Белгород, с. Ивановка*).

Гидроним (от греч. *hydro* «вода») – название водного объекта (моря, реки, озера, пруда, ручья и др. – *р. Северский Донец, оз. Круглое*).

Ороним (от греч. *oros* «гора») – название объекта рельефа (оврага, горы, балки, холма, долины и др. – *Белая гора, Ближний овраг*).

Дримоним (от греч. *dres* «дуб») – собственное наименование леса, его участков, любых лесных угодий (*Монастырский лес, Дальний лес*).

В специальной литературе, помимо родового понятия и термина «топоним», употребляют видовые: **макротопоним** и **микротопоним**.

Макротопоним (от греч. *makros* «большой») – это наименование крупного физико-географического объекта, его собственное имя, как правило, имеющее широкую известность и сферу употребления (*Европа, Сибирь, Атлантический океан*).

Микротопоним (от греч. *mikros* «малый») – название незначительного, «мелкого» физико-географического объекта (ручья, колодца, оврага, покоса, пригорка, леса, болота, зимовья и т. д.)

Кроме указанных специальных обозначений различных классов топонимов, при изучении топонимического материала мы будем обращаться и к другой ономастической терминологии:

Антропоним (от греч. *anthropos* «человек» и *онума* «имя») – любое собственное имя человека, в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним.

Антропонимика – отрасль языкознания, изучающая имена людей.

Антропотопоним – топоним, образованный от антропонима (*с. Петровка, х. Жданов*).

Апеллятив – имя существительное нарицательное, от которого может образоваться топоним (*лес – с. Лески, пруд – с. Прудки*).

Зооним (от греч. *zoo* «животное») – собственное имя, кличка любого животного.

Зоотопоним – топоним, образованный от названия животного или птицы (*р. Волчья, п. Зайчик*).

МГТ – местные (народные) географические термины, активно участвующие в образовании географических названий (*ерик – с. Ерик, шлях – с. Шлях*).

Фитоним (от греч. *phyton* «растение») – название любого растения.

Фитотопоним – топоним, образованный от названия растения (*х. Дубки, с. Ольховка*).

Этноним – название любого этноса, в том числе племени, племенного союза, народа, народности.

Этнотопоним – топоним, образованный от этнонима (*Россия, с. Русское, х. Мордовинка*).

Таким образом, знание специальной ономастической терминологии необходимо для организации успешной работы по сбору и изучению региональных топонимических единиц.

3.2. Исследование названий населенных пунктов Белгородской области

Региональный топонимический материал, именно ойконимы, можно распределить по двум тематическим группам: названия естественно-географического характера и названия культурно-исторического характера.

3.2.1. Названия населенных пунктов естественно-географического характера

В ходе исследования выяснено, что основным источником образования естественно-географических ойконимов являются апеллятивная лексика и местные географические термины. Такие названия характеризуются вторичностью происхождения сравнительно с апеллятивными лексемами, так как определяют особенности географического или природного положения населенного пункта относительно смежных объектов естественного ландшафта, по названиям которых они получили свои именованья (*х. Залесье, с. Бродок, с. Гора-Подол, х. Березки*).

Ойконимы, представленные в данной группе, связаны с базовыми элементами, которые отражают естественно-географические особенности Белгородской области, разнообразие ее природных условий, животного и растительного мира. Представим несколько тематических групп.

Ойконимы, образованные от названий рек

Наименования населенных пунктов, образованные от названий рек, наиболее устойчивый и самый древний пласт в топонимии любого региона. Гидронимы исследуемой территории являются носителем очень важной информации о языке, истории наших предков, а также тех народов, которые

предшествовали им. Крупные реки получили названия в глубокой древности, когда на их берегах проживало нерусское и даже неславянское население. Позже славянское население нашего края восприняло иноязычные гидронимы, адаптировало их к своей фонетической системе, грамматическому строю языка. Таковы названия многих рек в Белгородской области: *Ворскла, Валуй, Короча, Нежеголь, Оскол, Потудань, Псел, Уразова* и др.

Часть гидронимов, русских/восточнославянских по происхождению, имеет прозрачную семантику, так как названия этих водных объектов отражают природные особенности нашего края.

Многие небольшие речки получили названия по растительности, встречающейся в их долинах. Такие гидронимы легли в основу образования следующих ойконимов: *п. Ивенка Ракит.* – *р. Ивинка* (с другим орфографическим отражением заударного гласного); *с. Ольшанка Черн.* – *р. Ольшанка* (по ольховым зарослям) и др. Некоторые гидронимы могут быть связаны с названиями животных, водившимся в местах, где протекают реки. Таковы названия *р. Бобрава* и *р. Волчья*, по течению которых расположены селения: *с. Бобрава Ракит.* и *х. Волчий-Первый Волок.*, *с. Волчья Александровка того же р-на.*

В названиях рек могут отражаться лексемы, называющие залежи полезных ископаемых в нашем крае: *р. Ржавец* (небольшая речка с красноватой водой, что свидетельствует о наличии в почве различных соединений железа). С данным гидронимом связан ойконим *с. Ржавец Шеб.*

Наименование *с. Сухосолотино Ивн.* связано с названием *р. Солотино*, в основе которого лежит диалектное слово *солоть* «вязкое, жидкое, стоячее, кислое и ржавое болото, на твердой почве, без трясины, иногда со ржавцами» [Даль 4: 267].

В названиях некоторых рек могут быть отражены особенности формы их русла, течения, разлива. Так, с гидронимом *р. Двуречная* соотносится ойконим *х. Двуреченка Ров.*, а название *р. Топлинка* лежит в основе ойконима *с. Топлинка Белг.* (эта река в прежние времена в половодье часто выходила из берегов).

Обращает на себя внимание и название *р. Лопань*, которое соотносится с ойконимами *с. Веселая Лопань Белг.*, *п. Веселолопанский Белг.* Исходная лексема *лопань* означает «колодезь на топи, на болоте» [Даль 2: 266].

Некоторые ойконимы в нашем материале отражают древние славянские топомодели и представляют собой производные названия от гидронимов иноязычного происхождения.

Так, ойконим *с. Донец Прох.* связан с гидронимом *Северский Донец*, который является самым крупным правым притоком *Дона*. У *Дона*, или *Дона Великого* имелись притоки, названия которых образовались от той же гидронимной основы при помощи суффикса *-ец-* с деминутивным значением. Сравним аналогичные образования в донской гидронимии: *Хопрец* – рукав *Хопра*, *Торец* – приток *Тора*, *Изюмец* – приток *Изюма*.

В своем верховье *Северский Донец* разветвляется на несколько небольших речек и ручьев, одинаково названных *Донцами*, но с разными

уточняющими определениями: *Саженьский Донец* (т.е. узкий, шириной в сажень), *Липовый Донец* (по берегам произрастала липа), *Валуиченин Донец* (тянулся в сторону города *Валуйки*). С гидронимами *Саженьский Донец* связаны ойконимы *с. Сажное* и *п. Сажное* в Яковлевском районе, *Липовый Донец* – *х. Липовка Прох.*

Перечислим другие производные наименования селений нашего края, которые связаны с названиями рек неясной семантики: *с. Валуи Кргов.*, *с. Валуичик Кргов.*, *г. Валуики* – *р. Валуи*; *с. Ворскла Як.* – *р. Ворскла*; *п. Ворсклица Ракит.* – *р. Ворсклица*; *с. Илек-Кошары Ракит.*, *с. Илек-Пеньковка Ракит.* – *р. Илек*; *с. Калитва Ал.* – *р. Черная Калитва*, *г. Короча*, *с. Корочка Губк.* – *р. Короча*; *с. Нежеголь Шеб.* – *р. Нежеголь*; *с. Осколице Волок.*, *с. Оскольское Нов-Оск.*, *с. Приосколье Ст-Оск.*, *г. Новый Оскол*, *г. Старый Оскол* – *р. Оскол*, *с. Осколец Губк.* – *р. Осколец*; *с. Санково Борис.* – *р. Санок*; *с. Потудань Ст-Оск.* – *р. Боровая Потудань*; *с. Сеймица Прох.* – *р. Донецкая Сеймица*; *с. Ураево Вал.* – *р. Ураевка*; *р. п. Уразово Вал.*, *п. Уразовский Вал.* – *р. Уразова*; *х. Холки Нов-Оск.* – *р. Холок.*

При образовании указанных ойконимов часто используются старые суффиксальные топоформанты *-иц-*, *-ец-*, *-иц-*, которые были широко представлены в восточнославянской топонимии. Это свидетельствует о древнем освоении неславянских гидронимов славянским населением нашего края.

Как было отмечено, мы не предполагаем анализа иноязычных по происхождению гидронимов, но имеем в виду, что к истории этих названий обращаются некоторые авторы [см. указанные работы И.Г. Добродомова, В.А. Прохорова, М.В. Федоровой].

Ойконимы, образованные от географической апеллятивной лексики

Особый интерес для изучения топонимии любого региона представляет географическая апеллятивная лексика, которая является одним из основных резервуаров для топонимиста, занимая промежуточное положение между ономастической в широком смысле этого слова и номинативной (нарицательной) сферами языка.

Процесс формирования топонимической лексики на базе апеллятивных наименований географического характера является общеславянским, получившим широкую продуктивность еще в древнерусском языке.

Из числа апеллятивной лексики особо выделяем местные географические термины (МГТ), которые стали основой для образования многих белгородских ойконимов. «Географическая связь между топонимами и местными географическими терминами очевидна. Именно последние лежат в основе многих топонимов и определяют их семантическую сущность» [Мурзаев 1974: 28].

Ойконимы, связанные с МГТ, являются чаще всего результатом онимизации апеллятивов общенародного языка (*п. Полянка*, *х. Степь*, *х. Кусты*) или представляют собой факты местной диалектной лексики (*х. Лугань*, *х. Мочаки*, *с. Плата*, *п. Раздол*).

Подобные ойконимы часто являются названиями-ориентирами и помогают воссоздать прежние естественные ландшафты местности. Например, **ойконимы, образованные от слов, отражающих топографические особенности местности или поселения:** с. *Заломное Ал.* от лексемы залом «поворот реки, дороги» [Даль 1: 596]; с. *Крюк Нов-Оск.* от лексемы крюк «заворот дороги» [Даль 2: 207]; с. *Огибное Черн.* от огиб «лука, окраина» х. *Развильный Нов-Оск.*; с. *Сагайдачное Прох.* от слова сагайдачный «окольный»; с. *Пристенъ Шеб.* от южнодиалектной лексемы пристен «крутой, обрывистый берег реки» [Даль 3: 448]; х. *Шлях Короч.*, х. *Шляховое Черн.* от лексемы шлях «тракт, дорога, путь» [Даль 4: 640].

Также в нашей области разнообразны **ойконимы, связанные с гидрографическими терминами, обозначающими различного рода водоемы и их части:** с. *Бродок Белг.*, х. *Меловой Брод Губк.*; х. *Гирлы Ров.* от лексемы гирло «одно из речных устьев» [Даль 1: 351]; с. *Ерик Як.* от лексемы ерик «старица, часть покинутого русла реки, куда по весне заливаются вода» [Даль 1: 521]; х. *Желобок Шеб.* от желобовина «речное русло, впадина в виде русла» [Даль 1: 530]; с. *Лучка Вал.*, с. *Лучки Ивн.* от лука «заворот реки, дуга» [Даль 2: 272]; х. *Плесо Вейд.* от лексемы плесо «одно колено реки, меж двух изгибов» [Даль 3: 124]; х. *Погромец Нов.-Оск.* (название водотока по специфике издаваемого звука); с. *Прудки Кргв.*; х. *Родники Вейд.*; с. *Студенок Ивн.*, п. *Студенской Ивн.* от лексемы студенец «ключ из земли, родник» [Даль 4: 37]; с. *Хомутцы Ивн.* от топонимического термина хомутина «изгиб реки».

К числу ойконимов, образованных от гидрографических терминов, относим составные названия с лексемами колодезь/колодец: сс. *Белый Колодезь* (3) в разных районах, с. *Белый Колодец Короч.*, х. *Жилин Колодезь Губк.*, с. *Неведомый Колодезь Як.*, с. *Теплый Колодезь Губк.*, с. *Студеный Колодец Ал.*, х. *Холодный Колодец Губк.* На Руси в XVI-XVII вв. колодезями называли небольшие речки, ручьи и родники. В системе Дона на территории Липецкой и Воронежской областей имеется свыше пятнадцати притоков с названием *Колодезь*, причем часто у этих гидронимов впереди имеется какое-либо определение [Прохоров 1977: 42]. В нашем материале такие определения разнообразны: *белый* могло означать «свободный», вероятно, исток в какие-то времена находился на никем не занятой земле; *теплый*, *студеный*, *холодный* – по качеству воды; *Жилин* – патронимическое определение; *неведомый*, то есть неизвестный.

Слово *колодезь* считают древним заимствованием из германских языков, *колодец* – славянский вариант этого слова.

Украинский эквивалент лексемы *колодезь* – слово *криница*, от которого в Белгородской области образованы ойконимы х. *Криничный Нов-Оск.* и хх. *Криничное* (2) *Волок.*, *Ракит.*, что объясняется присутствием украинского населения в нашем крае.

Специфика рельефа Белгородчины также нашла отражение в **ойконимах, связанных с названием рельефа местности.**

Неровный характер местности обуславливает наличие в местных говорах ряда слов для обозначения разного рода естественных возвышенностей: *бугор, горка, кучугур/кочегур «песчаные холмы, бугры»* [Даль 2: 181]. Данные лексемы лежат в основе образования ойконимов: *п. Осенний Бугор Нов-Оск., с., х. Горки (2) Ал., Ивн., х. Пригорки Прох., х. Горянка Борис., х. Золотая Горка Вал., с. Кочегуры Черн., хх. Кучугуры (2) Вал., Ров.* Сюда же относятся названия с базовым элементом *вал*, который используется для обозначений искусственных возвышений: *с. Завалищено Черн., п. Завалье Кргв., с. Завальское Кргв.* Эти ойконимы хранят исторические страницы жизни нашего края середины XVII в., так как связаны с остатками старинного военного оборонительного укрепления – вала, именуемого Белгородской чертой.

Наибольшими топонимообразовательными возможностями обладает группа МГТ, которые обозначают формы отрицательного рельефа местности: *байрак, балка, верх/вершина, ендова/ендовина, рог/изрог/отрог, кругляк, липяг, лог, падина, плота, ров, яр/ярок/яруга, яма.* Данные апеллятивы используются при назывании оврагов и различного рода впадин; в своем большинстве это древние по происхождению слова, как с общеславянскими корнями, так и с заимствованными из других языков.

Так, от тюркского по происхождению термина *байрак «сухой овраг, балка»* [Даль 1: 137] образован ойконим *х. Байрак Борис.*

Термин *балка «длинный и широкий природный овраг»* [Даль 1: 43] лег в основу образования нескольких ойконимов: *х. Балки Шеб., х. Короткая Балка Короч., с. Кривые Балки Прох.*

Названия *хх. Вершина (2) Борис., Прох. и х. Попов Верх Губк.* соотносятся с апеллятивом *верх/вершина*, который в южнорусских говорах выступает в значении «*балка, овраг*».

Термин *ендова/ендовина «овраг круглой формы»* является базовым для ойконимов *х. Ендовино Нов-Оск., х. Ендовицкий Кргв.*

Апеллятивы *рог/изрог/отрог* в местных говорах выступают как дифференцирующие названия при указании на различные особенности оврагов: *рог «долгий овраг, отрог балки, поросший кустарником»* [Даль 4: 99], *изрог «боковой овраг, ответвилка от оврага», отрог «боковой овраг, ответвление от оврага».* С этими терминами в Белгородской области связаны ойконимы: *с. Роговатое Ст-Оск., х. Роговой Як., с. Новый Изрог Вал., х. Отрог Белг.* Название *х. Кругляк Волок.* соотносится с апеллятивом *кругляк «овраг круглой формы»*, что также соответствует стремлению местных жителей при назывании оврагов выдвигать на первый план какие-либо дифференцирующие признаки.

Для ойконимов *х. Липяги Ст-Оск., с. Большие Липяги Вейд.* базовым является апеллятив *липяг*, значение которого толкуется по-разному: «*лесок на возвышенности*» или «*овраг с лесом*». Во втором значении термин *липяг* отмечен в современных воронежских говорах как локализм и считается древним по происхождению.

При назывании форм отрицательного рельефа в нашем крае широко используется апеллятив *лог* «балка, широкий овраг» [Даль 2: 262], характерный как для литературного языка, так и для русских говоров. Этот термин участвует в образовании целого ряда белгородских ойконимов: *с. Крутой Лог Шеб., х. Липовый Лог Нов-Оск., х. Мокрый Лог Вал., х. Рубежный Лог Черн., х. Сенной Лог Черн., п. Сухой Лог Ракит.*

Для обозначения различного рода впадин в Белгородской области используется и апеллятив *падина* «глубокий и круглый лог, овраг, балка» [Даль 3:71], получивший распространение в южнорусских говорах. Данный термин является базовым для ойконимов *х. Падина Губк. и х. Тихая Падина Прох.*

К названиям, связанным с обозначением отрицательного рельефа, относятся также следующие наименования населенных пунктов: *х. Ярки Як., с. Ярское Нов-Оск., х. Яружный Як., хх. Большая Яруга (2) Нов-Оск., п. Долгая Яруга Черн., х. Проезжая Яруга Нов-Оск.* В этих ойконимах в качестве базового элемента выступает апеллятив *яр/яруга*, известный в курско-орловских говорах в значении «*овраг*». Ф.П. Филин считает, что этот термин можно отнести к ранним заимствованиям из тюркских языков. Подчеркнем, что на украинско-белорусской территории вместо общелитературного слова *овраг* употребляются апеллятивы *яр, яруга, ров, балка*, что характерно и для нашего материала. Причем противопоставление лексем *овраг – яр, яруга*, как отмечает Ф. П. Филин, существовало уже в XI -XII вв. [Филин 1972: 535].

Обратим внимание и на **названия, отражающие специфику почвенного покрова и грунта.**

Так, ойконимы *с. Глинное Нов-Оск., с. Старая Глинка Як., с. Новая Глинка Як.* образованы от лексем *глина*, что объясняется некоторым распространением в Белгородской области глинистых почв. В этот же ряд включаем название *х. Сухменка Губк.*, образованное от апеллятива *сухмень* «*сухая глина, плохая почва*» [Даль 4: 367].

Белгородчина весьма богата меловыми отложениями, в связи с чем лексема *мел* является базовой для ойконимов *с. Меловое Губк. и с. Меловое Ракит.* (отметим параллельность звуков [о] и [а] в предупредительной позиции как факты южнорусского аканья).

Названия *х. Песчанка Вал., с. Песчаное Ивн., с. Большое Песчаное, с. Малое Песчаное Короч., х. Песковатка Ал., с. Песочное Ст-Оск.* образованы от лексем *песок*, что указывает на наличие в крае песчаных почв.

С названием низменных заболоченных мест связаны ойконимы, образованные от следующих МГТ: *х. Гнилица Нов-Оск.* от апеллятива *гнилец* «*низкое заболоченное место*»; *х. Мочаки Прох., х. Мочаки-Первые Прох., х. Мочаки-Вторые Прох.* от термина *мочак* «*потное место на земле, твердое болотце*» [Даль 2: 353]; *х. Ржавец Ракит.* от термина *ржавец* «*ржавое болото*»; в этом же значении выступает апеллятив *рудка*, являющийся базовым для названия *х. Лозовая Рудка Борис.; х. Солонцы Ров., с. Солонец-Поляна Нов-Оск.* – от термина *солонец* «*солоненое озерце или пропитан-*

ная солью земля» [Даль 4: 268]; с. *Солоти Вал.* от апеллятива *солоть* «вязкое жидкое, стоячее, кислое и ржавое болото...» [Даль 4: 267].

Таким образом, в ойконимии Белгородской области названия, образованные от географических терминов, насчитывают примерно 285 наименований, что составляет почти 17 % от всех ойконимов, и всегда отражают местные природно-географические условия.

Ойконимы-фитонимы

В белгородской ойконимии широко представлены образующие лексемы из флоры, обозначающие типичные для средней полосы названия деревьев и кустарников. В наименованиях населенных пунктов Белгородчины встречается более десяти названий разновидностей деревье; среди них наиболее продуктивны исходные лексемы *дуб, береза, ольха, ясень, липа*.

По данным Э.М. Мурзаева [Мурзаев 1974: 149], наша область входит в число 12 южных областей Русской равнины (наряду с Калужской, Орловской, Курской, Воронежской и др.), в которых из топонимов, связанных с названиями 11 древесных пород, абсолютно господствуют образования с корнем *дуб-*. Эти сведения соответствуют прежнему и современному распространению дуба в Белгородском крае.

В нашем материале зафиксировано 19 ойконимов с базовой лексемой *дуб*: *х. Дубровка Губк., х. Дуброва Як., х. Дубровка Вал., х. Дубровки Вал., п. Дубовое Белг., х. Дубовый Прох., п. Дубинское Ракит., п. Дубки Кргв., х. Дубины Як.; х. Верходуб Вейд., хх. Редкодуб (4) в разных районах, с. Стародубовое Нов-Оск.; с. Вислая Дубрава Губк., х. Зеленая Дубрава Короч., х. Красная Дубрава Ивн., х. Старый Редкодуб Ал.*

Исходная лексема *береза* также является одной из продуктивных при образовании белгородских ойконимов-фитонимов. Восточнославянское слово *береза* «принадлежит к одному из древнейших слов, являясь чуть ли не единственным названием дерева, имеющим общеиндоевропейское происхождение» [Филин 1972: 548]. Эта лексема отражена в 9 наименованиях населенных пунктов Белгородчины: *х. Березник Прох., хх. Березки (2) Ал., Нов-Оск.; с. Верхнеберезово Шеб., с. Новая Березовка Ракит., с. Русская Березовка Ракит., х. Нижнее Березово-Первое Шеб., х. Нижнее Березово-Второе Шеб., х. Березняги-Первые Ал., х. Березняги-Вторые Ал.*

Лексема *ольха* играет роль базы как в ойконимии края – *с., х. Ольховатка (5) в разных районах, х. Ольховатский Прох., с. Ольховка Як., с. Нижний Ольшанец Шеб., с. Верхний Ольшанец Як. с. Ольшанка-Первая Губк., с. Ольшанка-Вторая Губк.,* так и в гидронимии – *р. Ольшанка и р. Сухой Ольшанец.*

В ойконимии Белгородской области нередки названия по типу близлежащего к селению зеленого массива.

Ряд названий образован от общелитературного апеллятива *лес*: *с. Лески Прох., с. Перелесок Кргв., х. Перелески Прох., х. Пролесок Вал, х. Дальний Лес Шеб.,* а также *х. Зеленый Гай Короч.,* в составе которого украинская лексема *гай* «лес».

Отметим, что некоторые ойконимы рассматриваемой тематической группы образованы от диалектных апеллятивных лексем: *х. Караешный Ал., с. Караичное Шеб.* – от диалектизмов *караишник* и *караич* «вязовый криво-рослый лес»; *х. Колок Черн.* от апеллятива *колок* «отдельная рожица, лесок» [Даль 2: 140]; *п. Зеленый Остров Ракит., п. Красный Остров Черн.* от диалектной лексемы *остров* «небольшая лесная рожа в степи, по берегам рек» [Прохоров 1977: 12]; *х. Стенки Ров.* – от географического термина *стенка* «лес на склоне».

От названий фруктовых деревьев *яблоня, груша*, широко произрастающих в нашем регионе, образованы ойконимы: *с. Яблонино Короч., с. Яблочково Шеб., с. Грушевка Волок., п. Грушевский Волок., х. Грушки-Первые Прох., х. Грушки-Вторые Прох., п. Грушиное Нов-Оск.*

Отметим, что некоторые ойконимы фитонимического происхождения связаны с украинской речью населения нашего края: *с. Гарбузово Ал., х. Барвинок Вал., х. Пригородние Тополы Вал., с. Чернова Дибровка Шеб.*

Ойконимы-зоонимы

О разнообразии животного мира Белгородчины в прошлом и настоящем свидетельствуют наименования некоторых населенных пунктов, связанные с названиями животных, птиц, рыб.

В нашем материале в качестве образующих основ ойконимов зоонимического происхождения используются названия диких животных, таких как *медведь, волк, заяц, барсук, бобр*. Эти исходные лексемы участвуют в образовании следующих наименований селений: *х. Медвежье Черн.* (двести-триста лет назад в лесах нашего края водились бурые медведи); *п., х. Зайчик (2) Ракит., с. Заячье Короч.* – в одном из документов 1667 года говорится, что это село находилось на «заячьей стешке» [Прохоров 1977: 94]; *с. Барсучье Ров., с. Борсук Нов-Оск., х. Борсучий Ров.* (в этих наименованиях отметим параллельность гласных звуков [а] и [о] в предударной позиции). С лексемами *бобр, волк* связаны как ойконимы, так и гидронимы Белгородской области: *с. Боброво Прох, с. Бобровы Дворы, с. Бобрава Ракит,* при наличии *р. Бобрава* (бобры водились в реках повсеместно); *хх. Волчий (2) Вейд., Ров., Волчья Александровка Волок., х. Волчий-Первый Волок., х. Волчий-Второй Волок.* при наличии *р. Волчья* (названия даны по водившимся в этих местах волкам).

Названия птиц, живущих в нашем крае, отразились в ойконимах: *х. Журавлиное Як., с. Журавка-Первая Прох., с. Журавка-Вторая Прох.; х. Орлиное Волок.* (теперь лишь иногда над ковыльными степями можно увидеть степных орлов); *с. Уточка Кргв.* (на заболоченных старицах, среди тростниково-осоковых зарослей в крае обитают различные виды диких уток); *с. Чайка Белг.* (в области обычны речные чайки, которые большими колониями селятся на озерах, степных прудах); *с. Чапельное Волок.* (ойконим образован от лексемы *цапля* с отражением на письме диалектного неразличения аффрикат [ц] и [ч]); *с. Чибисовка Кргв., с. Ястребово Белг.* (в лесах встречаются пернатые хищники из семейства ястребовых).

В одном случае в образовании ойконима роль базы играет название рыбы: *с. Окуни Черн.*

В целом наблюдения над ойконимией естественно-географического характера показали, что в ней отражаются объективные реалии нашего региона, связанные с названиями естественных географических объектов и явлений природы, игравшей решающую роль в жизни человека в первоначальный период становления ойконимии изучаемого края. Все это подтверждает положение о давности возникновения ойконимов, восходящих к апеллятивной лексике.

3.2.2. Названия населенных пунктов культурно-исторического характера

От ойконимов, восходящих в семантике к естественно-географическим названиям, принципиально отличаются ойконимы культурно-исторического характера, которые связаны с личными именованиями жителей и владельцев селений, с религиозно-культурной лексикой, с материальной и общественной жизнью человека.

Ойконимы, образованные от антропонимов

Антропонимы и топонимы, являясь основными разрядами собственных имен, тесно взаимосвязаны. Антропонимы и в прошлом, и в настоящее время служили и служат базой для образования географических имен. Во многих названиях населенных пунктов образующей базой являются личные календарные (церковные, канонические) или прозвищные имена, а также фамилии первопоселенцев, основателей или владельцев селений.

В истории русской антропонимии прозвища тесно переплетаются с некалендарными или мирскими (т.е. славянскими дохристианскими) именами, ставшими позже основами русских фамилий, от которых, в свою очередь, образовалась значительная часть белгородских названий населенных пунктов: *с. Бессоновка Шеб., х. Бородин Черн., х. Жданов Як., х. Малютин Шеб., п., х. Некрасовка (2) Черн., Нов-Оск., с. Бессоновка Шеб., х. Простакон Вейд., х. Сиротин Шеб., х. Смирнов Ракит. и др.*

В целом в ойконимической системе Белгородской области зафиксировано примерно 400 названий населенных пунктов, образованных от неканонических именных или прозвищных баз, что составляет почти 25 % от всех наименований.

Образования от основ календарных имен более поздние, сравнительно с образованиями, восходящими к прозвищным именованиям. О широком распространении географических названий с христианскими именами в основе можно говорить лишь с XVI-XVII вв. Такие ойконимы образовывались от канонических имен и производных от них фамильных прозваний, а позднее и фамилий владельцев или первопоселенцев селений. Эти топонимы-названия «некогда служили основным средством выражения принадлежности, образуя притяжательные прилагательные. Эта историческая функция

сделала их господствующими в ойконимии, когда распространение феодальной собственности на землю стало главным признаком наименования мест – кому оно принадлежит» [Никонов 1974: 69].

Таким образом, в ойконимии Белгородской области зафиксировано 239 названий с канонической базой: *с. Авдеевка Прох., сс. Александровка (6) в разных районах, хх. Александровский (2) Губк., Шеб., сс. Васильевка (5) в разных районах, х. Васильев Прох., с. Герасимовка Вал., х. Емельяновка Короч., х. Емельяново Волок., сс. Ивановка (12) в разных районах, х. Мироновка Прох., х. Миронов Вал., сс. Павловка (3) в разных районах, п. Павловский Ивн., с. Филиппово Вал., х. Филькино Кргв., с. Юрьевка Губк., х. Юрков Кргв., х. Яковка Вал., с. Яковлевка Нов-Оск., р.п. Яковлево Як. и др.*

Часть антропотопонимов Белгородской области представляет собой названия, в основе которых лежат деминутивные образования или просторечные формы: *с. Агошевка и х. Гавшин (от Агафон), с. Афоньевка (от Афанасий), х. Египкин* (фонетический вариант от старого календарного имени *Агапий*), *с. Авиловка и х. Авилы* (от имени *Вавила* с усечением начального согласного звука), *х. Гордюшкин* (от *Гордей*), *х. Химичев* (от просторечной формы имени *Ефим*), *х. Терехов и х. Терешков* (от просторечных форм имени *Терентий*) и др. Подобные ойконимы с деминутивными и просторечными антропонимами в основе (в нашем материале их 22) могли возникнуть уже в XVI-XVII вв., так как сложившийся в XIV в. такой способ именования людей просуществовал до XVIII в., когда в деловых бумагах стали требовать написания полного канонического имени.

Основой для образования некоторых местных топонимов стали женские канонические имена: *с. Акулиновка Борис., сс. Анновка (2) Короч., Ракит., с. Варваровка (2) Ал., Белг., х. Екатериновка Волок., с. Елизаветинка Черн., с. Зинаудино Ракит., с. Ларисовка Черн., с. Ниновка Нов-Оск., сс. Марьевка (2) Ал., Кргв., х. Марьно Шеб., с. Татьянаовка Короч. и др.*

Укажем, что базой для ойконима *с. Нелидовка* послужило имя *Нелида*, которое является закрепившемся в речевой практике изменением женского имени *Леонида*.

В заключение рассмотрения названий населенных пунктов этой тематической группы считаем необходимым отметить, что работа с картотекой белгородских фамилий выявила интересные факты взаимодействия различных ономастических групп лексики. Проведенное исследование показало, что не только различные антропонимы могут использоваться в качестве производящих баз в ойконимии, но и что названия населенных пунктов иногда становятся базами для образования фамильных антропонимов Белгородской области. Назовем некоторые местные ономастические пары, указывающие на связь антропонима с топонимом: *фамилии Валуйский, Валуйских – ср. с. Валуй, г. Валуйки; фамилия Коренской – ср. х. Коренек, р. Корень; фамилия Погромский – ср. с. Погромец; фамилия Рубежанский – ср. х. Рубежный.*

Религиоойконимы

На исследуемой территории нами отмечены ойконимы, для которых образующими основами являются названия церковных приходов, имена святых, названия религиозных праздников и другая культово-религиозная лексика. Всего в ойконимической системе Белгородской области зафиксировано 46 религиоойконимов: *сс. Архангельское (3) в разных районах (по Архангельской церкви); х. Богородицкое Губк., с. Богородское Нов-Оск. (по церкви во имя Пресвятой Богородицы); х. Введенский Ракит. (название по празднику «День Введения во храм Пресвятой Богородицы»); с., х. Вознесеновка (3) в разных районах (по Вознесенской церкви); с. Воскресеновка Черн. (по празднику в память Воскресения Иисуса Христа – Пасха); с. Всевястка Ров. (по церкви, освященной во имя Всех Святых); с. Козьмодемьяновка Шеб. (по названию церкви, освященной во имя Святых Козьмы и Демьяна); сс. Никольское (3) в разных районах (по церкви во имя Николая Чудотворца); сс. Петропавловка (2) Белг., Черн. (по церкви во имя Святых первоверховных апостолов Петра и Павла); сс. Покровка (3) в разных районах, хх. Покровский (2) Ивн., Прох. (по празднику «Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы»); сс. Рождественка (3) в разных районах, с. Рождествено Вал. (по празднику «Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа»); с. Ближняя Игуменка Белг. и с. Дальняя Игуменка Короч. (названия образованы от слова игумен «настоятель монастыря», так как эти селения были во владении Белгородского Никольского монастыря).*

Ойконимы, связанные с историей заселения края и служебной деятельностью населения

Почти на любой территории можно встретить географические названия самых различных исторических эпох.

Характерной чертой второй половины XVI в. – первой половины XVII вв. является заселение и дальнейшее освоение приграничных территорий Российского государства. Одновременно с появлением городов-крепостей происходит и заселение пограничного Белгородского края различными категориями населения, значительную часть которого составляли мелкие служилые люди-стрельцы, казаки, пушкари, драгуны, солдаты, станичные ездоки. Они были одновременно и воинами и земледельцами, сыгравшими значительную роль не только в заселении, но и в обороне южных границ Московского государства от набегов крымских татар.

Служилый люд селился нередко пригородными слободами и селами по роду службы. Следы таких поселений сохранились в топонимии Белгородской области: *сс. Стрелецкое (4) в разных районах, сс. Казацкое (2) Белг., Як. и с. Казачье Прох., сс. Пушкарное (3) в разных районах, с. Драгунка Ивн. и сс. Драгунское (2) Белг., Як.* К подобным названиям также относятся: *с. Сторожевое Прох., х. Маяки Вейд. и с. Малые Маяки Прох. (маяки – возвышенные пункты, с которых сигнализировали о приближении неприятеля), п. Завалье Кргв. и с. Завальское Кргв. (селения за валом Белгород-*

ской черты, основанные служилыми людьми), с. *Порубежное Борис.* и х. *Рубежный Белг.* – термин *рубeж* относится к группе терминов, обозначающих границы каких-либо участков земли. Границы при разделении земель могли проходить по естественным урочищам, чаще всего по балкам и логам, с чем связано название х. *Рубежный Лог Черн.*

Десятки современных сел в Центрально-Черноземных областях России своим происхождением обязаны солдатской колонизации. Некоторые из них и по сей день называются *Солдатскими*. В Белгородской области отмечены следующие ойконимы, образованные от лексемы *солдат*: сс. *Солдатское (2) Ракит., Ст-Оск., с. Солдатка Кргв.*, более позднее наименование – с. *Новосолдатка Ал.*

Память об одной группе южнорусского населения XVII века – о станичных ездоках осталась в названиях с. *Ездочное Кргв.* и х. *Ездоцкий Кргв.*; *ездоки* делали объезды степи для выявления передвижения кочевников [Прохоров 1977: 90].

Некоторые названия селений данной тематической группы помогают воссоздать направления старых торговых и почтовых путей: с. *Великий Перевоз Ст-Оск.*, х. *Гонки Як.*, с., х. *Становое (5) в разных районах*. Исходные лексемы *перевозъ, гонъ, станъ* связаны с древним видом транспорта и являются терминами русской лексики почтовой связи XV-XVII вв.

В целом в тематической группе ойконимов, связанных с историей заселения края и служебной деятельностью населения, нами отмечено 37 наименований, которые, как «... красноречивые свидетели прошлого, представляют собой живое эхо отдаленных времен» [Никонов 1965: 13].

Ойконимы, отражающие особенности хозяйственной деятельности населения края или черты быта

Данная группа названий неоднородна как по семантике производящих элементов, так и по времени появления в ойконимической системе Белгородской области, что позволяет представить материал в следующей последовательности.

1. Географические названия, которые говорят о характере хозяйства в старину и отражают названия древних промыслов и занятий населения нашего края: х. *Бондари Белг.*; с. *Дегтярное Вейд.*; х. *Кашары Губк.* (от лексемы *кошара* «стойбище для овец в степях» [Даль 2: 181]; п. *Пасечный Ст-Оск.* и х. *Пасики Борис.*; х. *Нижние Мельницы Вал.* (других ойконимов с лексемой *мельница* в топонимике края не осталось); хх. *Попасное (2) Вал., Кргв.* и хх. *Попасный (2) Вейд., Нов-Оск.* – от лексемы *попас* «место выпаса скота».

2. Ойконимы, образованные от названия делового объединения людей или повторяющие названия сельскохозяйственных предприятий: с. *Артельное Шеб.*; х. *Коммуна Короч.*; п. *Совхозный Борис.*; п. *Опытный Вейд.*; п. *Заповедный Губк.*; п. *Плодовыйгодный Короч.*; п. *Свекловичный Ракит.* Эти наименования являются поздними, так как появились в двадцатых-пятидесятых годах прошлого столетия.

Относим к этой группе названия *р.п. Строитель Як., п. Рудный Нов-Оск.*, появление которых в ойконимической системе края обусловлено развитием промышленности во второй половине XX в.

Немногочисленность таких поздних наименований населенных пунктов (их всего 11) свидетельствует о том, что ойконимическая система исследуемой территории в своей основе сформировалась в XVI-XVIII вв.

Ойконимы, топоосновы которых отражают типы селений и виды построек

В основе образования ойконимов данной тематической группы лежат культурные термины, обозначающие тип поселения или названия хозяйственных построек.

Эта группа терминов интересна как с точки зрения своей топонимизационной способности, так и с познавательной точки зрения, так как она отражает историческую (*городище, городок*) и социальную (*хутор, поселок, слобода*) характеристику поселений.

Данная группа лексики, обозначающей тип поселения, всегда была широко распространена в русской топонимике, так как в XVI-XIX вв. жилые местности назывались: *город, пригород, посад, слобода, село, деревня, починок*.

В современной ойконимической системе Белгородской области родовые названия населенных пунктов представлены терминами: *город, рабочий поселок, поселок, село, хутор*. Наряду с этим в качестве образующих баз выступают термины: *городище, городок, деревня, выселки, хутор, слобода, починок, садки, куток, избышки, двор, дача*; специальных толкований требуют некоторые термины, представляющие собой архаичные образующие базы: *будара, бутырка, истобка, шиш*.

Рассмотрим топонимический ряд, который объединен общей основой *город-*: *х. Гороженое Короч., с., х. Городище (3) в разных районах, с. Большое Городище Шеб., с. Малое Городище Нов-Оск., с. Красное Городище Волок., х. Городок Борис., г. Белгород*.

Все собранные здесь ойконимы объединены основой со значением «*городить*», т. е. строить, огораживать, отгораживать, но все они чрезвычайно пестры как по времени создания, так и по причине возникновения, по мотивировке.

В ряде указанных названий селений сохранился термин *городище*, который относится к наиболее старым терминам этой лексической группы. Он служит превосходным ориентиром для археологов, безошибочно указывая на остатки древних поселений; например, в нашем крае удалось обнаружить остатки скифских полуземлянок и крепостей VII-IV вв. до н. э. [Осыков 1990: 203].

Таким же ориентиром для историков является термин *городок*, обозначающий постоянное и укрепленное место пребывания казаков.

Термин *деревня* в современной ойконимии нашей территории практически не используется; только в нескольких названиях хуторов и сел он вы-

ступает как компонентный член в сочетании с прилагательным *новый* – ойконим *Новая Деревня* (5) в разных районах.

Термин *выселки* с видовым значением также не используется, а выступает как собственно ойконим – *п. Выселки Кргв.* и как компонентный член в трех составных наименованиях – *х. Алексеевский Выселок Короч., п. Красный Выселок Черн., х. Череновские Выселки Ивн.*

Лексической базой для обозначения разновидностей населенных пунктов послужили и другие топонимизированные апеллятивы.

Лексема *хутор*, обозначавшая в прошлом селение, выделившееся из села или слободы и не имевшее своей церкви, отразилась нескольких в ойконимах: *с. Хуторцы Кргв., х. Хуторище Волок., с. Красный Хутор Белг., с. Старый Хутор Вал., с. Новохуторное Кргв.*

Корень лексемы *слобода* отмечаем только в одном названии – *с. Новая Слободка Короч.* На территории областей Центрального Черноземья *слободами* назывались сельские населенные пункты с церковью, преимущественно с украинским населением [Прохоров 1977: 47].

Селом в нашем крае назывались чаще всего русские селения с церковью; следы этого термина находим в ойконимах: *с. Староселье Ракит., с. Старосельцево Волок., с., х. Новоселовка (10) в разных районах, с. Новоселовка-Первая Ивн. и с. Новоселовка-Вторая Ивн.*

В одном названии сохранился топонимизированный термин *починок*, который обозначал маленькие деревушки, недавно заселенные – *п. Красный Починок Ракит.*

Лексема *двор*, общеславянская по своему происхождению, в нашем материале используется, вероятно, в своем древнейшем значении «дом» при назывании селений, состоящих из нескольких хозяйских дворов: *с. Бобровы Дворы Губк., х. Зоринские Дворы Ивн., х. Крапивенские Дворы Як., х. Редины Дворы Як.* В одном из документов XVII в. поручалось «... закрепить податное население края за «дворами» (хозяйствами) ...».

Наряду с лексемой *дом* с общеславянской эпохи употребляются слова *кут, куток, закуток* в значении «угол, окраина», *изба*, что также нашло отражение в ойконимии исследуемой территории: *с. Красный Куток Борис., с. Закутское Вейд., х. Избушки Вейд.*

Для обозначения крестьянского жилища в белгородских говорах обычно используются наименования *изба, дом, хата*. Однако слово *изба* на нашей территории является нечастотным. В древнерусском языке слово *изба* употреблялось в своих вариантах: *истъба, истьба, истобъка, истопка*. В нашем исследовании отмечаем ойконим *с. Истобное Губк.* как исконное для русичей именование.

В основе названий *с. Зимовенька Шеб.* и *с. Зимовное Шеб.* лежит термин *зимник/зимовник* «изба для зимнего жилья, для приюта, пристанища в степях и лесах» [Даль 1: 682].

Базовый термин *дача* «земельный участок, землевладение; лесное угодье, делянка» выступает в ойконимах: *п. Батрацкая Дача Шеб., х. Корен-*

ская *Дача Шеб.* Думается, что в указанных ойконимах нашло отражение первое из приведенных значение термина *дача*.

В нескольких ойконимах данной тематической группы зафиксированы архаичные образующие базы. Так, в названии *с. Бутырки Вал.* отразился старый термин *бутырка* «изба, жилище, селитьба, отдельная от общего поселения, дом на отшибе» [Даль 1: 146]. Ойконим *х. Верхние Бударки Кргов.* связан с архаичной лексемой *буда* «постройка» [Филин 1972: 623]. Считаем возможным в основе наименования *с. Шишино Белг.* видеть очень старый термин *шиши* «род самого простого овина, особенно для сушки конопли» [Даль 4: 636].

Ряд ойконимов отражает особенность материала, из которого строились жилища: *с. Нижние Лубянки Волок., с. Средние Лубянки Волок., с. Лубяное-Первое Черн., с. Лубяное-Второе Черн.* В этих названиях в качестве производящей базы выступает слово *лубянка*, то есть сделанный из луба «подкорье, исподняя кора; особенно липовое, идущее на кровли» [Даль 2: 270].

Некоторые ойконимы связаны с обозначением вида построек и их частей: *х. Печки Ров., с. Стоило Ст-Оск., с. Хлевище Ал., с. Сетище Ал., сс. Сетное (2) Короч., Прох., х. Ситное Ракит., с. Ситнянка Вал.* (фиксируем параллельность звуков [э] – [и] в предударном слоге); последние названия связаны с понятием *ситовой стан* «место, где через сито просеивали муку» [Даль 4: 188].

Изложенный материал показывает, что среди базовых элементов перечисленных ойконимов преобладают русские/восточно-славянские лексемы (в некоторых случаях – общеславянские).

Социальные и этнические наименования

В топонимических системах разных регионов отмечаются названия населенных пунктов, которые давались по социальной, сословно-имущественной или этнической принадлежности жителей.

В нашем материале выделяется ряд ойконимов, отражающих сословно-имущественное положение владельцев селений: *х. Боярское Черн.* – селение могло находиться на землях, принадлежавших Боярской думе или «городовым детям боярским» [Кулабухов 1990: 9]; *сс. Граховка (2) Ракит., Шеб.* – базовая лексема *граф* (в названии отражена диалектная фонетическая черта – мена нерусского согласного звука [ф] на [х]); *с. Майорщина Нов-Оск.* – образовано от слова *майор* при помощи суффикса принадлежности *-щин-*.

Некоторые белгородские ойконимы обусловлены этническими наименованиями, связанными с переселением в наш край украинского населения: *с. Черкасское Як., х. Новочеркасский Як.* – от термина *черкасы* «украинцы» (по русской терминологии XVII в.); *сс. Хохлово (2) Белг., Вал.* – название можно связать с южнорусским наименованием украинцев «*хохлы*».

Ойконимы *с. Русская Березовка Ракит., с. Русская Халань Короч.* отражают преобладание русского населения в этих селах.

В связи с передвижением неславянских этнических групп от северо-западного Причерноморья в Белгородском крае появились ойконимы – *с. Арнаутово Крзв. при арнаут «албанец», курское «басурман»* [Даль 1: 23]; *х. Бессараб Шеб.; с. Венгеровка Ракит.; с. Араповка Белг.* Отметим, что данные названия могут быть образованиями от антропонимов. Базы таких ойконимов не связаны с русской/славянской речью, в топонимической системе области они единичны.

Особое место занимает название *х. Цыганки Белг.*, так как ойконим может быть связан не с этнонимом, а с прозвищем человека *цыган «обманщик, плут, барышник, перекупщик»* [Даль 4: 575].

В целом группа социальных и этнических наименований немногочисленна (16 названий), но по своему происхождению эти ойконимы демонстрируют старые способы номинации.

Названия с абстрактно-идеологическим значением

Ойконимы, относящиеся к этой группе, разнообразны как по времени появления, так и по семантике базовых элементов, что позволяет распределить их следующим образом.

Оценочно-метафорические названия

Эта группа наименований отличается значительной стилистической окрашенностью, большой экспрессивностью составляющих названия слов, хотя в ряде случаев можно говорить о редукции эмоционально-оценочных оттенков при образовании подобных ойконимов.

Так, апеллятивной абстрактной лексикой мотивируются послереволюционные новые ойконимы, возникающие метафорическим путем, использованием переноса названий с абстрактных понятий идеологического плана на населенные пункты. Здесь устанавливается условная связь между понятиями и географическими объектами, это часто названия со значением «пожелания», выражением идейно-эстетического отношения к обозначаемому: *х. Дары Ров., пп. Дружба (2) Вал., Ров., х. Братство Ал., х. Зарницы Прох., х. Надежда Вейд., х. Привет Вал., х. Рассвет Волок., х. Труд Короч.* Эти ойконимы образованы от специально подобранных имен нарицательных, имеющих положительную коннотацию.

Подчеркнем, что при метафорическом возникновении ойконимов связь их с объектами часто условная, признаки объектов не выявляются, и названия получают идейно-эстетический и оценочный характер. Правда, в процессе функционирования ойконима эти коннотации, как правило, утрачиваются, и ойконим выступает в своем основном значении – номинативном, выделяющем единичный объект из числа однородных.

Относим к этой группе также названия-субстантивы, образованные от качественных прилагательных с положительным значением: *х. Благодатный Волок., с. Богатое Ивн., х. Богатый Нов-Оск., х. Верный Волок., с. Веселое Крзв., хх. Веселый (8) в разных районах, х. Вольный Нов-Оск., сс. Доброе (2) Борис., Шеб.; х. Дружный Як., п. Красивый Волок., х. Надежный*

Нов-Оск., сс. Отрадное (3) в разных районах, х. Приветный Вейд., х. Примерный Белг., п. Светлый Черн., х. Хороший Прох.

Некоторые подобные названия были даны помещиками по появившейся еще в конце XVIII века моде присваивать новым крепостным селениям красивые и вычурные имена: *х. Алмазное Белг., с. Лазурное Волок., с. Прелестное Прох., х. Пышный Ров., х. Роскошный Губк.*

Мемориальные наименования

К этой группе относим ойконимы-посвящения в честь выдающихся лиц. В топонимии XX в. данный принцип номинации был наиболее активным. В качестве производящих основ выступают фамилии и имена революционных деятелей и выдающихся лиц советской эпохи: *п. Горьковский Борис., х. Дзержинка Шеб., п. Калининский Шеб., п. Кировский Ивн., п. Крупской Черн., п. Ленинский Шеб., п. Малоленинский Кргв., п. Новоленинский Ракит., п. Чапаевский Борис.*

Название *г. Губкин* дано в честь геолога – ученого *Н. М. Губкина*, одного из организаторов освоения богатств Курской магнитной аномалии.

Часть из мемориальных ойконимов образована с компонентом *имени*: *х. Имени Калинина Ал., х. Имени Ленина Короч.*

Перечисленные названия населенных пунктов являются отражением общественно-исторической и политической жизни страны XX века.

Названия – символы советской эпохи

К данной группе относим ойконимы, отражающие идеологические мотивы социалистической эпохи: *хх. Первое Мая (3) в разных районах, 8 наименований Первомайский в разных районах, х. Первомайское Ракит., п. Майский Белг. и с. Майское Вал., х. Заря Новой Жизни Нов.Оск., п. Заря Социализма Черн., х. Новая Заря Шеб., п. Клич Борьбы Черн., п. Комсомольский (2) Белг., Прох., р.п. Пролетарский Ракит., р.п. Октябрьский Белг., х. Новая Заря Шеб., х. Новый Мир Черн., хх. Новый Путь (4) в разных районах, хх. Нива (2) Прох., Ракит., п. Искра Короч., х. Коминтерн Белг.*

Большое место занимают названия с определением *красный* в значении «революционный», «социалистический»: *п. Красная Звезда Черн., х. Красная Нива Волок., х. Красное Знамя Прох., х. Красный Восток Як., х. Красный Май Короч., несколько наименований Красный Октябрь (4) в разных районах, п.,х. Красный Пахарь (2) Волок., Короч.*

Характерная особенность семантики данных наименований заключается в яркой социальной направленности, так как наиболее значительный слой названий представляют слова идеологического характера: *с. Советское Короч., п. Пламя Новой Жизни Черн., х. Новая Жизнь Ракит.*

В целом названия с абстрактно-идеологическим значением (112 ойконимов) представляют особый тип топонимических наименований, в которых, по замечанию В.Д. Беленькой, «... наглядно видна социальная сущность языка, ибо топонимия в большей степени, чем любая другая лексическая подсистема, отражает особенность общественной жизни данного человеческого коллектива».

Перенесенные названия

Названия, связанные с миграцией в наш край населения из других областей, представляют собой перенесенные наименования с прежнего места жительства, иногда со словообразовательными или фонетическими изменениями: *х. Елец Нов-Оск.*, *с. Елецкое Нов-Оск.* (основаны переселенцами из *г. Елец Липецкой области*); *х. Конотоповка Вал.* (предполагаем связь с названием *г. Конотоп* на Украине); *с. Кострома Прох.*; *с. Курское Ст-Оск.*; *с. Можайское Нов-Оск.* (оснавано выходцами из *Можайского уезда Московской области*); *п. Викторополь Вейд.* (*г. Викторополь* на Украине); *с. Ливенка Крзв.* (*г. Ливны Орловской области*); *с. Псковское* (*г. Псков*), *х. Рыльский Ивн.* (основан выходцами из *г. Рыльска Курской области*); *с. Славгородское Ал.* (связываем с названием *г. Славгород Днепропетровской области*); *п. Сумовский Ракит.* и *х. Сумской Белг.* (видим отражение основы названия украинского *г. Сумы*); *с. Тулянка Вал.* (*г. Тула*); *с. Харьковское Ров.*; *х. Ямпольский Борис.* (на Украине насчитывается четыре города с названием *Ямполь*).

Название *с. Муром Шеб.*, вероятно, можно соотнести с названием древнего *города Муroma на р. Оке*, основанного ещё в IX в.

Фиксация подобных названий-мигрантов, повторяющих названия более ранних заселенных мест, свидетельствует о территориальной привязке географических названий, что, в свою очередь, дает некоторую информацию о событиях и жизни людей в прошлые исторические эпохи.

Таким образом, наблюдения над ойконимией культурно-исторического характера показали, что в таких названиях нашли отражение исторические и социально-экономические факты развития нашего края.

В целом ойконимия Белгородской области представляет собой сложное явление, имеющее свою славянскую/русскую основу, со следами иноязычных вкраплений, обусловленных особенностями заселения данной территории.

3.3. Языковой портрет города в его названиях

3.3.1. Региональная микротопонимия

Каждый регион страны отличается от других не только специфическими природными условиями, географическим положением, но и особенностями историко-культурного развития. Исследованием этих особенностей занимается новая научная область – регионоведение.

Региональные особенности наиболее ярко проявляются в языке, в местной речи, в выборе средств и приёмов номинации. Проблемы изучения региональных языковых особенностей и регионального типа языковой личности в последнее время выдвигается на передний план лингвистики, что вполне закономерно и предопределено ярко выраженной антропоцентричностью современных языковых исследований. Описание и анализ регио-

нальных языковых особенностей позволяет выявить черты регионального языкового менталитета, под которым понимается совокупность концептуально значимых черт языкового коллектива, проживающего на конкретной территории [Голикова 1998: 78]. Обращение к местным языковым особенностям важно для воспитания новых поколений граждан страны, так как «изучение национальных особенностей языка, проявляющихся в формировании устной речи, в выборе средств и приемов номинации, в топонимике, гидронимике, ономастике и пр., выполняя важную познавательно-воспитательную миссию, способствует углублению представлений о механизме действия языка в его различных функциях, укрепляет чувства патриотизма, любви к своему к своему краю, к своей малой родине» [Лингвистическое отечествоведение 2001: 3].

Микротопоним – собственное имя (чаще) природного физико-географического микрообъекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта. Общими чертами микротопонимии и собственно топонимии являются также: а) непосредственная обусловленность внеязыковыми факторами; б) неединственность для называния соответствующего объекта, наличие других его наименований (официальных); вхождение в двучленный или многочленный ряд наименований данного объекта; в) варьирование в устной речи; г) системная организация; д) наличие в структуре значения не только номинативного компонента, но и эмоционально-экспрессивной окрашенности. Наличие этих интегральных признаков вытекает из того факта, что микротопонимия является частью собственно топонимии. Некоторые общие черты имеют в микротопонимии специфическое проявление. Так, микротопонимам свойственна большая вариативность по сравнению с собственно топонимией, больший удельный вес региональных элементов, более тесная спаянность элементов системы.

В то же время микротопонимия имеет ряд собственных, специфических черт. При обсуждении вопроса о соотношении микротопонимии и собственно топонимии в качестве дифференциаторов берутся несколько признаков. Это и близость к нарицательным именам, меньшая устойчивость, большая изменчивость микротопонимов; и специфика в источниках, строении, судьбе, характере объектов; и размеры, сущность объектов. Иногда специфические свойства микротопонимии представляются в виде такого комплекса:

- а) семантическая мотивированность большинства микротопонимов;
- б) недолговечность;
- в) функционирование в морфологических и фонетических вариантах, дублетах;
- г) частотность структурной оформленности в виде словосочетаний и предложно-падежных конструкций;
- д) тесная связь с господствующим диалектом;

е) преимущественная одноязычность в силу известности лишь ограниченному кругу людей.

Перечисленные здесь признаки в большей степени являются дифференциальными, более конкретными. Целесообразно и учитывать именно комплекс дифференциаторов.

Различение микротопонимии и собственно топонимии только, например, по величине и протяженности объекта, при всей важности этого признака, представляется нерациональным, поскольку отношения между объектами и названиями в целом не являются непосредственными, тем более что это различие относительно, во многом субъективно.

Для микротопонимии характерны ограниченная сфера употребления, неофициальность, узкий диапазон функционирования, небольшая степень известности, поскольку она обслуживает небольшой говорящий коллектив на вполне определенной, конкретной территории, в неофициальных условиях, в устной форме речи при отсутствии письменной закреплённости, то есть микротопонимии присуще все то, что входит в определение «названия, функционирующие лишь в пределах одной микросистемы и неизвестные в другой».

К микротопонимам не относится также признак, который обычно считается характерным для ономастической лексики в отличие от нарицательной – то, что ономастическая лексика имеет не только интралингвистический, но и интерлингвистический характер, то есть существует не только в данном языке, но и в других языках.

Подчеркнем тот факт, что в науке нет еще четких критериев определения микротопонимов как особого топонимического класса.

Изучение языка города является «социально ориентированным» и учитывает весь комплекс социолингвистических параметров. Лексикой города называется существующий в употреблении жителей одного города круг номинативных единиц, связанных со спецификой городского устройства и быта» [Катанадзе, Красильникова 1982: 282].

Смена моделей социального поведения и меняющаяся социальная структура общества, слом ментальных стереотипов и новые ментальные ориентиры – всё это находит отражение в речи города, выражаясь в тех или иных языковых формах. Источниками нашего наблюдения, результаты которого нашли отражение в этой работе, стали городские вывески (подробно мы остановились на анализе эргонимов) и наименования городских объектов – улиц, площадей – годонимы.

3.3.2. Эргонимы Белгородской области

Среди слов и сочетаний, размещённых на вывесках, особо выделяется группа эргонимов – собственных наименований государственных и научных учреждений, организаций разного уровня – от международных до городских, а также всевозможных производственных объединений, в том числе возникающих в последнее время заводов, фирм, магазинов, кафе. Как отмечают М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, эти номинации адекватно

и наглядно фиксируют переменяющуюся картину социальной жизни города. [Китайгородская, Розанова 1996: 202].

Мы ставили перед собой задачу зафиксировать быстро меняющуюся «речевую одежду» белгородских улиц и улиц городов нашей области, появление интересных и не всем понятных, мотивированных и немотивированных наименований – «*Сити Молл*», «*Карусель*», «*Новопол*», «*Спутник Дом*», «*Спутник Стил*», «*Спутник Интерьер*», «*Архидом*», «*Управдом*», «*Дом обоев*», «*Дон Рулон*», «*Ярославна*», «*Баллотон*», «*Термомир*», «*Аква-сервис*», «*Слон*», «*Наши дом*», «*Аэробус*», «*Техносила*», «*Компьютерия*», «*Книгомир*», «*Букватория*».

Процесс смены этой «речевой одежды» в данной номинативной сфере идёт в русле общей тенденции к переименованию, довольно типичной для периодов коренных социальных перемен. При этом следует отметить, что при имеющихся локальных различиях сам характер происходящих изменений и избираемые продуктивные способы и модели номинации обнаруживают сходные «межрегиональные черты», то есть свойственные не только городам нашей области, но и другим городам.

Именованье разных типов городских объектов отражает такие социальные процессы, как появление новых форм собственности, новых видов товаров, услуг, новых форм торговли и индустрии развлечений, именно с этим связано появление наименований торгово-развлекательных центров «*Карусель*», «*Рио*», кинотеатра «*Синема*» и т.д. В названиях некоторых магазинов актуализируется новый тип специализации – товары для дома, товары для работы: «*Мебель для дома*», «*Текстиль для дома*», «*Товары для душа и для души*», «*Офисная мебель*».

Слова-вывески с коммуникативных позиций говорят об изменении в характере ролевого взаимодействия между адресантом (имядателем) и адресатом (горожанином). Так, в современных названиях городских объектов в качестве мотивирующих часто используются имена собственные – магазин мебели «*Игнат*», продуктовый магазин «*Юлия*», «*Татьяна*», «*Андрей*», «*Леонид*», «*Наталия*». В 70-е годы 20 века такая модель функционировала в названиях магазинов специализированной одежды для мужчин и женщин – магазины «*Руслан*», «*Светлана*», «*Людмила*». Это были символические номинации покупателя-адресата. Теперь, как отмечает М.В. Китайгородская, наименование по имени обозначает не адресата, а чаще всего собственника. (Китайгородская 2003: 129). Подобный ролевой статус лица, скрытого за именем или отчеством, характерен и для названий пиццерий – «*Потаныч*», кафе и ресторанов – «*Андрей*», «*У Галины*». В других типах наименований можно выделить проявление тенденции к актуализации адресата: кафе «*Душевное*», кафе «*Флотское*», ресторан «*Для друзей*».

Можно отметить, что в ряде названий фиксируется новая стратификация общества – по имущественному положению – магазин «*Аристократ*», магазин «*Президент*», «*Магазин народный*», «*Сто одежек*», «*Одежда эконом*», магазин «*Семейный*». Вывески нашего города отражают социальные

изменения, связанные с декларируемым повышением ролевого статуса адресата: магазин стройматериалов «*Ваш дом*», магазин «*Продукты для Вас*».

Актуализация в городских наименованиях фактора адресата не случайна. Это одно из проявлений определённой тенденции к рассматриваемой номинативной сфере, связанной со сменой цели, которую преследует вывеска: вывеска из знака-извещения превращается в знак рекламы. Данная задача определяет продуктивность появившихся номинативных моделей и круг используемых приёмов рекламной номинации. Для реализации рекламной функции могут использоваться названия с различными словообразовательными средствами – так называемыми компонентами «престижности» (даже гиперболизированные), символизирующими высокое качество предлагаемой продукции: «*Алекс-Премьер*», «*Гранд-Стиль*», «*Евро-Мебель*», «*Европрофспецодежда*», «*Евромода*», «*Евромастер*», «*Интерьер-Сервис*», «*Интелл-Сервис*», «*Интерснаб*», «*Интерсфера*», «*Комфорт-Мебель*», «*Капитал-Плюс*», «*Карат-Сервис*», «*Мебель-Престиж*», «*Н-Телеком-Сервис*», «*Офис-Дизайн*», «*Оргтехника-Плюс*», «*Прима-Сервис*», «*Премьер-Мебель*», «*Ретро-Стиль*», «*Регион-Сервис*», «*Техноглобус*», «*Элло-Плюс*», «*ЭВМ-Сервис*», «*Элитмак*», «*Приветливый*», «*Добрый*». Использование в названии компонента «сервис» может свидетельствовать о предполагаемом высоком качестве обслуживания населения, «сервисе на высшем уровне». Использование средства «евро», возможно, указывает на европейское качество товара. Использование компонентов «премьер», «прима», «техно», «элит», «комфорт», «престиж» – также о первоклассном, элитном, передовом качестве товара. Что касается элитных марок стильной одежды, то в названиях использованы такие компоненты, как «ретро», «гранд». Словообразовательные заимствованные средства «-интер» и «-плюс» говорят о широком ассортименте, качестве товара, а также о коммерческом росте, развитии компании.

Для реализации рекламной функции используются наименования, включающие заимствованные элементы. Среди иноязычных названий, значение которых непонятно большей части потребителей, выделяется две условные группы: 1) варваризмы – это заимствованные слова в графике языка-оригинала; 2) экзотизмы – иноязычные слова, передающиеся средствами русской графики. Слова-варваризмы – «*AL'PAPI*» (магазин бильярдных столов и аксессуаров), «*DALI*» (магазин обуви), «*STEILMANN*» (магазин одежды), «*TRIUMPH*» (магазин одежды), «*SELLA*» (магазин молодёжной одежды), «*WEBBY*» (компьютерные услуги), «*DIXSIS*» (магазин по продаже сотовых телефонов и оплате сотовой связи). Кроме этого, в названиях используются иноязычные вкрапления – «*Kinder мода*», «*Кундер Garten*» (магазины детской одежды). Такие названия, как нам представляется, созданы ради эффекта яркости, броскости, напыщенности. Очевидно, использование заимствованных элементов рассчитано и на привлечение внимания потребителей.

Экзотизмов, используемых на вывесках в Белгороде, достаточно много, например: «*Антарес*» (продукты, канцтовары), «*Атава*» (продукты),

«Акрон» (ликероводочная продукция), «Арм» (продукты питания), «Адамант» (продукты), «Аттик» (агентство недвижимости), «Домус» (салон мебели), «Интерфлора Галлери» (цветочный салон), «Матрокс» (продукты и бытовая химия), «Медиа-Дизайн» (торговая мебель), «Мебитрес» (мягкая мебель), «Мограк» (слабоалкогольная продукция), «Сэт» (компьютеры), «Трим-Сервис» (офисная мебель, сейфы), «Техноарт» (компьютерные программы), «Хадор.ру» (запчасти), «Циркон» (цветочный дизайн), «Эльма» (спецодежда, ткани), «Элтис» (интернет-услуги), «Этуаль» (парфюмерия, косметика), «Эс-Энерджи» (интернет-услуги), «Элси» (компьютеры), «Юнект» (кондитерские изделия), «Юмисте» (книготорговая фирма), «Юником» (мебель для организаций).

По выполняемой функции и составу эргонимы можно разделить на две группы. Первую составляют имена, полностью состоящие из апеллятивов: почти все входящие в их состав слова употребляются в прямом номинативном значении, и при этом наблюдается полное соответствие между свойством обозначаемого предмета и значением используемых для наименования слов – *Областная дума, Белгородско-Старооскольская епархия*. Особенность этой группы в том, что все слова, входящие в состав наименования – нарицательные, а само наименование – имя собственное.

Во вторую группу входят имена, образованные от слов естественного языка и не связанные со свойствами денотата, то есть носящие произвольный характер и традиционно называемые условно-символическими: *гипермаркет «Линия»*. Данные единицы языка называются «своеобразными собственными именами», представляющими собой некую «переходную группу» наименований, которые имеют признаки имен собственных (соотношение с единичным предметом, определенность денотата имени).

Наименования первой и второй групп (реальные и условно-символические) – это имена собственные, так как они выполняют функцию единичного имени – идентификационно-дифференцирующую.

Кроме основной функции, эргонимы выполняют и особые функции, так как «между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых функций: часть функций приходится на ядро, часть – на периферию» [Супрун 1993: 60]. Ввиду того, что у эргонимов внутренняя форма оказывается нужной и даже «запрограммированной», они выполняют следующие функции: номинативную, информативную и рекламную. Помимо указанных, современные исследователи выделяют также мемориальную и агитационную функции эргонимов. По мнению Н.Г. Михайловской, эргонимы должны выполнять две обязательные функции: «сообщение (известный минимум информации о данном предмете) и воздействие (привлечение покупателя в магазин, зрителя в кинотеатр и т.д.)» [Михайловская 1986: 354].

В лингвистической литературе представлены следующие группы эргонимов:

1) **реальные эргонимы**, в состав которых входят слова, используемые в прямом значении. У данных имен наблюдается полное соответствие между

свойствами обозначаемого объекта и теми значениями, которые имеют слова, входящие в онимы. С точки зрения структуры, реальные эргонимы представляют собой словосочетания, главным компонентом которых является определяемое существительное в контексте согласованных определений, выраженных чаще всего относительными прилагательными, стоящими в препозиции, и несогласованных определений, выраженных существительными в определенных предложно-падежных формах, занимающими постпозицию. Мотивация выбора реального эргонима всегда прямая, то есть потребитель всегда может сказать, чем мотивировано то или иное наименование торгового объекта;

2) *условные эргонимы* – это эргонимы, не называющие существенных признаков денотата, а лишь указывающие на некоторые из них, в основном связанные с характером деятельности учреждений, организаций и т.д. Мотивация выбора условного эргонима косвенна, частична или приближена к прямой;

3) *символические эргонимы* – это онимы, образованные от слов естественного языка (апеллятивов) и никак не связанные со свойствами денотата, то есть носящие произвольный характер, или имена, обозначающие свойства объекта через соотнесенность с содержанием другого слова (ономастические метафоры). Мотивация выбора символического эргонима является отдаленной, не связанной с объектом продажи;

4) *реально-условные эргонимы* – это эргонимы, объединяющие свойства реальных и условных эргонимов. Они содержат указание на реальные свойства именуемого объекта и одновременно имеют условный компонент;

5) *реально-символические эргонимы* объединяют качества реальных и символических эргонимов и указывают на реальные свойства именуемого объекта и имеют символический компонент.

Последние две группы имеют пограничный характер.

В соответствии с этой классификацией мы проанализировали эргонимы г. Белгорода.

К реальным эргонимам, используемым для прямой номинации, мы отнесли следующие: «Брестские ковры», «Все для авто», «Аккумулятор», «Европрофодежда», «Компьютерный мир», «Мебель Черноземья», «Мир продуктов», «Мир хозяйственных товаров», «Мясная лавка», «Оказпачасть», «Русские гвозди», «Федоровский хлеб» «Школьные пособия», «Карандаш», «Белорусский трикотаж», «Мир подарков», магазин «Свет» (все слова-наименования магазинов), кроме того, к данной группе относятся наименования – Областная дума, Департамент образования, культуры и молодёжной политики, Белгородско-Старооскольская епархия и им подобные. С точки зрения структуры, эргонимы этой группы представляют собой либо существительное в единственном числе именительного падежа, либо словосочетание, главным компонентом которого является определяемое существительное с согласованным определением, выраженным именем прилагательным, стоящим в препозиции, либо же это словосочетание с несогласо-

ванным определением и именем существительным в определенной предложно-падежной форме, занимающем постпозицию.

Во вторую группу объединяются эргонимы, в основном связанные с деятельностью учреждения, организации и т. д., которые не называют существенных признаков определяемого слова – денотата, – а лишь указывают на некоторые из них. Такого рода эргонимы названы условными. Сюда мы отнесли: «*Автодоктор*» (магазин автохимии, запчастей), «*Агрегат*» (столярные изделия, корпусная мебель), «*Амбар-Белгород*» (зерно, мука, сахар, масло), «*Байт*» (компьютерный клуб), «*Безопасность*» (сигнализации, домофоны, теленаблюдение), «*Белая птица*» (мясо птицы, колбасы), «*Высшая лига*» (магазин спортивных товаров), «*Ёлки-палки*» (продажа полов, дверей, вагонки), «*Евромода*» (одежда), «*Колос*» (кондитерские изделия, хлеб), «*Климат*» (продажа кондиционеров, вентиляции), «*Мир детства*» (одежда, питание, игрушки для детей), «*Огонек*» (продажа газовых плит, котлов), «*Сад, дом, огород*» (инвентарь, удобрения, семена), «*Самоцветы*» (ювелирные изделия), «*Формула красоты*» (косметика, бытовая химия).

Что касается структуры условных эргонимов, то обязательным компонентом в них является «закавыченный компонент» – имя существительное в единственном или множественном числе именительном падеже или словосочетание имени существительного с согласованным или несогласованным определением, также среди наименований этой группы есть сложные и составные, которые и указывают на условность эргонима.

К третьей группе относятся онимы, образованные из слов естественного языка и никак не связанные с товаром, продаваемым в том или ином магазине, то есть эти слова не связаны со свойствами денотата. Они носят произвольный характер и обозначают свойства объекта через соотнесенность с содержанием другого слова. Эти ономастические метафоры, или символические эргонимы. Это самая многочисленная по семантике группа из проанализированных слов: «*Ас*» (магазин косметики, бытовой химии), «*Метро*» (магазин косметики и парфюмерии), «*Азарт*» (легковые автомобили: автосервис), «*Азалия*» (универсальный магазин), «*Белые горы*» (вода, безалкогольная и слабоалкогольная продукция), «*Хрусталь Белогорья*» (минеральная вода), «*Белый остров*» (магазин канцтоваров), «*Гейзер*» (магазин бытовой химии, косметики), «*Добрыня*» (ликероводочная продукция), «*Заря*» (универсам), «*Золотая рыбка*» (магазин компьютеров), «*Коммерсант*» (продукты питания), «*Купеческий дом*» (продукты питания), «*Меридиан*» (продукты питания), «*Монастырский лес*» (спиртные напитки), «*Маяк*» (универмаг), «*Пульс*» (продажа зеркал, стекла), «*Русский товар*» (водосчетчики, вентили, отводы), «*Окно в Европу*» (магазин сантехники и электротоваров), «*Рябинушка*» (косметика, бытовая химия), «*Союз*» (бытовая техника), «*Таганка*» (моторные масла, шины, аккумуляторы), «*Триумф*» (продукты питания), «*Тройка и К*» (мебельный салон), «*Чародейка*» (бытовая химия, косметика), «*Эверест*» (теле- и радиоаппаратура) и другие номинации.

С точки зрения структуры, на символичность названия, как и у условных эргонимов, указывают кавычки. В отличие от реальных или условных, символические эргонимы не позволяют однозначно определить объект продажи; названия таких магазинов, как правило, не идеальны, они по-разному воспринимаются потребителями, поэтому могут быть даже неправильно поняты.

Кроме того, среди эргонимов г. Белгорода мы выделили реально-условные эргонимы, то есть наименования, которые содержат указание на реальные свойства именуемого объекта, но в составе номинации приобретают условный смысл: «*Алюмин*» (изготовление и установка натяжных потолков, жалюзи), «*Декор*» (сантехника плитка, двери), «*Монолит-центр*» (изготовление дверей, ворот, ограждений), «*Мужская компания*» (слабоалкогольная продукция), «*Ремесло*» (компания по строительству домов улучшенной планировки), «*Универсал*» (бытовая химия, косметика), «*Русская традиция*» (спиртные напитки) и другие.

Некоторые наименования мы отнесли к реально-символическим, в которых объединены свойства реальных и символических: «*Бизнес-и-арт*» (компьютеры, телефоны), «*Великая империя*» (обмен, наем, продажа недвижимости), «*Гранд-стиль*» (магазин мужской одежды), «*Гарант*» (компания риэлторских услуг), «*Гулливёр*» (супермаркет), «*Миллениум*» (бизнес-бар), «*Медиа-Дизайн*» (торговая мебель и оборудование), «*Мегаполис*» (риэлтерские услуги), «*Ночничок*» (автозапчасти круглосуточно).

Особую группу составили эргонимы, включающие антропонимы, или личные имена людей – кафе «*Андрей*», «*Андрей*» (магазин промтоваров и продуктов), «*Алекс-Премьер*» (офисная мебель), «*Братья Шемякины и К*» (продукты, бытовая химия), «*Игнат*» (мебель, бытовая техника), «*Лариса*» (магазин вино-водочной продукции), «*Лида*» (плитка, облицовка, евроремонт), «*Саша*» (мастерская авторемонта), «*Ярославна*» (магазин отделочных материалов), магазины «*Юлия*», «*Татьяна*», «*Ольга*», пиццерия «*Потопыч*» и многие другие номинации.

Интересно отметить, что в настоящее время, когда почти у каждого магазина появилось индивидуальное имя, традиционные типовые названия (реальные эргонимы) продолжают занимать главное место в графической системе представления торгового объекта и вполне устраивают потребителя, хотя и условные, и символические названия, по результатам опроса, в плане информативности и мотивации выбора также удовлетворяют спрос покупателей.

Информативность эргонима – приоритетный компонент. Именно рациональная информация прежде всего играет главную роль при продаже товара, поэтому номинаторы, делающие выбор в пользу информативности перед рекламной броскостью, как правило, выигрывают. Не случайно в настоящее время прослеживается заметная тенденция к увеличению числа информативных эргонимов.

Динамика языкового развития по-прежнему высока, поэтому представляется актуальным дальнейший анализ нового языкового материала – эрго-

нимов в структурно-семантическом, языковом и экспериментальном аспектах. Проведенное исследование намечает определенные пути и открывает новые возможности в изучении эргонимии – нового языкового явления.

3.3.3. Годонимы Белгородской области

Региональные языковые особенности являются объектом изучения лингвокраеведения, значительное место в котором занимают региональные ономастические исследования. Особенно широко развернулась работа по изучению топонимов, которые составляют основную массу имен собственных. Пристальное внимание к именам собственным, в частности, географическим названиям, обусловлено их особой ролью в жизни человека, поскольку они как зеркало нашей истории и нашей жизни. В настоящий момент уже есть лингвистические описания топонимии разных регионов страны, и многие исследователи говорят о необходимости проведения такой работы именно в различных регионах России.

Особое место среди топонимов занимают микротопонимы – индивидуализированные названия малых географических объектов, особенностей местного ландшафта (лесов, полей, урочищ и т.п.), а также названия внутригородских объектов (улиц, переулков). Совокупность названий данного типа определяется как микротопонимика (от греч. *микро* «малый» + *топоним* – «имя места»).

В отечественной лингвистике впервые к вопросам микротопонимии обратились А.В. Суперанская, Г.П. Смолицкая (1982), М.В. Горбаневский (1982), Л.А. Климова (1985) и другие. В настоящее время изучение этого раздела топонимики приняло широкий и серьезный характер. Однако до сих пор не нашли однозначного решения многие вопросы, и прежде всего это относится к определению объема этой группы топонимической лексики. Многие лингвисты определяют границы топонимики как условные и неясные, поскольку микротопонимия является «разношерстной»: в нее входят не только названия незаселенных малых объектов, например, оврагов или болот, но и заселенных, например, кварталов городов, названий улиц, площадей, переулков, бульваров. В качестве важнейшего дифференциального признака микротопонимов рассматривается степень известности географического названия (данные названия известны только в пределах ограниченной территории). Отмечается также, что микротопонимы, создающиеся на основе местной географической терминологии, отличаются неустойчивостью и подвижностью и образуют промежуточный лексический слой, переходный между лексикой нарицательной (апеллятивами) и ономастической (топонимами), *лог* – *Сухой лог*, *ключ* – *Гремячий ключ* [Никонов 1965: 23].

Микротопонимическая лексика представляет значительный интерес в том плане, что в ней наиболее отчетливо проявляется действие человеческого фактора. Городские топонимы являются продуктом сознательной дея-

тельности человека, так как имена и площадям, и улицам, и переулкам даются людьми. Поэтому микротопонимы дают возможность проследить региональные предпочтения в выборе таких номинаций.

В лингвистике уже накоплен некоторый опыт анализа городской микротопонимии. Наиболее тщательному и всестороннему анализу подвергнута микротопонимия Москвы. Словообразовательные типы названий географических объектов Москвы описаны в статье М.И. Морозовой (1967); семантическая и словообразовательная классификация микротопонимов-словосочетаний представлена в работе И.А. Черновой (1967). Есть работы, посвященные анализу микротопонимии Санкт-Петербурга (1996). В конце прошлого столетия в печати появились отдельные наблюдения над микротопонимами того или иного региона. Так, И.Л. Проняева проанализировала некоторые группы микротопонимов г. Воронежа (1998), вышла статья Г.Ф. Ковалёва «Лицо Воронежа в его нынешних названиях» (2001).

Названия линейных объектов в городе (улиц, проспектов, переулков, площадей), образующих одну их групп микротопонимической лексики, именуют в лингвистике годонимами. На важность изучения именно этой группы топонимов указывает Г.Ф. Ковалев, который справедливо отмечает, что «именно эта категория имен собственных наиболее уязвима. Уходят без возврата старые названия улиц, частей населенных пунктов, а ведь они многое могли бы рассказать» [Ковалёв 2001: 232]. Этот пласт лексики содержит ценную и богатую информацию об истории того или иного региона, и вместе с тем, что очень важно, – о русском языке и его истории.

Годонимы представляют значительный интерес в том плане, что в них наиболее отчетливо проявляется действие человеческого фактора. Они являются продуктом сознательной деятельности человека. Поэтому годонимы позволяют проследить региональные предпочтения в выборе таких номинаций.

В данной работе мы ставим целью представить структурно-семантические особенности годонимов, определить их словообразовательную структуру, а степень продуктивности каждого типа номинаций, а также проследить происходящие изменения в наименованиях.

Следует отметить, что основные типы номинации географических объектов городов являются очень близкими. Улицы городов в своё время получали названия по следующим четырем принципам: по именам (фамилиям) выдающихся людей; по объектам, расположенным на улице или близости от нее; по внешним особенностям улицы, площади, переулка; по историческому прошлому города, страны.

Наряду с общими мемориальными названиями в каждом городе есть улицы, названные в честь лиц, внесших значительный вклад в его историю, а также в честь знатных земляков, уроженцев города или области, прославленных своими делами. Довольно распространено увековечение в названиях улиц различных дат, памятных в истории города.

Согласно данным справочника 2003 г. «Улицы и площади г. Белгорода», в нашем городе зафиксировано 261 название. Из них 182 названия

улиц, 77 переулков, 2 бульвара и 1 площадь. Сегодня бульваров в Белгороде уже 3 – Народный бульвар, Бульвар Юности, Свято-Троицкий бульвар.

Основной массив номинаций составляют топонимы, образованные от имен собственных, то есть от антропонимов (всего зафиксировано 120 таких названий). Данный факт – яркое проявление действия в языке человеческого фактора. Географическим объектам человек стремится дать прежде всего свое имя.

По языковой принадлежности микротопонимами нашего города являются слова русского языка, отражающие его фонетические, морфологические, синтаксические особенности. В географических названиях Белгорода можно выделить определенные структурные и семантические типы, обладающие разной степенью продуктивности.

По структуре топонимы могут быть разделены на 2 группы:

– простые, или однословные названия (*улица Зеленая, улица Гоголя, улица Мичурина, улица Попова*);

– сложные, двухсловные или многословные названия (*улица 5 Августа, улица Зеленая Поляна, улица Князя Трубецкого, улица 50-летия Белгородской области*).

Наиболее продуктивными являются топонимы первого типа.

Среди простых топонимов выделяют следующие структурные типы: названия в форме существительного в родительном падеже и топонимы – прилагательные. При этом первое место занимают топонимы в форме родительного падежа (64% от общего списка).

В основу структурной классификации сложных названий положен морфологический характер составляющих компонентов, и на основании этого выделено 5 структурных типов:

– сочетание прилагательных с существительными в именительном падеже (*Народный бульвар, Гражданский проспект*);

– сочетание двух существительных (*улица Князя Трубецкого*);

– сочетание порядкового числительного с существительным в родительном падеже (*улица 8 Марта, улица 5 Августа*);

– сочетание порядкового числительного и прилагательного в именительном падеже (*переулок 1-й Южный*);

– сочетание количественного числительного с двумя существительными (*улица 60 лет Октября, улица 50-летия Белгородской области*).

Семантическая классификация топонимов города Белгорода свидетельствует о том, что в основе номинации лежат различные семантические признаки. Можно выделить следующие группы:

– названия, связанные с порядком введения в эксплуатацию строительных объектов (*улица 1-я Центральная*);

– названия, образованные от личных имен (*улица Богдана Хмельницкого, улица Николая Чумичева*);

– названия социально – идеологического и культурно-исторического плана (*улица танкиста Попова, Соборная площадь*);

- названия с топографическим признаком, отразившие географические особенности местности (*улица Садовая, улица Гостенская*);
- названия, указывающие на местонахождения улиц (*улица Северная*).

Основной массив анализируемых номинаций составляют годонимы, образованные от имен собственных, т. е. от антропонимов. Антропонимические годонимы г. Белгорода свидетельствуют о том, что городская топонимия как явление социального порядка отражает изменения, происходящие в жизни общества, в истории нашего города. В этих названиях «живет» память о людях, прославившихся своими делами, внесших особенный вклад в историю города, страны. Поэтому лингвистическое изучение названий улиц требует привлечения данных историко-культурного развития города, его географических особенностей, то есть требует обращения к экстралингвистическим факторам.

По способу образования антропонимические годонимы можно разделить на 3 группы:

- а) образованные от фамилий: *ул. Чехова, ул. Щорса ул. Попова, ул. Мичурина, ул. Гагарина*;
- б) от имен и фамилий: *ул. Розы Люксембург, пр. Богдана Хмельницкого*;
- б) от фамилий с пояснительными словами: *ул. Генерала Лебеда*.

Первая группа включает самое большое количество годонимов. Вторая и третья группы немногочисленны. Причина, видимо, в том, что такие названия не отвечают нормам топонимической номинации, согласно которой названия улиц, площадей и переулков должны быть краткими и удобными для произношения.

В семантическом отношении антропонимические годонимы представлены следующими группами:

- улицы, образованные от имен и фамилий деятелей мирового революционного и рабочего движения: *ул. Энгельса, Тельмана, Ленина, Крупской*. Эти улицы составляют как бы «общесоюзный» фонд наименований, многие из них есть практически во всех городах бывшего Советского Союза, и Белгород в этом плане не исключение;

- от имен и фамилий деятелей Советского государства: *ул. Ворошилова, Кирова, Фрунзе*;

- участников революции и гражданской войны: *ул. Щорса, Чапаева, ул. Будённого*;

- героев Советского Союза и Великой Отечественной войны: *ул. Гастелло, Ватутина, Горовца, Шершинева*;

- деятелей культуры и искусства: писателей: *ул. Горького, Тургенева*; поэтов: *ул. Пушкина, Лермонтова*; артистов, художников, ученых: *ул. Менделеева, Пирогова, Ломоносова*.

В структурном отношении антропонимические годонимы чаще всего представляют однословные наименования, не однословные названия единичны – *ул. Генерала Лебеда, ул. Князя Трубецкого, ул. Н. Чумичова*.

Годонимы как разновидность региональной лексики фиксируют историю региона, страны в целом, опыт многих поколений, отражают изменения, происходящие в общественном сознании. Так, до революции улицы в нашем городе чаще назывались либо по объекту, расположенному на ней (*Соборная* – церковь), либо отражали направление улицы (*ул. Московско-ская, Харьковская, Корочанская*). Практически во всех городах существовали улицы, названные в честь русских императоров. И в Белгороде была улица *Императора Николая II*.

После революции характер номинации изменяется. Годонимы приобретают по преимуществу идеологический характер. Именно в эту эпоху многие улицы были переименованы. Так, улица *Императора Николая II* стала ул. *Гражданской, Магистратская* – ул. *Красина, Георгиевская* – *Бакунина*.

В начале двадцатых годов улицы стали называть именами вождей революции, героев гражданской войны. Указанная тенденция проявилась и в белгородской годонимии. Так, например, была переименована улица *Гражданская* в ул. *Ленина*. Однако впоследствии такие названия стали исчезать по мере ухода политических деятелей, вождей с исторической арены. Улица *Бакунина*, например, получила новое название – улица *Чернышевского*.

Эта тенденция получила дальнейшее развитие в годы перестройки, когда происходила переоценка многих фактов нашей истории. Примером может служить улица *Жданова*, получившая новое название – улица *Студенческая*. Способ номинации кардинально изменился: название, носившее идеологический характер, заменилось нейтральным названием по объекту, находящемуся на этой улице. Предугадывая развитие городских наименований, А.Т. Твардовский с иронией писал: «Во всей нашей жизни заглавие, название, вывеска важнее всего. Отсюда такая страсть к переименованиям и т.п., и придание им исключительного значения»

В начале XXI века произошли серьезные перемены в облике нашего города, коснулись эти изменения и названий улиц. Пожилые жители города отреагировали на это новшество негативно, люди среднего возраста отнеслись к происходящему более спокойно и продолжают называть улицы по-старому, а молодёжь воспринимает новые названия вполне равнодушно, поскольку не успела привыкнуть к старым наименованиям.

Прежде всего были переименованы улица и площадь, носившие имя вождя революции В.И. Ленина: улица получила название *Гражданский проспект*, площадь стала именоваться *Соборной*, но при этом в центре площади стоит памятник В.И. Ленину. Изменения коснулись улиц, носивших имена и фамилии героев гражданской войны и революции. Так, улица *Фрунзе* получила название *проспект Славы*, улица *Красина* стала носить имя *Н. Чумичова*, ул. *Кирова* превратилась в улицу *Белгородского полка*, ул. *Воровского* стала улицей *Князя Трубецкого*, ул. *Литвинова* переименована в *Белгородский проспект*. При этом имена *Будённого* и *Щорса* – тоже героев гражданской войны – сохранились на карте Белгорода, видимо, го-

родские власти учитывали заслуги этих героев, а возможно, для переименования ещё не пришло время. Самой часто меняющей свое название стала известная белгородцам улица Чернышевского: до революции она называлась Георгиевская, после революции – ул. Бакунина, в середине прошлого века именовалась ул. Чернышевского, а в начале нынешнего века получила новое название – ул. 50-летия Белгородской области.

Названия улиц, переулков, площадей, бульваров отражают историческое прошлое города и изменения, происходящие в общественном сознании. Так, до революции улицы назывались по объекту, расположенному на ней (*улица Мухинская* – постоянный двор Мухина, *Преображенская*, *Соборная* – церковь). Имели место топонимы, обозначающие направление улиц (*улица Московская*, *Смоленская*, *Харьковская*). Практически во всех городах существовали улицы, названные в честь русских императоров. У нас в Белгороде была *улица Императора Николая Второго*.

После революции характер номинации изменился. Названия улиц приобретают по преимуществу идеологический характер. Именно в эту пору многие улицы были переименованы. *Улица Императора Николая Второго* стала *улицей Гражданской* (ныне *Гражданский проспект*), *Магистратская* – *улицей Красина* (ныне *улица Николая Чумичева*), *Георгиевская* – *Бакунина*, затем *Чернышевского* (ныне *улица 50-летия Белгородской области*), *улица Соборная* – *улица Чичерина*, затем *проспект Мира* (ныне *Свято-Троицкий бульвар*).

Обращает на себя внимание тот факт, что переименованию подвергаются именно антропонимические топонимы. Хотя нам кажется, что такие названия следует сохранять как дань истории. Ведь название улицы – это своеобразная страница истории города, это особый памятник его многовековой жизни. «Микротопонимы, – как справедливо отмечает Л.А. Климова, – выполняют функцию «аккумуляции памяти» – исторической, событийной, мировоззренческой, языковой и иной – материальной, вещной и духовной» [Климова 2001: 231].

Немногочисленной является группа топонимов, образованных от существительных нарицательных в форме родительного падежа, они носят характер посвящения (ул. *Победы*, ул. *Дружбы*, ул. *Труда*, ул. *Декабристов*). Одно название в форме родительского падежа образовано от склоняемой аббревиатуры – ул. *Юннатов*.

Топонимов-прилагательных насчитывается 58. Это названия – ул. *Промышленная*, ул. *Магистральная*, ул. *Рабочая*, ул. *Речная*, ул. *Сумская*, ул. *Производственная*, ул. *Корочанская*, ул. *Везельская*, ул. *Вокзальная*. Чаще всего использованы прилагательные, образованные от основ существительных при помощи суффикса *-н* (*Народный бульвар*). Продуктивна также группа прилагательных с суффиксов *-ов* (*улица Садовая*, *1-й Портонный переулок*). Отмечено несколько прилагательных с суффиксом *-ск* (*улица Преображенская*, *Гражданский проспект*). По структуре большинство этих наименований односложные. С семантической точки зрения можно выделить названия, указывающие на местоположение (рядом с чем-то, вблизи

чего-то) – *Вокзальная, Левобережная, Речная, Везельская, Преображенская, Магистральная, Нагорная*; на направление – *Корочанская, Сумская*; на особенности ландшафта – *Садовая*; в честь исторического события – *ул. Октябрьская*. Трудно определить мотивацию таких названий, как *Производственная, Мирная, Рабочая, Коммунальная*, названия понятны, но почему они даны именно этим улицам, объяснить трудно – концентрация промышленных производств, место проживания рабочих какого-то предприятия или иная причина?

Особый тип годонимов – прилагательных – названия, возникшие на базе словосочетаний и имеющие сложную основу. Сложение при этом сопровождается суффиксацией, например, используется суффикс *-ск* (*улица Котлозаводская*), суффикс *-н* (*улица Левобережная*).

Конечно, по политическим соображениям переименовали улицу *Коммунистическую* в улицу *Преображенскую*, вернув первоначально в строй Преображенский собор.

В названиях многих улиц г. Белгорода встречаются цифры, указывающие на дату какого-то исторического события, например, *улица 50-летия Белгородской области, улица 60 лет Октября, улица 8 Марта*. Как отмечают некоторые исследователи, в частности, Г.Ф. Ковалёв, «цифры в названиях – удел военных, поэтому в Санкт-Петербурге до сих пор сохраняются не улицы, а Линии по номерам. Более того, цифры в некоторых названиях являются датой, а не именем, поэтому над названием многих улиц следует подумать градоначальникам, а не увековечивать только дату, которая с течением времени сотрётся или перестанет быть актуальной».

Наряду с официальными годонимами существуют также и неофициальные, которые, как подчёркивает Е.А. Корнейко, активно бытуют в речи жителей, но не являются внесёнными в административные документы. Дадим описание некоторым из слов данной группы.

Богданка – неофициальное название главной улицы Белгорода – проспекта Богдана Хмельницкого, протянувшегося от ул. Новой до ул. Красноармейской. Слово «Богданка» образовано от основы имени Богдан-, входящего в официальное название проспекта (им. Богдана Хмельницкого), и продуктивного топонимического суффикса *-к-*. Также неофициальное название Богданка вошло в состав такого «народного» наименования, как Малая Богданка (аллея, расположенная вдоль одной из сторон проспекта Богдана Хмельницкого). Этот микротопоним используется не только в разговорной речи белгородцев, но и в средствах массовой информации.

Некоторые объекты имеют даже варианты неофициальных наименований. Например, улицу 5-го Августа, расположенную на Харьковской горе, называют *Пятка* и *Пятак* [Корнейко, 2010].

Анализ представленного лингвистического материала свидетельствует о том, что микротопонимы всегда содержат в себе региональный культурный фон.

Таким образом, результатом анализа региональных топонимических единиц могут стать следующие положения:

- топонимия Белгородской области представляет собой особым образом организованную систему, соотнесенную с местными географическими условиями и историей края;
- региональный подход к исследуемому материалу позволяет увидеть, что топонимия – это культураносный пласт русской лексики, с ее помощью мы постигаем систему миропонимания и мироощущения народа;
- наибольший интерес представляет анализ региональных микропонимов, поскольку в них наиболее отчетливо проявляется действие человеческого фактора, поэтому микропонимы дают возможность проследить региональные предпочтения в выборе таких номинаций;
- анализ таких групп лексики, как эргонимы и годонимы г. Белгорода, говорит о том, что в них отражаются изменения, происходящие в жизни общества, в истории нашего города, поэтому изучение данной лексики требует обращения к экстралингвистическим факторам;
- представленные в данной главе материалы важны для ведения лингвокраеведческой работы в школе и вузе, для воспитания в подрастающем поколении истинного патриотизма.

Список использованной литературы

1. Белгород. Путеводитель по городу. – Белгород, 2001.
2. Бизнес-справочник : телефоны, адреса, услуги организаций и предприятий г. Белгорода. – Белгород: Изд-во «Сигма». – 2006.
3. Голикова Т.А. К вопросу о сущности регионального языка //Актуальные проблемы филологии. – Барнаул, 1998. – С. 58 – 72.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ТЕРРА, 1994.
5. Добродомов И. Г. Оскол //Русская речь – 1986. – №3. – С. 117 – 121.
6. Добродомов И. Г. Ворскла // Русская Речь. – 1987. – № 2. – С. 114 – 118.
7. Жиленкова И.И. Названия населенных пунктов Белгородской области (системный лингвоанализ): Учебное пособие – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.
8. Зеликов А.Я. По воле памяти своей... – Белгород: Белгородская областная типография, 2008.
9. Катанадзе А.А., Красильникова Е.В. Лексика города: (К постановке проблемы) / Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 280 – 292.
10. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная городская коммуникация: Тенденции развития // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995) – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры. – С. 162 – 235.
11. Китайгородская М.В. Активные социологические процессы в сфере городских наименований: московские вывески //Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация /Рос. академия наук: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 127 – 148.
12. Климкова Л.А. Микропонимия в региональном онимическом пространстве: аспект взаимодействия единиц //Теория языкознания и русистика. – Н. Новгород, 2001. – С. 229 – 237.
13. Ковалёв Г.Ф. Ономастические исследования и изучение родного края //Лингвистическое отечествоведение. Коллективная монография. Том 1. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2001. – С. 228 – 234.

14. Корнейко Е.А. К вопросу о регионализмах Белгородской области// Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2010» — М.: МАКС Пресс, 2010.
15. Лингвистическое отечествоведение. Коллективная монография. Том 1. — Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2001.
16. Михайловская Н.Г. Путь к русскому слову. — М.: Наука, 1986.
17. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. — М.: Мысль, 1974.
18. Никонов В.А. Введение в топонимику. — М.: Просвещение, 1974.
19. Осыков Б. И. Белгородский алфавит. Краткий краеведческий справочник. — Воронеж: Центр. — Черноземное изд-во, 1990.
20. Осыков Б. И.. Села белгородские. Энциклопедический справочник. — Белгород, 2001.
21. Потанахина И.Н. О мотивации неофициальных топонимов г. Ульяновска //Актуальные проблемы теории и практики языка и литературы: материалы Всероссийской научно-практической конф., посвященной 20-летию Ульяновского гос. ун-та (г. Ульяновск, 21-23 мая 2008 г.) — Ульяновск: УлГУ, 2008. — С. 361 – 367.
22. Прохоров В. А. Надпись на карте: Географические названия Центрального Черноземья. — Воронеж: Центр. — Черноземное изд-во, 1977.
23. Супрун А.Е. Методы изучения лексики. — Минск: Изд-во университета, 1993.
24. Толбина Т.В. Микротопонимия Воронежской области: особенности номинации// Автореф. дис. на соискание учёной степ. канд. филол. наук — Воронеж, 2003
25. Федорова М. В. Контактные и констратные ойконимы Белгородской области //Очерки по исторической лексикологии / Под ред. М. В. Федоровой. — Белгород: Изд-во БГПУ, 1995. — С. 62 – 70.
26. Федорова М. В. Народная интерлингвистика. Славяне на Дону. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2003.
27. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. — Л.: Наука, 1972.

Глава IV
**ПРОСТРАНСТВО РОДИНЫ
В ТЕКСТАХ БЕЛГОРОДСКИХ ПОЭТОВ**

*Ни поэзия, ни литература
не существуют сами по себе:
они вырастают на родной почве
и могут быть поняты только
в связи со всей родной страной...*

Д.С. Лихачев

**4.1. Номинации пространства Родины
в белгородской поэзии**

Пространство – доминантная категория художественного текста. Художественное пространство является образной моделью действительности, формируется автором и является результатом его выбора, обусловлено определённой авторской установкой, жанром произведения, временем изображаемого события, временем написания художественного текста, эстетическими приоритетами автора. Пространство Родины является тем пространством, к которому обращаются с разной степенью частотности все белгородские поэты. Пространственная картина мира в наибольшей степени обнажает внутренний мир автора, помогает понять его душу, эстетические ценности и эмоциональный колорит. Пространство Родины – это сложное многогранное пространство. Оно ассоциируется, прежде всего, со страной, где автор родился, и с тем местом, где он родился (малая Родина). Отношение к этим пространствам (Родина-страна и малая Родина), языковые способы их представления определяют и раскрывают языковую личность автора-творца, его гражданскую позицию.

Пространственная семантика текста связана с отображением в нём фрагментов реального мира, вписанного в общую или региональную картину мира. Региональное пространство не только воспроизводится в поэтическом тексте, а реконструируется, соотносясь с общим и региональным историко-культурным контекстом. Исследование пространства Родины на материале белгородской поэзии направлено на выявление региональных особенностей восприятия и осмысления этого пространства.

Для описания пространства Родины определены параметры:

- номинация пространства;
- ценностные ориентиры;
- позиция автора.

Объектом исследования являются поэтические тексты белгородских авторов, у которых пространство Родины является доминантным или частотным.

Языковое творчество автора начинается с названия пространств (номинации пространства). Гражданская позиция белгородских авторов проявляется прежде всего в номинации пространства – «Родины», гражданами которой являются белгородские поэты – нейтральные номинации и экспрессивные номинации: Русь, Россия, отчизна-мать-Россия, начальная и светлая Родина, милая Россия, земля моя родная, держава. Обращаясь к безграничному русскому пространству, белгородские поэты пытаются осмыслить прошлое и настоящее.

Поэты В. Молчанов, И. Чернухин, В. Белов в своих философских стихах пытаются разобраться, почему у России такая сложная судьба:

*Что было тьмой навек украдено.
Знать, всё под небом неспроста.
Русь у разбитого корыта –
И нету чистого листа.*

В. Молчанов, В. Белов и И. Чернухин занимают чёткую гражданскую позицию, создавая пространство Родины. Их поэзия публицистична, они решают широкий круг политических и гражданских проблем. Эти поэты всегда открыто выражают свою гражданскую позицию:

*Размыто понимание Родина,
Святая державная Русь.*

(В. Молчанов).

С пронзительной болью они пишут о настоящем России: современная Россия для них – это разрушение русской культуры, утрата доминантных понятий русского этноса:

*Позор найдёт мучителей России
И тех, кто ей убийственно вредил.*

(В. Белов).

Свою поэму В. Белов назвал «Святая Русь», выразив своё отношение к Родине. Эта поэма динамична по своей ритмической организации, что позволяет автору создавать разнообразный эмоциональный фон поэзии: от печали до гнева, от боли до радости:

*– Так стоя сирым Русь любить?
– Да, стоя.
Какою ей на свете быть?
– Святою.*

Используя в последней двенадцатой главе диалог, автор делает ритм чётким, что усиливает эмоциональный накал поэмы.

Активная гражданская позиция В. Молчанова чётко ассоциируется с традиционными представлениями о России – Россия-мать:

*Быть за Отечество в ответе,
Священной долга я не знаю.
Я Родину не выбирал,
Как мать не выбирают дети.*

И. Чернухин расширяет пространство Родины до единого славянского пространства в стихотворении «Славяне мы». Заглавие стихотворения дважды повторяется в тексте, что обозначает ключевую позицию текста.

Этот экспрессивный приём усиливается пространственной позицией лейтмотивной фразы текста: она вынесена в отдельную строку, заканчивающуюся графемой многоточие, которая указывает на безграничную непонятность и сложность такого этнического феномена, как славяне.

*Славяне мы...
У нас в крови веки,
Одна судьба и крепость языка,
И Бог один, и крест для всех сродни.
И даже песни у славян одни.*

Пространство Родины заполнено характерными русскими персонажами. Русский человек стоит в центре этого пространства. Уникальный по глубине и обобщённости русский характер создаёт И. Чернухин в стихотворении «А печали у русского нет»:

*А на поле пластом упадёт
И как волк зарыдаёт на воле
По судьбе перекаточной своей,
По земле, по её убиенным...
Он простит за измену друзей,
Но себе не простит он измены.*

Своё поэтическое предназначение поэты видят в обязанности сохранения русской культуры, её святынь. Пространство русского духа образуют эти поэты, и это отличает белгородскую поэзию от других регионов.

Обратимся к пространству Родины В. Белова. Для называния этого пространства В. Белов использует имена собственные: Русь, Россия и нарицательные существительные: отчизна, держава.

Отчизна – (высок.). Отечество, родина. (Для берегов отчизны дальней Ты покидала край чужой (А.С. Пушкин)) [Большой толковый словарь русского языка, 1998: 766].

Отечество – (высок.). Страна, где родился человек и гражданином которой является; родина. (Любить своё отечество. Служить Отечеству. Защита родного Отечества) [Большой толковый словарь русского языка, 1998: 745].

Держава – (высок.). Большая и могучая страна; наиболее крупные государства, которые обладают большим экономическим и военным потенциалом и играют главную роль в мировой политике и международных отношениях [Ожегов, 1990: 164].

Родина – 1. Отечество, родная страна. (Любовь к Родине. Защита Родины). 2. Место рождения, происхождения кого-чего-нибудь, возникновения чего-нибудь. (Москва – его родина. Россия – родина пролетарской революции) [Ожегов, 1990: 680].

Русь – 1. Первоначальное название государственного образования восточных славян в 9 в. на реке Днепр. В 9 – 12 вв. Русью называли территорию Киевской Руси, в 12 – 13 вв. – древне-русские земли и княжества, с 13 – 14 вв. Русь разделяет на Белую (будущая Белоруссия), Малую (будущая Украина) и Великую (будущая Россия). 2. (высок. поэт.). О России. (Русь, куда же несёшься ты? (Н.В. Гоголь)) [Большой толковый словарь русского языка, 1998: 1134].

Россия – Государство, расположенное в Европе и Азии; страна, в которой большинство населения составляют русские. Название возникло в конце 15 в. и до начала 18 в. употреблялось наряду с названиями Русь, Русская земля, Московское государство, Русское государство, Российское царство; с 1721 по 1917 г. – Российская империя; с 1917 по 1991 г. – Российская Советская Социалистическая Республика (за рубежом Россией называли всю территорию СССР); с 1991 г. по настоящее время – Россия или Российская Федерация [Большой толковый словарь русского языка, 1998: 1129].

Страна – 1. То же, что государство. (Страна Советов. Капиталистические страны). 2. Местность, территория. (Южные страны. Сибирь – страна неограниченных возможностей. Страна чудес (в сказках). Неведомые страны. Страны света – четыре главные точки горизонта: север, юг, восток, запад) [Ожегов, 1990: 770].

Общая сема, которая выявляется в этом синонимическом ряду, – страна, где человек родился и к гражданам которой он принадлежит, в номинантах «Русь» и «Россия» актуализируется та же сема – национальной принадлежности, культурологического аспекта – русский, россиянин (устар.).

Русские – восточнославянский народ, составляющий основное коренное население России [Ожегов, 2006: 925].

Русский – относящийся к русскому народу к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, её территории, внутреннему устройству, истории [Ожегов, 2006: 925].

Россияне – 1. (Устар., обычно высок.). То же, что и Русские. 2. Общее название населения России [Ожегов, 2006: 919].

Применяя метод компонентного анализа, сущность которого можно определить как разложение значения на минимальные составляющие, эти минимальные составляющие образуют семную структуру слова. Из многих направлений компонентного анализа особенно перспективным представляется метод ступенчатой идентификации на основе словарных дефиниций, разработанный Э.В. Кузнецовой. Он заключается в последовательном сведении слов-идентификаторов к словам с предельным значением на основе словарных дефиниций. Компонентный анализ важен при определении актуального смысла слова, т.е. того смысла, который коммуникативно обусловлен конкретной ситуацией. Проследим, как формируется актуальный смысл художественного слова-номинанта, как рождается образная перспектива целого в радиусе образного взаимодействия с пространственными номинантами. Попытаемся выяснить, как варьируется семная структура номинантов, т.е. в каких разных значениях используются слова, называющие пространственные реалии, получая разные актуальные смыслы.

Авторский вариант названия пространства, выбор номинанты позволит уточнить содержательную наполненность пространства, авторские интенции, замысел и идею текстов. В. Белов в качестве заглавий для своих текстов использует номинанты «Держава», «Россия», «Святая Русь». Заглавие текста – это его сильная позиция, репрезентирующая основную мысль текста и подсказывающая замысел автора.

Держава для В. Белова – это большая и могучая страна, великая страна, такой, по мнению автора, была его родина (СССР):

*Когда полнеба слева
И полнеба справа
Остервенело взмыли в круговерть.
Ещё не ведала мощнейшая Держава,
Над ней косою заблестала смерть.*

Главный хромотопный приём подачи информации у В. Белова – это ретроспекция. Его Родина была мощной страной и крупным государством, обладающим большим экономическим и военным потенциалом, но с его Родиной случилась культурная и политическая трагедия. Тема гражданственности присуща также В. Молчанову, И. Чернухину, А. Осыкову, П. Савину.

В приведённом контексте автор использует приём графической экспрессии – анжамбемация: он разрывает единую по смыслу строку на две – когда полнеба слева и полнеба справа, что позволяет подчеркнуть пространственную мощь и необозримость русских просторов.

Для В. Белова однозначным является то, что его Родина должна быть могучей державой. Автор актуализирует сему – большая и могучая страна, такой должна быть Родина, но В. Белов делает резкий переход от державной символики к восприятию мироощущения трагической судьбы России сегодняшней: «Над ней косою заблестала смерть». Слово «Смерть», как и слово «Держава» написано с прописной буквы. Этот приём графической экспрессии расширяет семантическую структуру слова смерть.

Слово «Смерть» имеет актуализированный смысл – «погибель земли русской». Автор открыто пишет о том, что современная политика «четверть века» разрушает мощную страну:

*Увидела, какая сила есть другая,
И онемела древняя земля.*

Нарицательное существительное персонифицируется в имя собственное, персонаж разрушения и гибели.

Судьба русского пространства ассоциируется с трагическими разрушениями, но при этом и с надеждой на духовное воскрешение:

*Дух жив,
Хоть все ущербней мысль и плоть.*

Великий и непобедимый дух, дух мужества и зов надежды – эта исконно русская система ценностей. Для В. Белова Родина – это печаль и боль, надежда и вера, история и настоящее. Пространство Родины у этого поэта многомерно, многообразно, имеет многоцветную эмоциональную палитру.

Белгородские поэты В. Белов, И. Чернухин, В. Молчанов создают в своих стихах русское духовное пространство: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», – их волнует судьба России, которая обрамлена не только вечными русскими вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?», но более трагичным вопросом: «Быть или не быть?». Доминирует в назывании пространства В. Белова – номинант «Святая Русь».

Пронзительная обеспокоенность за судьбу России ощущается в поэме «Святая Русь». Номинант «Русь» автор расширяет за счет эпитета «Святая», это наполняет пространство Родины новым глубоким смыслом: святая, т.е. истинная, величественная, исключительная по проявлению высоких духовных ценностей. Характерным для поэзии В. Белова является то, что наиболее важные идеологические поэтические тексты снабжены эпитафиями. Эпитафия – это интертекстуальный знак текста, связывающий авторский текст с другими по смыслу и эксплуатации образов.

Так поэма «Святая Русь» имеет два эпитафия. Первый эпитафия С. Есенина: «...не пойму, куда несёт нас рок событий», – соотнесён с важным для автора вопросом: «Быть и не быть?». Второй эпитафия: «...Сколько здесь людей протопало? // Быть каким здесь временем // И пока не ляжем во поле, // Об Отчизне думать нам», – принадлежит самому автору. Эти два текста «Святая Русь» и «Во поле» перекликаются по смыслу – это раздумье о Родине, раздумье – горькое, болезненное, сыновье.

В. Белов по-разному называет пространство Родины: Русь, Отчизна, Россия, но доминирующим номинантом является компонент «Русь» – он повторяется в тексте «Святая Русь» восемь раз. Этот повтор создаёт эффект текста-молитвы, автор молится за Русь, Русь Святую:

О Русь!

Скорее выкуй слово

К сынам: на чем стоять, на чем?!

Использование двойного графического знака – ?! открывает читателю сложное гражданское чувство автора – боль, беспомощность, растерянность перед Родиной:

Как же поднимется Русь? В. Белов ведёт диалог, постоянно обращаясь к своей России:

...И что тут нынче не понимать?

И что ещё тут надо мерить?

Россия – это наша мать.

А как же матери не верить?!

Композиционно поэма выстроена путём разбивки её на разные по объёму двенадцать глав, интересно, что в третьей главе имеется в середине поэмы три эпитафия: «Умом Россию не понять...», «Душа обязана трудиться...», «Гвозди бы делать из этих людей». Интертекстуальность здесь проявляется в текстовой переключке образов, интенций с Н. Заболоцким и Н. Тихоновым. Автор меняет ритмическую организацию текста, строя шестую главу как былинный текст, а пятую – как текст-проклятие; а седьмую как текст-пророчество:

*Позор найдёт хулителей России,
И тех, кто ей убийственно вредит,
Когда она качнулась обессилив,
И солнце позатмилось позади.*

Меняя названия пространства Родины в тексте, автор обнажает свою сложную палитру чувств – сына, патриота, гражданина.

В. Белов отчётливо пытается найти собственный ответ на вопрос: «Как спасти Россию», – и это спасение он видит в обращении к творцу:

*Но коль до сроков было Слово,
Неужто онемел Господь?
Иль как икона перекуплен,
Он тоже нынче вне Руси?
Прости мне, брат!
Желанным утром
Все меньше есть с кого спросить.*

Святая Русь для автора – это духовное пространство и культурологическое пространство. Самым страшным для автора является то, что разрушаются и уничтожаются базовые духовные и культурные доминанты, автор убеждён, что это разрушение сознательное и осмысленное:

*– Святая Русь! А где она?
– Далеко?
– А где же суцая страна?
– Глубоко.
– О горе! В пропасти на дне?
– В трясине.*

Трясина, поглощающая всё исконно русское, – это то пространство, в которое может превратиться Святая Русь.

По своей графической композиции поэма состоит из строк длинных и коротких, что постоянно меняет ритм поэмы, создавая напряжённую динамику:

*В моём
Зимой созревшем
Слове
Крупница нашей же души,
Хотя их не дано увидеть
Всем нам, привыкшим ненавидеть.*

Синтаксическая экспрессия поэмы создаётся за счёт такого экспрессивного средства, как переключение. Автор использует контактно соприкасающиеся разные синтаксические конструкции, многосоюзие сменяет бессоюзие, что также создаёт ритмическую насыщенность поэмы.

Безграничное мощное пространство, номинируемое «Святая Русь», возникает у А. Осыкова в стихотворении «Вьётся вновь вороньё над Россией»:

*Собирай же последние силы,
Русь Святая, на битву со злом.*

А. Осыков занимает чёткую гражданскую позицию, понимая, что Россию нужно спасти:

*Русь погибнет – и света не будет,
Отстоим Русь – мир Божий спасём.*

Художественный мир, созданный творческим воображением белгородских поэтов находит выражение в разных типах пространственных построений, эти пространства осмысливаются авторами по-разному.

К специфическим особенностям создания пространства Родины в белгородской поэзии можно отнести то, что оно номинируется в виде синонимичных наименований, и большинство белгородских поэтов тяготеет к осмыслению этого сложного пространства, пытается познать его суть, понять структуру этого пространства, пытается осмыслить его, ищут пути его спасения и сохранения.

Пространство Родины для них – это протяженность и вместительность патриотических чувств и стремлений, это пространство насыщается смыслами, т.е. происходит семантизация пространства, в этом пространстве выстраивается иерархия ценностей. Пространство Родины многомерно и детализировано – это модель пространства России, созданная белгородскими поэтами.

К образу Святой Руси В. Белов вновь обращается в поэме «Жуков», состоящей из двадцати одной главы. Основными номинантами этого пространства являются номинанты: Русь (8), Россия (6), Родина (2), Отчизна (1).

Номинант Русь мы встречаем ещё в 13 текстах автора:

- «Сомнения предшествуют искусству» (Любви не ждём. Не просим у кого-то и тем крепка и колебима Русь);
- «Когда поэт ворочает словами» (О Русь! – при неземном, увы, не вижу, // Кто мог бы думать: «Вечное звучит»);
- «Русское слово»
- «Тревожно в мир его входить» (Но Русь учить не поспешит // Неясность, призрачность, летучесть);
- «Плеть» (Но пошатнулись у Руси века, // А как свалить тысячулетья?!);
- «Я за сына боюсь, за невесту боюсь» (Бог боится тебя, // О, бесстрашная Русь!);
- «С берегов Донца шлю привет Хопру» (То душа моя враз окинет Русь);
- «И есть ещё одна печаль» (Есть у Руси свое число... // Да не узнают злыдни тайну);
- «Голубая ночь над Порт-Артуром» (Русь не имеет ни конца, ни начала, // Мы рубаху рванем, коль мертвых конец)
- «Я вернусь в Воронеж после жизни» (Верно. Там родился, вижу: Русь...-);
- «Путь» (Вновь обозначен на Руси редут);
- «Ключ-Трава» (Здесь Русь, впервые, может быть встречала);

- «Ветры апрельские подуют» (Не углядеть родную Русь);
- «Белогорье» (Над высотами России // Возле солнца выше всех);
- «Степной ковыль да подорожник» (И необъятнейшей России // Ищу единственную степь);
- «Песня о Воронеже» (И крепость на склоне крутом // Служила опорой России).

Изменение названия пространства позволяет внести разные смыслы в понимание пространства Родины. Русь – это доминирующее название пространства в поэзии В. Белова, для которого важными являются русичи и всё русское. Святость – это главная иерархическая ценность его пространства. Эпитет «святая» в этой поэме дважды употребляется с номинантом «Россия»:

*Вздрогнет мир и воскреснет Россия.
Ты,
Святая,
Какую не видел и Бог...*

В двенадцатой главе, имеющей кольцевую композицию образ «святой России» возникает в начале и конце главы: «Поднимайся, святая Россия!». Эта первая строка – призыв, который повторяется в конце главы:

*Поднимайся, святая Россия,
Лишь сама ты спасёшь себя.*

Родина для В. Белова – это вместилище обострённых и болевых гражданских чувств. В. Белов стремится найти причины беды русской и найти пути спасения России. Семантизируя пространство России, он переходит к очень точному пониманию русской беды:

*Третья война мировая
Тихо в Россию пришла,
Словом коварным взрывая
Души людей и дела...*

Третья мировая война для автора – это антинародная власть («Будьте прокляты Минька и Борька // Два иуды великой страны»), экономическое уничтожение страны («Все богатства снесли да скосили // Заправляют повсюду жульё»), разрушение духовных ценностей («Что же думать о слабости душ, // Ущербности разума – ныне?!»).

Спасение русского пространства – это важная иерархическая ценность в его русском пространстве, он ищет пути спасения и видит их в возрождении святости в русскости:

*Надмирное есть накопленье,
Разумной энергии, той
Что нас не щадит в катаклизмах,
Какую прозвали святой, –
Не познанной нами при жизни.
И всё ж
Православие есть –
Последняя, видно, опора
Для праведно ценящих честь
И падших вздымающих в гору.*

Все синонимичные номинанты цементируются в одно единое цельное, неразрушаемое пространство: Русь (святая), Россия (святая), Родина-мать, Отчизна – это земля русская.

При создании своего пространства В. Белов использует текстовую категорию «интертекстуальность».

Конкретизируя особенности интертекстуальности связей, И.П. Смирнов отмечает: «Специфика художественной интертекстуальности рассматривается в трех аспектах: идеологическом, семиотическом, коммуникативном» [Смирнов, 1995: 6].

В восемнадцатой главе поэмы В. Белов приводит цитату И.А. Ильина, она ему важна в идеологическом аспекте: «Россия – не человеческая пыль и хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своём призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по собственности и национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придёт исторический час, он восстанет из своего мнимого гроба и потребует назад свои права!».

Для В. Белова пространство Родины – это безграничная протяженность, вместительность великой национальной культуры, русского духа, мощной истории. Осмысливая это пространство, он называет его то Русь, то святая Русь, то Россия, то Святая Россия. Для В. Белова Русь, святая Русь – это история, духовность, святость, культура. Русь – это его идея устройства Родины. Эту Русь надо возродить и надо спасти все русское, святое, т.е. исконно русские ценности: веру православную, честь, патриотизм, душу русскую. Россия для автора – это настоящее, где Русь может погибнуть, но должна возродиться.

Поэт борется: он воин и носитель – слова, слова русского. Неслучайно возникает у него образ Святой России, определение «святая» соотносится и с современной Россией, в которой должна возродиться Русь:

*Поднимайся, Святая Россия,
Лишь сама ты спасешь себя.*

В иерархии ценностей на этом русском пространстве главными являются русская душа и русская культура.

Автор В. Белов никогда не равнодушен, он глубоко понимает все, что происходит с его Россией, его голос тверд и эмоционален, он сын и гражданин Земли Русской.

И. Чернухин и В. Молчанов выстраивают свою пространственную модель Родины, но все три автора близки по семантической наполненности этого пространства, по ценностным ориентирам, по духу, по нравственно-эстетическим иерархиям.

Обратимся к пространству Родины в текстах И. Чернухина. Для названия этого пространства автор использует номинанты: «Русь», «Россия». Номинант «Русь», как и для В. Белова является доминантным, он встречается двенадцать раз при названии этого пространства:

*И было слово – Русь, оно
Являло жизнь... презренье к смерти.*

Такое начало одного из текстов И. Чернухина проясняет семантическую наполненность авторского пространства. Авторская аллюзия с Библией: «Вначале было Слово», – объясняет тот смысл, который вкладывает автор в номинант «Русь»: Русь – начальная и светлая:

*И буду жить той верой, что на свете
Нет Родины печальней и светлей!*

Для него Русь – это православная вера, духовность, дух русский:

*Молись за Русь под сенью облаков,
Пока внизу не вымерз подорожник.*

Русь для И. Чернухина – это не только печаль, но и радость.

В тексте «Молюсь тебе» автор создает цельный образ пространства, определяя свое понимание русской беды, выражая свою гражданскую позицию. Он находит свой путь спасения Руси – молиться за неё. Для И. Чернухина Русь – это молитва, русские песни, в которых раскрывается русская душа. Обращает на себя внимание форма выражения патриотического чувства – лирическая, печальная.

*А я кричу тебе:
– Живи!
И я твержу тебе:
– Воскреси!..
Твои молитвы мне нести,
Как обещание любви.*

Автор в системе иерархических ценностей выбирает «славянскую душу», в которой смирение и тайный бунт. Всё русское любя с детства, автор четко выражает для себя ценностный ориентир:

*Все с детства русское любя:
Вхожу я в храм, глаза-колодцы:
Не вижу Бога я и солнца,
Молюсь тебе и за тебя.*

Семантическая наполненность пространства Родины у И. Чернухина определяется Божественным происхождением земли Русской:

*И слово Русь звенит во сне,
Как Бог в российской круговерти.*

И. Чернухин молится за свою печальную и светлую Русь.

Говоря о бунтарском начале души русской, меняет название русского пространства на раскатистый, громкий номинант – «Расея»; представляющий собой звуковой вариант слова Россия, разговорный, наполненный особым звуковым содержанием – простор, бунт, неуправляемость, автору близко это русское бунтарское начало, он сам бунтарь на русском пространстве, которое он по-сыновьи называет матушка, мати, употребляя общеславянскую форму слова мать – «МАТИ»:

*О, матушка, мати Расея,
Какую ты кличешь грозу?!*

Для пространства Русь он создаёт семантическое поле, построенное то синонимическими, то антонимическими доминантами, что частично сближает его творчество с творчеством В. Белова:

«Русь» – православная вера, духовность, русская душа (синонимический ряд).

«Русь» – терпение и бунт, печаль и радость, Русь – нищенка («Как нищенка в рубище грубом») и Русь – великая, мощная (антонимический ряд).

Пространственная модель белгородских поэтов имеет четкие временные параметры. При названии пространства Родины «Русь» И. Чернухин обращается к прошлому, соотносимому с историей земли русской:

В стихотворении «Половецкое поле» он воссоздает фрагмент русской истории:

*Не знал Кончак
(и не его вина),
Что Русь на этом поле не кончалась,
А только начиналась здесь она.*

Для И. Чернухина Русь – это Киевская Русь с её колоколами, церквями, православной верой; автор молится за эту Русь, которая в России, современной Руси, утрачивает свои базовые культурные и духовные ценности.

Эта Русь тайная, святая, хранимая Богом, за неё автор «молится». В поэме «Мозаика века» И. Чернухин приводит цитату Н. Рубцова: «Россия, Русь, храни себя, храни». Здесь пространство Родины называется двумя номинантами. На первый взгляд, это синонимы, но в контексте чернухинского творчества – это прошлое и настоящее.

«Русь» – это идеальная пространственная модель Родины, Россия – это пространственная модель, которая выстроится путём разрушения Святой Руси:

*Россия, Русь! Храни себя, храни
Храни, пока душа твоя жива,
Пока жива у русского душа,
Ты будешь жить по-русски, не спеша.*

«Жить по-русски» на русской земли для автора значит хранить все, что составляло пространство святой Руси.

Номинант «Россия» соотнесён с настоящим нашей Родины, но Россия не выживет, по мнению автора, если в ней померкнет свет Святой Руси:

*Все померкнет пред светом России –
И зло, и кромешная тьма.*

Мысль о том, что в России, в этом современном пространстве Родины, жива Святая Русь, звучит в тексте «Русские колокола», со звоном которых автор предощущает возрождение Руси в России:

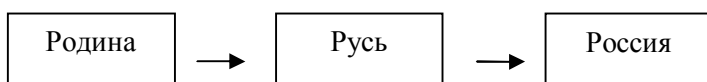
*И музыка плескалась на просторе
И извещала:
– Родина жива!
– Жива святая Русь!
– Жива Россия!...
Горят её, сияют купола.*

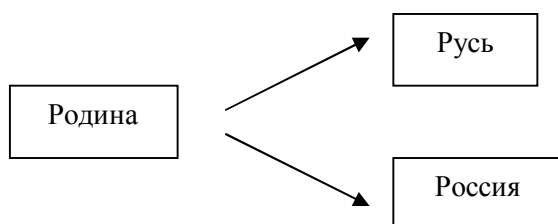
И. Чернухин выстраивает синонимический номинантный ряд: Родина, Русь, Россия, определяя судьбу этого пространства через лексему «жива», которая ассоциируется с ментальным временем – была и будет жива. Эта лексема повторяется в сильной позиции – эпифора и анафора, что делает её ключевой лексемой.

Пространство Родины структурируется как сложное многомерное пространство:

- линейная модель:

- концептуальная модель:

И. Чернухин расширяет семантику номинанта «Русь», снабжая его эпитетом «святая». Интересно, что этот эпитет употребляется как с номинантом «Русь», так и с номинантом «Россия». Такое номинирование пространства Родины указывает на то, что главные ценностные ориентиры для И. Чернухина: вера, русская душа, исконные русские культурные доминанты.

Божественный свет, освещавший Русь и освещающий Россию, вечен на русской земле. И. Чернухин оппозиционирует себя как сын Земли Русской, что объясняет смысл его эмоций и рассуждений:

*На закланье кумиров немного
Проводила ты, матушка-Русь,
Ах ты, матушка-Родина, мама!
Я и вспомнить их всех не берусь.*

Обращение к Родине, как к самому важному, близкому человеку, характерно для поэзии этого автора.

Он персонифицирует пространство Родины: она для него матушка, мама. Автор повторяет персонификант «матушка», актуализируя своё отношение к Родине. Привычным является сложный номинант «матушка-Русь», он устойчив, встречается часто, а вот номинант «матушка-Родина» – авторское новообразование. Строка: «Ах ты, матушка-Родина, мама!», – лирична и эмоциональна.

Обращение «мама» к Родине обнажает её сыновью любовь, Родина для него и «матушка», и «мать», и «мама»: хранительница великой русской тайны, души, божественного света, сияющего над Русью. Номинант «мама» вносит в семантику пространства Родины дополнительный смысл: существует огромная русская семья, и мама-Родина – это его берегиня.

Пространство Родины для И. Чернухина – это пространство-протяженность и пространство-вместитель, оно осмысливается, наполняет-

ся эмоциями, в нём он выстраивает иерархию ценностей. Текст «Родина» – это детализированная пространственная картина Родины, раскрывающая авторское понимание этого пространства.

Какова же Родина в его представлении? Родина – это бескрайняя равнина («степи да горы»), семантическое наполнение этого пространства абсолютно прояснено в тексте «Родина». Этот текст начинается с междометия ах, присоединенному к лексеме Родина, что повышает эмоциональность текста.

Автор начинает диалог с главным для него пространством – пространством «Родина». Родина вся соткана из страданий, терпенья и горя, из печали – это базовые антиценностные ориентиры: Родина – печаль, Родина – терпеливая, Родина – горюшко – все это русская судьбина, погруженная и проникшая в самое сердце автора – это его боль.

Радость и счастье чужды этому русскому пространству. Автор рассуждает о судьбе русского человека; она трагична. Удивительно ёмки две строки второй строфы текста, отсылающие нас в переломный период – 1917 год:

*Неужто зря жизни за них положили?
Неужто их русская кровь не пригрела –
Кровь мальчиков белых,
Кровь мальчиков красных.*

Обратимся к творчеству В. Молчанова.

В. Молчанов, как и другие белгородские поэты, выстраивает синонимический ряд для называния пространства: Родина – Отчизна – Россия – Русь – Держава.

Автор использует и сложные номинации: отчий край, земля моя родная (перифраза), мать-Россия. Для называния пространства Родины автор использует имя собственное и нарицательное.

В. Молчанов не только называет чувство, которое испытывает к Родине, но и описывает его:

*Любовь к Отечеству! У нас она
Бывает беззаветно-беспристрастной,
Высокой, словно солнце и луна,
Прекрасной, как уроки тишины
Перед большой и шумной переменой.*

По-разному номинируя пространство Родины, В. Молчанов выражает своё понимание этого пространства. Родина для него перестала быть сильной страной, утратила державность, но вместе с тем доминирующая ценность – русская живая душа, в её спасение автор верит:

*Держава давно уж химера,
Продали её за гроши.
Осталась лишь смутная вера
В спасение русской души.*

При обращении к пространству Родина два белгородских автора В. Молчанов и В. Белов смело врываются в политическое и идеологическое

пространства. Эти поэты продолжают исконно русскую традицию – говорить правду, обличать и печалиться.

В. Молчанов, создавая пространство Родины, постоянно находится в этом политическом и идеологическом пространстве; его тексты являются программными, по ним чётко выстраивается путь спасения России. Такие поэты в России, конечно, в опасном меньшинстве. В. Молчанов презентует себя как «одиноким сын России». Сыновья любовь к разрушенной, распроданной русской земле сопряжена с личной трагедией автора-гражданина:

*Быть за Отечество в ответе
Священной долга я не знал,
Я Родину не выбирал,
Как мать не выбирают дети.*

В данной строфе сталкиваются два номинанта: Родина и Отечество, в данном контексте в них актуализированы разные смыслы: Отечество – духовное, нравственное пространство; Родина – физическое, реальное пространство.

Сравнение «как мать не выбирают дети», имеющее лексему «мать», четко выстраивает семантическое поле, созданное автором: сын – Родина – мать. В ценностной иерархии автор обращается к такой нравственной ценности, как долг, утраченной в наши дни.

Этот долг – «быть за Отечество в ответе» – священен. Автор употребляет экспрессивную языковую форму – прилагательное в сравнительной форме «священнее», т.е. долг служения Отечеству, ответственность за её судьбу, так автор ощущает себя в этом пространстве, которое он называет «Отечество» и «Родина».

Все три поэта противопоставляют смысловые нагрузки, закрепленные за номинантами «Русь» и «Россия»: у Молчанова «Русь святая, державная», та Родина, которая близка его душе. Автор вводит термин «понятие Родины» и раскрывает его содержание: Родина для него – это святая державная Русь:

*Размыто понятие Родина,
Святая державная Русь.*

У такой России, которой правит Сатана, чуждое всему русскому правительству, нет будущего, по мнению автора. На его Родину надели «оковы чуждые племена», так метафористически автор раскрывает основной идеологический и духовный процессы, охватившие все пространство Родины: «Оковы» – это подавление, уничтожение всех исконно русских доминант: душа, воля, свобода, честь, гордость, духовность. Самый ёмкий и новый пространственный образ – это образ России, распятой на чужом кресте:

*Смотрю, теряя силу,
И на чуждом кресте
Распятую Россию
Я вижу в темноте.*

Этот метонимический троп, созданный автором, способствует возникновению многочисленных ассоциантов. Пространство креста ассоциируется с распятием Христа, что усиливается причастием «распятую» – прямая ассоциация с самим библейским сюжетом, за распятием просвечивается физическое и духовное страдание.

Вторая ассоциация возникает по поводу определения «чужой» крест. Чей крест? Здесь возможны две интерпретации: России навязали «чужой крест» – другое национальное пространство, другую культуру, и это тяжёлый крест, а, возможно, и гибель русской души.

Эпитет «распятую» имеет ещё одну семантическую актуализацию – распятие – это жизнь-позор; Россия выставлена на всеобщее посмешище, злорадство. Третья ассоциация связана с пониманием того, что Россия несёт «чужой крест», принимая страдания своего пути и чуждого ей пути. Все негативные оценки современной России адресованы правящей верхушке, по определению автора, сатанинскому правительству: «Вновь моей Россией правит Сатана, на всем российском пространстве бардак, раздор, зло, беда.

В. Молчанов четко ориентирован при построении в рамках пространства Родины аксеологической системы ценностей:

Пренебрежение – любовь
Сатана – Бог
Химера – Держава
Орда – Держава
Воля – оковы
Русских – Клинтон
Покой – Раздор
Созидание – драка
Человек – товар
Народ – толпа
Преступление – долг
Безответственность – долг
Тьма – свет
Гнев – любовь
Оккупация – свобода.

Главный ценностный ориентир для В. Молчанова: свобода и воля («Мать-Россия. Свобода и Воля»). Авторское понимание пространства Родины четко определяется через номинантный ряд: Родина – Держава – Отечество – Страна – Россия (мать-Россия, матушка-Россия) – Русь (Русь Святая, Державная). Основная специфическая особенность семантического наполнения пространства Родины заключается в том, что пространство Родины болезненно разорвано на два актуальных пространства:

- страна господ – сатанинское правительство, американизация;
- страна рабов – уничтожение физического и духовного пространства.

Народ и правящая верхушка – вот пространственная модель, выстроенная автором.

Он свято верует в Россию, в её народ, русскую душу, а «воронье оголтелой орды» убивает Россию, унижает её. Уничтожение русского народа – это процесс, направленный на уничтожение всего русского пространства. В. Молчанов не может смириться с разрушением России и уничтожением русского народа, превращающегося в рабов и превращённого в толпу. Он задает риторический вопрос, пытаясь понять все политические и идеологические процессы, разрушающие пространство его Родины:

Что же случилось с тобою, Россия?

Ты скажи, что случилось с тобой?

Для В. Молчанова пространство Родины – это сложное, многогранное образование. Автор использует такой приём подачи информации, как интертекстуальность, соотнося свое понимание любви к Родине с пониманием этого чувства у Тютчева: Россию нельзя понять, включив логику, рассудок, её можно познать только любя душой, веря в неё.

Поэт занимает открытую гражданскую позицию, привлекает разговорную лексику, чтобы в экспрессивной форме чётко объяснить читателю, что произошло с его Родиной:

Бездарно профукали Родину,

Великого нашего Пушкина.

Лирические нотки возникают у автора только по поводу прошлого – Руси уходящей. В. Молчанов создаёт гражданский, сатирический, «гневный» цикл стихов «Россия – 90-е». Этот цикл имеет подзаголовок «Фрагменты новейшей истории». Все ценности в этой России разрушены: русская гордость, отвага, честь, русский дух.

Автор ставит вопрос вечности: «Быть России или не быть?», и тогда появляется номинант Русь, олицетворяющий «Русь Святую»:

Сумеет ли Русь моя выжить?

Воспрянет ли русский наш дух?

Современная Россия тяжело больна, по мнению автора:

Я от болезни смертельной

Россию спасти не могу.

Выражая открыто свою гражданскую позицию, В. Молчанов утверждает, что Россия больна смертельной болезнью. Что же случилось с его Родиной? Что это за смертельная болезнь? Он даёт детализированную историю этой болезни через негативные оценки современной России. Негативные оценки отнесены к «сильным мира сего»; горе, смута, зло заполнили его русское пространство, которое американизировано. В этом автор видит главную русскую беду:

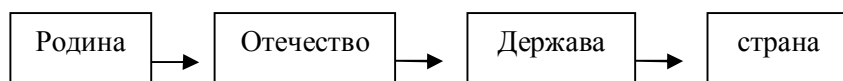
На Русь надевают оковы

Нашествие чуждых племен.

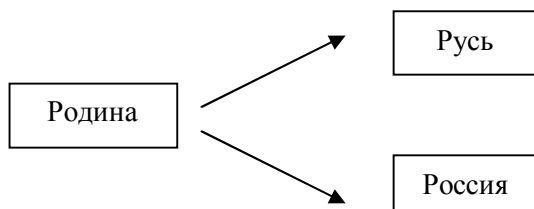
Чуждые племена – это американцы, зло всемирное, уничтожающее «Русь» православную, духовную. Вновь противопоставлены номинанты «Россия» – «Русь», как называющие разные хронотопные пространства: Русь – прошлое, Россия – настоящее. В. Молчанов выстраивает сложное

концептуальное пространство Родины, актуализируя в номинантах разные смыслы:

- линейный:

- концептуальный:

На пространстве «Россия» разрушены также важные для автора доминанты свобода: и воля, с которыми ассоциируется для него его Родина – мать – Россия:

*Мать – Россия. Свобода и воля
Мы со степью навеки родня.*

В. Молчанов выстраивает шкалу ценностей и антиценностей:

Свобода – оковы

Воля – оковы

Русский дух – американизация

Русские – американский президент Клинтон.

Автор утверждает, что главная беда – это уничтожение всего русского –

Руси:

*Спасу нет в стране от горя,
И зовут то горе Клинтон...*

Настоящее России для В. Молчанова – это личная трагедия, рождающая безверие:

*Настоящему не верю,
А грядущего боюсь.*

Физическое уничтожение России автор соотносит с тем, что «земля моя родная продана с молотка», а духовное уничтожение – с уничтожением русского народа; важно, что поэт постоянно подчёркивает, что этот процесс уничтожения осознан и целенаправлен – «большая беда».

Деяние сильных мира сего он оценивает как бессмысленные и безнравственные.

*Всякая власть бессмысленна,
Коль самоцель она...
Всякая власть безнравственна,
Тем и страшна она.*

Политическая сатира как актуализатор семантических смыслов характерна для молчановской Родины. Безверие, сомнение – это основные чувства автора, но свет надежды прорывается сквозь мрак безверия:

*Но жива, жива Россия,
Бог поможет не пропасть.*

Божественное начало – как путь спасения России проявляется у всех трёх авторов; степень обращенности и погружения в это пространство различны у этих авторов. Наиболее погружён в это пространство И. Чернухин, он постоянно обращается к молитве, к Господу, В. Белов и В. Молчанов – это бунтари, но они тоже уповают на Бога, так как «светские методы» не работают на спасение России.

В. Молчанов просит у Бога о спасении и вразумлении «заблудших властителей». Современная Россия! В ней погибла Русь (русский народ, русская душа). Автор не может сдержать своих слёз и прощается с Россией – Русью.

Как «с верой любимой своей». Трагедия В. Молчанова как современника заключается в том, что он не может от смертельной болезни спасти всё русское пространство. Он называет свою страну «болезная», пик авторской трагедии заключается в том, что его Россию душат «руками её сыновей». В. Молчанов прощается со всем русским пространством:

*Прощай, моя мать-Россия,
В предчувствии смерти твоей,
Сдержать своих слез я не в силе,
Всевышний, хоть ты пожалей.*

Но здесь нет обречённого безверия, оно сопряжено с верой, светом; автор, используя графическую (лесенка) строфу и лексическую (повтор) выразительность, заявляет о своей вере, пытаясь перевести её в убеждение:

*Но прошлое наше итожа,
Надежду душа затаит,
Что все же,
Что все же,
Что все же.
Россия опять устоит.*

Авторский номинант «держава-Россия», для названия пространства Родины мы встречаем в тексте «По какому собачьему праву?». Это текст-обвинение, обращенный к тем, кто правит его страной. В тексте выстроено ещё одно актуальное пространство: Родина – страна, автор противопоставляет эти номинанты и концентрирует несколько номинантов в одном тексте, актуализируя необходимые для него смыслы в каждой лексеме: Держава (4) – Родина (1) – страна (2) – Россия (2).

Номинируя пространство Родины, белгородские поэты обращаются к определенным языковым средствам, главными из которых являются имена существительные. Номинанты пространства Родины являются и показателями авторской позиции.

4.2. Гражданская позиция автора в текстах о Родине

Называя по-разному пространство Родины, авторы выражают свое отношение к этому пространству. Через номинации пространства можно

проследить судьбу России, почувствовать и ощутить авторскую боль и печаль, понять его гражданские и нравственные ценности.

Противопоставление двух номинантов «Родина» – «страна» («Те, кто делят державу на звенья/ Кто о Родине – «эта страна»). Общая эмоциональная тональность, текстов о Родине – гневная, возмущенная, окрашенная болью и горечью за порученный народ, за растерзанную «на клочья», на звенья, на куски» Державу:

*Растерзали на клочья Державу,
Разорвали её на куски.*

Обращает на себя внимание в творчестве В. Молчанова, что его поэзия отражает традиции декабристской поэзии с её высоким гражданским пафосом и смелым призывом к социальному протесту. Соединение гнева, возмущения и гражданского пафоса рождает сложное чувство, с одной стороны, боли, любви, а с другой – гнев, возмущение.

В. Молчанов разделяет на отдельные пространства пространство Родины: правительство – народ, силы, пытающиеся спасти Россию, и силы, уничтожающие её. Для тех, кто её спасает, Родина – это держава, мощное государство, которое всегда обладало мощным духовным и экономическим потенциалом. Автор с теми, кто пытается спасти Россию, а те, кто уничтожает, для них она – страна-территория, которую можно разделить на куски и распродать.

Для «этих» – она не Родина, тем более не Россия-страна, имеющая многовековую историю, и не Держава – могучее государство. Для В. Молчанова принципиально и важно, что его Родина была Державой. У белгородских поэтов В. Молчанова и В. Белова особое отношение к России, отражающее сложную гамму чувств: горечь. Родина-страна для автора – это территория, которая является источником обогащения, Родина – Россия, Держава – это его Родина. Россия олицетворяет для него всё русское, русскую душу, культуру, а Родина-Держава – это его пространство, в этих двух сопряжённых пространствах Россия – Держава. Автор был бы счастлив, к нему бы вернулось чувство гордости, а чувство горечи оставило бы его.

Позицию автора в его текстах, обращённых к пространству Родины, можно определить как активное неприятие современной России, ощущение «сильных мира сего» и боль за всё русское, за русский народ.

Высокий гражданский пафос характерен для белгородских поэтов И. Чернухина, В. Белова и В. Молчанова.

Те, кто упивается властью – это враги России, но они зря ликуют:

*Зря ликует нечистая сила,
Ей не выжить на злобе и лжи,
Возродится держава – Россия
Ну, а прочее все – миражи.*

Авторское понимание будущего Родины трансформируется от растерянности, беспомощности до веры и убеждения:

*Осталось лишь смутная вера
В спасение русской души...*

*Сумеет ли Русь моя выжить,
Воспрянет ли Русский наш дух..?
Россия празднует победу,
Свою победу над собой.*

Пространство Родины представлено практически у всех белгородских поэтов.

В поэзии П. Савина оно является частотным, его пространство большой Родины чаще всего представлено как Родина малая. Для названия пространства Родины он использует номинант «Россия» – «Держава». Частотным является номинант «Россия». Россия для него это настоящая Родины. Тональность его стихов существенно отличается от стихов, сопряженных с тем же пространством у В. Молчанова и В. Белова: в них нет практически патетики, пафоса.

В них нет громкости, это боль, печаль вполголоса. По мнению И. Чернухина «эта тихость в лирике П. Савина, как молния, так иногда ослепит и обожжет тебя, что в глазах слёзы, а по телу мурашки» [Савин, 2009: 9].

Выбор номинанты проясняет содержательную наполненность пространства Родины. В заглавиях текстов и в самих текстах номинант Россия: «Со мной Россия», «Дума о Родине».

Для П. Савина важна современная Россия, он не делает экскурса в далёкое прошлое, только Россия 40 гг. – конца 20 века и начала 21 века. Она для него не ретроспективна, а современна.

В своей современной России он не бунтарь, а гражданин, говорящий тихо, но с болью и печалью. Сын земли Русской так позиционирует себя автор, Родина для него мать-Россия; он находится в центре этого пространства, болезненно ощущает боль потерь:

*Пусть будет тихий труд не в силу,
И боль потерь не по плечу,
Но с бедной матерью Россией
Я никогда не разлучусь.*

Для автора Родина – мать и мама – это самые близкие и дорогие «существа»:

*Когда я в путь рассветной ранью
Ушёл не детскою тропой,
Она мне слёзы вытирала
Шершавой маминой рукой.*

Она, т.е. родина, оживлена, персонифицирована, для него она мать, мать, он её сын. В тексте «Со мною Россия» затрагивается тема современной России: «бедная мать-Россия». Что же происходит на этом пространстве. Лексема «бедная» употребляется в значении страна со сложной, несчастливой судьбой. В тексте «Думы о Родине», где само название определяет позицию автора в тексте – он размышляет о судьбе своей Родины, ищет истоки этой беды: он чужой в этой стране, так как не принадлежит к

сильным мира сего, Россия разрушается, в ней пусто без русской души, «стынут деревни», и «прячутся хаты испуганно»:

*Все по частицам утрачено,
Вместе с потерей страны,
Знать нам судьбой предназначено
Быть под пятой Сатаны.*

Образ Сатаны, сатанинского правительства уже возникал у В. Молчанова. Родину продают «тати за лом алюминия», а после войны было иначе, автор с болью и гордостью напоминает всем:

*Мы так Россию поднимали,
Чтоб космос увидеть смогла.*

П. Савин создал свой образ России, выстраивая семантическое пространство: его Россия «гостеприимна и тепла» и «до слёз таинственно мила». «Нежность до слёз» – так можно определить основное эмоциональное состояние автора. Таинственность – это русская душа, русский характер, они должны быть сохранены. П. Савин обращается к такой нравственной категории, как долг перед Родиной, он сын её, в трудную минуту находящийся со своей Родиной:

*А можно ли, можно оставить,
Свой дом и родную страну.
Забить её доблесть и славу,
И правду её, и вину?*

П. Савин задаёт риторический вопрос-утверждение, подразумевая, что он никогда не оставит своё родное пространство. Образ Родины навсегда, по утверждению автора, «впрессован в память и с памятью вместе умрёт».

Обратимся к творчеству Г. Островского. Пространство Родины у поэта Г. Островского названо Россия. Открыто он обращается к гражданской тематике нечасто. Образ Родины возникает у него в текстах «Россия», «Родина», «Что же дальше с нами будет», «Ах волюшка, ты воля...». Для автора Родина – это бесконечные небесные и земные просторы, но просторы «больные». Вновь звучит тема «больной России», которую «обнимает сумрак дымный и летучий». Автора волнует будущее Родины, его детей и внуков, оно призрачно, сумрачно. Выстраивая ценностную шкалу, автор осмысливает причину Русской болезни – это тать, всё чуждое для России, засилье другой культуры, уничтожение Русской культуры. Его Россия молится. Вновь возникает эпитет «бедная», т.е. Россия-страдалица и печальница, обращающаяся к Богу:

*И молится бедная наша Россия,
И свет пылает в церквах...*

Как и у В. Молчанова, возникает образ России, распятой на кресте, страдающей и кающейся:

*Суть лукавые витии
Оскверняют дали те,
И приветливую Россию
Распинают на кресте.*

Важное для автора в этом русском пространстве – это свет русской души, состоящий из света Божественного и наполненный им. «Пресветлая» – так поэт характеризует русскую душу.

Г. Островский анализирует причины этой русской беды. И он не одинок в своих выводах:

- сребролюбие лихое (власть денег);
- ироды из тьмы восстали (сатанинское правительство);
- осквернение всего;
- молчание православных сынов.

Но печаль его – это святая печаль православного сына России, и ветер – символ стихии («Только ветер бьёт ночами»), и колокол – символ всего русского, православного, возвращения к вере и обновление – это спасение для России. Блоковская тоска врывается в его пространство – Родины; он вступает в диалог с «далью Российской земной», ощущая «беспросветную беду». Индивидуальным у Г. Островского является то, что он видит причину этой «беспросветной беды» в самой России:

*Что же ты моя родная
Не сгораешь от стыда?*

Для России – это бездуховное пространство, утратившее всё земное, т.е. нравственные ценности, оттого автор испытывает боль и тоску:

*Так зачем на сердце ранишь
И куда – во мгле людской –
Ты меня ещё заметишь
Бесприютною тоскою.*

Главные ценностные ориентиры для Г. Островского – это воля, волюшка и вера, величие родимой земли. Без этих трёх составляющих нет для него русского пространства. Автор выстраивает шкалу ценностей:

воля – безволие
вера – безверие
величие – ничтожество

Семантическое пространство Г. Островского философично, говоря о Родине, он выходит в своих рассуждениях о Родине в аксеологическую плоскость – плоскость вечных ценностей: вера, воля, величие духа.

Россия для него – это самое важное пространство мировой цивилизации; и здесь явна переключка с А. Блоком:

*А снег, крутя и воя,
Ложится на поля,
Ах, волюшка ты, воля
Родимая земля.*

Обратимся к творчеству М. Дьяченко. Пространство Родины представлено и в поэзии М. Дьяченко, он по своей гражданской позиции близок к И. Чернухину. Основной номинант, который использует этот автор для названия пространства Родины – это номинант – «Русь». Русь для него – это Русь православная – Русь святая, раскинувшаяся на немислимых даях.

Для него Родина – «свет в оконце». Основные ассоциации, которые вызывает лексема Родина – это «праздничный пасхальный перезвон» и «церкви»:

*Вся в цветах, церквах –
Как господи прости
Русь!
О Русь!
Немыслимые дали!
До тебя подняться
Дай мне сил.*

Как индивидуальное в восприятии пространства Родины следует отметить то, что для М. Дьяченко Родина является духовной высотой, к которой автор стремится с чистыми помыслами и открытой душой. Высокие духовные отношения связывают автора с Родиной, он её персонифицирует, преклоняется перед её духовным величием:

*Я целую родины ладонь –
Оживает музыка небесная.*

Пространство Родины для автора ассоциируется с берёзой – символом земли русской, с облаком – символом высокой духовности, дорогой – символом поиска истины.

В тексте «Россия, вспомни и обо мне» поэт выстраивает схему духовно-нравственных отношений между ним и Родиной. Он ребёнок с чистой душой и помыслами, а Россия для него мать, она вспомнит о нём и «зашумит берёзкой тонкой». Россия для него защитница и спасительница для «тревожных и одиноких» ей детей.

Поднебесная чистота его родины – это искренность, открытость. «Роня капли слёз высоких», она не стихает и будет звать его. Русское пространство – это духовное пространство, никто и ничто не может разрушить эту поднебесную высоту и чистоту. М. Дьяченко, обращаясь к русской духовности, изменяет название пространства – «Русь», а не «Россия», когда светлое и радостное чувство наполняет его:

*И я услышу, отзовусь.
Скажу, я болен был немного...
Спасибо радость моя, Русь.
Берёза, облако, дорога.*

Философское осмысление пространства Родины характерно и для поэта С. Ташкова, который в своей поэзии прикасается к вечным человеческим ценностям.

Он пытается понять и осмыслить духовное русское пространство, он ищет «путь к родному краю»:

*Смиранный странник, выхожу и таю
Меж небом и землею нищ и наг,
Я блудный сын, а путь – к родному краю,
И трудно сделать только первый шаг.*

Он позиционирует себя как пасынок, судьба которого безразлична его Родине:

*Для Родины пасынком был, и к тому же –
С любовью сыновьей – не очень по пути.*

Пространство Родины для него – это два начала: земное, в котором сейчас пустыня, т.е. отсутствие духовного, а второе начало – Небесная Россия, одухотворённое пространство, которое осветит и спасёт Россию. Свет небесный, заполняющий Россию, мы находим в произведениях И. Шмелёва, который близок по духу поэтическому миру М. Дьяченко.

Как и И. Чернухин в тексте «Терпение», М. Дьяченко в тексте «Русскому» осмысливает, пытается понять русского человека. Два начала в русской душе; с одной стороны, шутовство, возникает образ «хмельного шутовства смех», а с другой, глубокая русская душа с мыслями о Боге и плачем «у безмятежья сердца своего».

Для каждого поэта Родина начинается с определённой доминантной ценности и существует в определённой ценностной шкале. Для А. Осыкова Родина начинается с деревни, сила России для него в крестьянстве. Вся сила духа, по словам А. Осыкова, в крестьянстве, в русском мужике:

*Красой земною очарован,
О сокровенном пел мужик,
Так русское родилось слово,
Творился русский здесь язык*

А. Осыков много раз возвращает к важнейшему компоненту русской культуры – к русскому языку, он создает оригинальное русское пространство, в котором обязательно должны сосуществовать: русский дух и русская речь:

*Ведь человеческая речь,
Народа плоть, его основа.
И чтоб Россию нам сберечь,
Беречь родное надо слово.*

Для этого автора русский язык – «это, нетленная мыслей нить, связывающая поколения».

Русский дух рождён от земли русской – так считает поэт. Земля русская рождает гениев и героев:

*А сколько гениев, героев!
Взрастило русское село!*

Автор считает русское село с её устоями, традициями – главной силой земли русской, и А. Осыков задаёт риторический вопрос: «Зачем же разрушать устои / У нас в привычку уж вошло?».

Этот вопрос обращен к каждому русскому человеку. Разрушение устоев – это разрушение русской деревни, где, по мнению автора, начинается Россия. В русской деревне сила русского духа. Отчизна-мать вправе предъявить «укор» своему народу, который должен созидать и спасать русскую землю:

*И если выйди на просторы,
Где травами шумят поля,
Почудится, твердит с укором
Отчизна-мать сыра земля.*

Сохранить и возродить русскую деревню для поэта – значит сохранить Русь. По своим ценностным ориентирам – это поэт-хранитель земли русской. Он призывает всех:

*Храните русскую деревню –
И Русь не кончится вовек!*

К тексту «Вьётся вновь вороньё над Россией» А. Осыков берет эпиграф из стихотворения Ю. Кузнецова: «Над русской славой кружит вороньё» и выстраивает интертекстуальный диалог о судьбе современной России, которая оккупирована чужой культурой, чужими традициями – воронье, ищущее здесь богатства и жаждущее гибели всего русского. Главное зло для русского пространства – это засилье чуждых племён, навязывающих России все нерусское, залётную хищную нечисть, которая затмила навек небосвод. России навязывают чужую культуру, чужие ценности:

*Чужим поклоняемся идолам,
В дурмане безверья живёшь,
И дьявольских глаз телевиденья
Калечит твою молодость.*

Он называет свою родину не Россией, а Русью Святой, возвращая читателя к исконно русским ценностям: православию и русскому народу. Автор занимает активную гражданскую позицию, призывая Русь собрать последние силы на битву со злом:

*Распрями же мощные плечи,
Православный, великий народ.*

Гибель России автор воспринимается как гибель мировой культуры:

*Русь погибнет – и свет не будет,
Отстоит – мир Божий спасём!*

Святая Русь, т.е. была мощь русского духа и народа, близка по своим духовным ценностям А. Осыкову. Он в себе чувствует чуткую русскую душу. К тексту «Русской чуткой душой» он берёт эпиграфом строчку Н. Рубцова: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» и, конечно же, разделяет точку зрения Н. Рубцова на понимание сущности земли русской: это русская душа и русская земля.

А. Осыков раскрывает перед читателем специфику русского характера, в котором причудливо сплетены: рабский хмель, шальная блажь, совесть – тайный дух народа и жажда жизни свободы». Любовь к земле родной – вот те доминанты русской души, которые спасли Русь в нелёгкую годину. В этом стихотворении вновь звучит призыв спасти современную Россию, воскресив Святую Русь и возродив Веру Православную:

*Воскресай, Святая Русь,
Наполняй мне душу силой,
Верой в то, что сам спасусь
Если будет жить Россия.*

Специфическая особенность поэзии А. Осыкова при соприкосновении с пространством Родины проявляется в том, что автор – сын земли русской и Русь – это единое неразделимое пространство. Автор с болью и печалью пишет о том, что душа русская не предала Бога, а сложные и трудные испытания ворвались в русскую душу, но поэт безоговорочно верит, что с верой в сердце Русь не победить. Русь поругана, и это, по мнению автора, изощренная дьявольская месть. Кто этот дьявол? На этот вопрос автор даёт ответ – это навязывание чужой культуры и ослабление Веры Православной. Но голос автора звучит уверенно и убеждённо; и эта уверенность неоспоримых ценностей прошлого, подкрепляет за счёт форм: супина – не известь и аориста – Воскресе, которые придают патетику тексту:

*Но русский дух вовеки не известь,
И у народа не отнимешь Бога,
Пусть с верой в сердце все трудней дорога.
Воскресе Русь!
Лети, благая весть...*

А. Осыков для называния пространства Родины использует разные номинанты: Русь – Русь Святая – Россия. Эти номинанты употребляются с одинаковой частотностью, но имеют разную семантику.

За номинантом «Русь», как у всех белгородских поэтов, закреплён определённый временной пласт – это прошлое, наполненное определёнными духовно-нравственными ценностями.

Русь – великий русский народ, русский дух – православная вера – богатая русская культура – великий русский язык, Россия – это настоящее, когда земля русская может погибнуть, когда разрушаются основополагающие духовно-нравственные начала, когда порушены честь, разрушено понимание долга, ответственности.

А. Осыков – это автор, для которого характерны чёткие ценностные ориентиры. Это автор, творческое пространство которого имеет свои концептуальные ориентиры: русский народ, одоление жажды жизни, свободой и любовью к родной земле, наполненность православной верой.

Обратимся к творчеству А. Филатова. Поэт А. Филатов для названия пространств Родины использует номинанты: земля моя, Русь, «государство трав и первоцветов». Родина для этого поэта ассоциируется с трудолюбием, профессиональным талантом, с травами и первоцветом. Родина для него – источник вдохновения:

*Лишь тогда я сеятель и пахарь,
Лишь тогда я с думой о словах –
Продолжаю книгу о лесах,
Когда сохнет потная рубаха.*

Поэт только тогда настоящий поэт, когда он чувствует, ощущает свою Родину:

*Он с ней единый организм:
Зачем же только люди в непогоду
Тебя хулят, невинную вина?
Земля моя одной со мной породы,
Родившая для счастья меня.*

В стихотворении «Я согласен, что слава – Родина» автор ведёт диалог с читателем и делится с ним своими мыслями о том, чем для него является Родина. Он чётко обозначает все ценностные ориентиры: Родина – это слава и доброта, боевые подвиги народа, слёзы и печаль, беда. Святость земли русской он связывает с героической историей России, с её славной историей:

*Я согласен, что слава – Родина,
Доброта наша Русская – Родина.
И что блеск боевого Ордена –
Это тоже святая Родина.*

У каждого поэта своя Родина, своё пространство, заполненное авторским пониманием.

У Н. Молчана – это Родина-мать, к которой он обращается с просьбой: «Прими меня за сына». Обращают на себя внимание множественные номинации пространства Родины: Россия, родная Русь, мать – Россия ма-тушка – Россия, кормилица – Россия, родная Россия, моя Россия. Тема Родины является важной для поэта, он обращается к господу с просьбой – благословить Россию; сам текст, в котором звучит эта просьба, называется «Благослови, господь, Россию». Основные ценностные ориентиры для этого автора – это трудолюбивый русский народ и его душа:

*Благослови, прошу, господь, Россию
В великом созидательном труде,
Чтоб стал народ добрее и счастливее,
Хвалу и славу, чтоб вознёс Тебе.*

Автор определяет основную русскую идеологию в тексте «Русская душа»: «Жизнь – Родине, честь – никому». Н. Молчан в этом тексте даёт подробную характеристику русской душе.

Анализируя современное положение России, что с ней сейчас, Н. Молчан подчёркивает, что Россия больна. Болезнь эта связана с тем, что его Родина теряет земную опору и свою суть. Земная опора для автора – это любовь и вера, светлая истина, которая зреет и плывёт по Российской земле, связана с верой православной и христианскими ценностями: терпением, прощением:

*Мы просим прощенья у Бога
За нас, за великий народ.
А дальше – прямая дорога
Болезнь победит и вперёд.*

В тексте «Жить в России без России в сердце», в тексте «Россия» Н. Молчан использует синонимический ряд номинантов. Три разных номинирования пространства Родины – Россия, Родина, Отчизна-мать – передают полифонию чувств, которые испытывает автор. Каждое из обращений наполнено своим смыслом: Россия – это географический номинант, называющий страну, Родина – это пространство, ассоциирующееся со всем тем, что происходит в жизни автора и его страны, а последний номинант Отчизна-мать указывает на отношение автора к своей Родине – она для него мать,

а он её сын, эмоционально воспринимающий всё, что происходит с его Родиной. Он готов всё отдать своей Родине:

*Россия! Сердцу дорогая мать,
Душой и жизнью я с тобою,
Твой путь – он мой, путь этот – свят,
Мы справимся с любой бедою.*

Белгородский поэт В. Лиманский для обозначения пространства Родины использует номинанты: Россия, Отчизна, Русь, Святая Русь, традиционно, как и все белгородские поэты, актуализируя в номинанте «Россия» настоящее, а в номинанте «Русь» – прошлое.

В. Лиманский находит свой субъективный способ «единения» с Родиной: у его Родины есть душа – это все духовные и нравственные ценности, при этом душа поэта, заполненная такими же ценностями, едина с душой Родины, у его Родины есть душа – это авторское открытие нового пространства – пространства души у России. Метафоризация пространства приводит к персонификации образа России. Его Россия – одушевлённый персонаж, и этот персонаж – самый близкий для него. Без Родины он не нужен никому, и что самое главное – себе самому:

*Не под силу никому на свете
Наши души разделить межой.
Без России я, что в поле ветер,
Сам себе не нужный и чужой.*

Главная беда России, по мнению автора, прежде всего в приоритете материальных ценностей над духовными, а в самом духовном пространстве правит всем гордыня и зло, что может привести к разрушению земли русской.

В. Лиманский, рассуждая о причинах русской беды, выходит на проблематику: ложь и правда.

Поэт демонстрирует своё авторское понимание пространства Родины: проживание в определённом пространстве не рождает автоматически привязанность и любовь к нему:

*Жить в России без России в сердце,
Что безбожьём душу загубить.*

На земле русской, для которой изначально была присуща соборность, автор находится среди единоверцев, выросших духом в Россию.

Поэт относится к тем гражданам России, которые не смогут жить без неё; все духовно близкое здесь, в этом пространстве, хотя в другой стране и вольготней, и сытней. В другой стране всё чужое для автора, он находит метафористический образ «небо с овчинку». Этот образ имеет пространственную основу, за счет этого создаётся эффект сужения пространства, что приводит к ощущению отсутствия свободы и разрушению бескрайности и необъятности русского пространства. Нравственные доминанты не только обесценены, но и искажены: честному человеку сложно существовать и выживать в этом пространстве, теперешнем пространстве России:

*И честный совесть гонит, как собаку,
Чтоб не мешалась под ногами.*

«Что может помочь России?» – задумывается автор. Вклиниваясь в политическое пространство, он призывает к объединению левых и правых, на разумной политической, экономической и духовной основе. Он считает, что необходимо смирение, так как гордыня способствует умножению сил зла. Лексема «гордыня» актуализирует в тексте несколько смыслов: гордыня – смертный грех, гордыня – всё неразумное абсурдное, разрушительное:

*Пора умнеть как левым, так и правым,
Гордыней силы зла не множить.
Победа лжи иль беспощадной правды
Больной России не поможет.*

Спасти Россию могут вечные «консервативные» ценности: любовь, вера, терпение, добро – вот, что спасёт Россию. Новая Россия, как и для многих белгородских поэтов, не приемлема и чужда автору.

Автор открыто заявляет о том, что он скорбит о прежней России, не может найти себе места. Он винит себя и других в том, что Россия нищая и «подающая просят». Уничтожение России он сравнивает с вырубкой старого сада, что ещё плодоносит.

Каждый и сам автор виновен в том, что случилось. Процесс разрушения страны – это разрушение русской культуры и уничтожение русского народа. В. Лиманский виновников разрушения ищет не только вне пространства Родины, но и в ней самой:

*С верой в счастье разрушили мы
Храм Любви и Надежды – Россию,
А сегодня – заложники тьмы –
О спасении молим Мессию.*

Россия для автора – это закрытое пространство (храм любви и надежды), за разрушение которого «мы» несём ответственность. Очень точно автор определил специфику русского характера в тексте «Не имя того, что люблю», это, с одной стороны, гордыня и вечные войны, а, с другой – покаянье. Безудержное противоречие – это, наверное, и есть тайна русской души для В. Лиманского.

Россия для этого автора – храм и религия:

*Моя религия – Россия,
И как алтарь родной порог.*

Автор свято верит в Россию и хранит её в себе. Предназначение России В. Лиманский видит в том, чтобы спасти мир, в этом великая миссия его Родины:

*Святая Русь! Спаси, как нас спасала прежде,
Себя и мир от чёрных сил!*

Пространство «чёрных сил» идентично у белгородских поэтов: безверие, уничтожение доминантных ценностей русской культуры и «засилье чуждых племён», насаждающих свои ценности, которые для России не приемлемы и опасны.

Все белгородские поэты обращаются к обязательной теме русской литературы – «малая родина». У В. Белова одно из стихотворений называется «Малая родина», в нем автор раскрывает содержание этого пространственного уникама – «малая родина»:

*А то тропой иль огородами
По-над Хопром домой идёшь.
И даже здесь тоска по Родине,
Хотя на Родине живёшь.*

Родина – великая, необозримая... Она начинается с родины малой, с родной деревни, с отчего дома, с реки, что течёт «почти у порога» в камышах:

*Исток ты мой, родина:
Улица. Река...*

Для В. Белова «малая родина» – это кольцовские места, где началось для него познание русской природы, где он впервые ощутил прохладу казачьего Хопра. Малая родина – это Чигорик, хутор Замельничный, Борисоглебск... С них началась великая и необъятная русская родина, Россия:

*Я этот клоч земли безмерной
Восславить сызнова берусь,
Мне без него б не петь наверно,
Не углядеть родную Русь.*

Малая родина для Белова – это зеркало, через которое проглядывается Русь-матушка.

Это аксиоматично: пространство Родины сужается для человека до пространства «малой Родины», места, где он родился или живёт. Для описания пространства «малой родины» используются культурные или лингвокультурные факты, характерные для той или иной местности, сведения по истории края, репрезентируемые определённой системой языковых средств в тексте, авторством или содержанием связанные с родным географическим пространством («точечное пространство»).

Для создания пространственных реалий «малой родины» используется прямое указание на конкретное место – название пространства. Белгородские поэты используют для называния «малой родины» топонимы. Топонимический тезаурус создаётся за счёт топонимов, служащих для названия городов, сёл, хуторов, деревень, посёлков, что позволяет «опознать» место рождения.

Для названия Белгородской области используется топоним Белогорье:

*Белогорье...
Поле отчее...*

(В. Молчанов).

Кроме топонимов, используются метафорические названия, содержащие авторскую оценку – «Край мой белый» (И. Чернухин).

Одна из основных особенностей белгородской поэзии – это точная география «малой Родины», которая иллюстрируется названиями текстов. По этим названиям можно составить географический атлас Белгородской

области: «Томаровка», «Над Тихой сосной» (И. Чернухин), «Новая Таволжанка», «Муром», «Безлюдовка», «Вознесенка» (В. Молчанов), «Везёлка», «Донец» (С. Постолов), «С берегов Донца» (В. Белов) и др.

В. Молчанов создаёт цикл стихов под общим названием «Русская окраина», заглавие каждого текста топонимично.

Белгородские поэты обращаются и к истории своего края. В их поэтических текстах запечатлено основное историческое событие, связанное с Белогорьем – «Прохоровское сражение» В. Белова, «Прохоровка. 12 июля 1943 года» И. Чернухина и др. Особое место в создании историко-культурологического пространства занимает творчество И. Чернухина. Его поэма «Бел-город» – это документальная история Белогорья в стихах:

*Застучали топоры
У горючей Бел-горы...*

Культурологическое пространство у поэтов-белгородцев достаточно мощное. Оно складывается из общего и белгородского культурологического пространства. Белгородские поэты обращаются к великим или знаменитым русским поэтам и писателям: В. Белов – к Пушкину («Но завтра солнце, день чудесный»). В его поэтических текстах оживают образы С. Есенина, Н. Некрасова, Н. Гоголя, Н. Рубцова. В. Молчанов один из своих текстов называет «Сергею Есенину». Этот автор обращается к поэзии не только русских поэтов, но пытается осмыслить и понять поэзию Гарсии Лорки («Гарсия Лорка»).

Для Г. Островского любимым поэтом является А. Блок, которому он посвящает текст «А. Блок». А. Блок для него поэт «недостижимых тайн творчества» и «непостижимых истин». Этот поэт также пытается осмыслить гениально-мыслительную душу А. Пушкина и его величественное творческое дарование.

Поэт А. Филатов, которому по миропониманию и эмоциональному фону близок Н. рубцов, погружается в его поэтический мир и находит много общего и близкого для себя у Н. Рубцова.

В стихах этого поэта присутствуют наши знаменитые земляки – есть посвящения «Щепкину», «Раевскому».

И. Чернухин ведёт диалог с Л. Толстым о смысле бытия – «У могилы Толстого».

Опознаваемо в поэтических текстах белгородских поэтов пространство быта, для которого характерны подробная детализация: В. Белов «По гвоздям сосед постукал – схоронили их двоих», «Рыбу брал, искал коренья, чтоб спокойны были сны», И. Чернухин «В больнице», «Учитель», «Уборщица»:

*В общежитии рабочем тихо –
Нет ни танцев, ни песен, ни лекций.
Всем известно у старой Тихоновны
Снова плохо сегодня с сердцем.*

Центром бытийного пространства является пространство Дома. Это личное, индивидуальное пространство, в котором авторы живут и творят.

Для названия этого закрытого пространства традиционно используются номинанты: дом, хата, изба, хижина. К описанию этого пространства обращаются все белгородские поэты. Специфично у белгородских поэтов то, что это пространство чётко координируется, оно максимально заполнено, а для его номинации используются частотно номинанты: изба и хата, что объясняется тем, что многие белгородские поэты из сельской местности.

*И мчатся, мчатся без возврата,
Туда, где целые миры
Вмещались в проходные хаты
И в деревенские дворы.*

(А. Филатов).

В поэтических текстах чётко выписаны координаты пространства дома: окно, порог, дверь; крыльцо.

*Когда порог переступили
И целовала хлеб ржаной –
Какое новое светило
Взошло под солнцем и луной.*

(А. Филатов).

*Птица знакомая бьётся в окно,
Крылья разбить не боится,
Только окошко забито давно.
Долго не видело птицы.*

(В. Волобуев).

Три белгородских поэта С. Постолов, В. Волобуев и А. Форов близки в описании «малой Родины». Для них она идентифицирована с простым русским человеком, живущим на русской земле. Они создают похожих персонажей, у которых есть мудрости, возросшие из земли русской.

В. Волобуев в своей книге «Посиделки» выделяет цикл «Деревенские этюды», где описывает думы простых русских людей: бабы Дуси, бабы Моти. Этот автор создаёт детализированную картину русского быта. Через лёгкую деревенскую иронию поэт высвечивает любовь автора ко всему, что связано с деревенским укладом:

*Говорила, что под вечер,
Под копной на берегу,
Будешь ждать, когда от речки
Волны света побегут.*

Второй цикл в этой книге назван «Мой неприметный хуторок», который есть начало авторских вдохновений и душевных исканий:

*Когда судьба завертит лихо,
Когда устанешь от дорог,
Опять меня встречает тихо
Мой неприметный хуторок.*

В «хуторском» пространстве автор встретил свою первую любовь:

*Я принес тебе белую лилию,
Длинный стебель влача по траве,
Благо лилий таких изобилие
Разрослось на ночной синеве.*

Поэт стал городским человеком, но он тоскует по своему хутору.

Скошенное поле – это метафористический образ русской деревни, разрушающейся и погибающей. Это разрушение вызывает у В. Волобуева печаль и тоску:

*Всюду запустение, скошено и сгнило
Всё, что возрастало, колос или храм,
Лишь осталось поля вековая сила,
Что ещё послужит неразумным нам.*

А. Форов в своей книге «Боль» создаёт образ «тихого края» – своей малой Родины:

*Окунуть в тихий край,
и как будто мне видится снова:
сонный лес у реки,
деревушка с распахнутым лугом.*

Образ поля русского – это главная доминанта пространства «малой родины», оно вдохновляет автора, заполняет его душу теплом:

*Поле одинокое,
Небушко широкое,
Песня журавлиная,
Да такая длинная.*

А. Форов с особым теплом пишет о русской женщине и о природе своего края, куда автору хочется возвратиться – в свою Топлинку, Никольское, где осталась его юность, которая для него «Русь былинная»:

*Почему меня тянет туда?
Может там моя юность осталась?
Или там голубая мечта
В мое сердце навеки всосалась.*

С. Постолов – это автор, который хорошо знает и глубоко любит русскую деревню, её людей и природу. Самые яркие художественные образы возникают в его стихах о «малой Родине». В них появляется изысканность и изящество:

*Ляжет снег на землю крепко,
Река вымерзнет до дна.
Словно сказочная репка –
В небе вырастет луна.*

Особую симпатию вызывают стихи о людях деревни, написанные автором с большой любовью и горечью, с большой страстью и болью:

*Ушёл на пенсию Егор,
А был он – кузнецом.
Так завершился давний спор
Логическим концом.*

*Я зримо помню с детских лет
Багровых слов огни:
«У нас незаменимых нет!»
Неправда, есть они.*

Чётко идентифицируется в поэтических текстах белгородцев пейзажное пространство, наиболее удивительное среди других пространств. Это максимальная узнаваемость возникает по названию и описанию водных пространств Белогорья.

Не случайно вторая книга стихов А. Гирявенко названа «У Тихой сосны». Река Тихая сосна для А. Гирявенко – самое близкое и дорогое место на земле, она многоцветна, мозаична, манит к себе:

*Взблескивая волнами в тумане сна,
Словно рыбьей серебряной чешуею,
Льётся речка Тихая сосна
Тихой речонкой под меловой горою.*

А. Гирявенко – поэт с максимальной точностью детально исследует мир растений, знакомит читателей с белгородской фауной, которая в его стихах представлена подробно, живописно и многообразно:

*Бродил я и кланялся весело
Дубовикам крутобоком...
Тмин, медовник, иван-чай
Валяются с поклоном
Не цветы – зелёный чай,
Чудный чай зелёный.*

Пейзажное пространство Белогорья узнаваемо, прежде всего, когда автор обращается к доминирующей детали белгородского пейзажа – холмам, которые В. Молчанов удивительно нежно называет горушки.

*Вдали не горы – горушки,
А на речном мыске
Утята чистят пёрышки,
На маленьком брюшке.*

Г. Островский свою поэму назвал «Белый холмик», который стал для него символом духовной высоты и чистоты:

*И все дома –
Как будто вымерли вдали
От обжигающего света,
И выше не было холма, –
И выше не было земли,
Чем, неприкаянная эта...*

Идентификаторами пейзажного пространства являются также сады, поля, просторы:

*Ветер осенний крадёт по-лисьи,
Холодом веет в садах,
Пока ещё осень и редкие листья,
Дрожат на уснувших ветвях.*

(В. Кобзарь).

Все белгородские поэты хорошо знают и любят русскую деревню, её людей, природу. В их стихах мы находим яркие поэтические краски, свежие художественные образы, им близки и понятны проблемы деревенской жизни.

Важно осознавать: современная белгородская поэзия – это своеобразный и по-своему уникальный художественный мир, разумеется, эстетизируемый авторами, но имеющий тонкую и сложную взаимосвязь между текстом и затекстовой действительностью – прошлой и нынешней реальной жизнью нашего края.

4.3. Топонимы как культурные маркеры пространства «малой родины»

4.3.1. Экспрессивный потенциал топонимической лексики

Топонимы составляют значительную часть ономастической лексики. Их число очень велико на любой освоенной человеком территории; топонимия Земли насчитывает миллионы единиц. Наука о географических наименованиях развивается в тесном взаимодействии с историей, географией, этнографией, картографией, поэтому исследование топонимики способствует восстановлению фактов истории народа, границ расселения, области раннего распространения языков, географии культурного и экономического центров.

Проблемам поэтической топонимики, а именно вопросу о стилистических возможностях топонимической лексики в лингвистической литературе внимание уделяется, на наш взгляд, недостаточно. Отдельные замечания находим в работе И.Б. Голуб, описанию топонимической системы в текстах М. Цветаевой, К.Г. Паустовского, А.Т. Твардовского посвящены статьи М.В. Горбаневского (Голуб 1997; Горбаневский 1988), проблемы поэтической топонимики находят отражение в работах Г.Ф. Ковалева, М.Э. Рут, О.И. Фоняковой, В.К. Харченко и некоторых других исследователей (Ковалев 2004; Рут 2008; Фонякова 1990; Харченко 1998).

Как известно, топонимическая лексика является более «содержательной» по своей семантике, так как обладает богатыми традициями: издавна существовала тенденция привязать наименование места к какому-нибудь лицу или событию; в семантике она, таким образом, сконцентрированы лингвистические (речевые) и экстралингвистические (смысловый компонент, содержащий важную информацию) сведения. Смысловой компонент оказывается существенным, поскольку отчасти проливает свет на историю развития областей, на их культурно-исторические и естественно-географические особенности и т.п. Таким образом, географическое наименование обладает богатым ассоциативным фоном, что и позволяет говорить о выразительных возможностях тополексем.

В настоящее время существенным оказывается то, что та или иная топонимическая ассоциация в нашем сознании с определенной исторической эпохой, лицом, сыгравшим свою роль в истории. Это значит, что топонимы в художественной речи, помимо своего основного номинативного значения, обогащены добавочными смыслами, обусловленными, с одной стороны, ассоциативным фоном, с другой, авторским эмоционально-оценочным восприятием. Топонимы в поэтических текстах различных авторов выполняют и другие разнообразные функции. Укажем некоторые основные типы функций, играющие активную роль в осуществлении авторских замыслов.

1. Наиболее эффективна функция художественно-образной характеристики объекта наименования, причем здесь возможны следующие разновидности:

- топоним содержит во внутренней форме характеристику или определенную оценку какого-либо свойства объекта наименования;
- топоним создает общее оценочное представление об объекте наименования, выражает какое-либо эмоционально-окрашенное отношение автора к объекту, подчеркивает комизм ситуации и т.п., но без ассоциации внутренней формы или звуковой стороны наименования с какими-либо его отличительными особенностями или признаками. Но также с помощью таких топонимов писатели могут и не выражать своего отношения к объекту наименования, а лишь объективно отражать действительность;
- морфологической структурой топонима, способом наименования и другими признаками может быть подчеркнут социальный статус объекта наименования.

2. Четко выделяются функции «готовых» топонимов (по преимуществу исторических, мифологических или литературных) – выражать определенные комплексы идей или отдельные мысли обобщенного, часто публицистического характера, высказываемые писателем или его персонажем.

3. Топонимы различных типов способны создавать в произведении исторический и национальный колорит. Они являются необходимыми штрихами, воспроизводящими реальную жизнь.

Названные функции и их более частные разновидности могут сочетаться в пределах одного топонима. Все они опираются на практику употребления собственных имен в народной речи. Характер использования их в художественной литературе исторически обусловлен. Каждый из писателей употребляет топонимы в соответствии со своим творческим методом, конкретными идейно-художественными задачами в том или ином произведении. На употреблении топонимов лежит печать определенной эпохи, литературного направления, отражается влияние мировоззрения, классовой позиции писателя, таким образом, одно и то же имя может служить разным целям.

Следует отметить, что «плотность культурных знаков» в художественных текстах различная, что определяется жанром исследуемого текста, лингвистической эрудицией писателя, определенной целеустановкой. Однако богатство в большинстве случаев достигается не за счет количества, а

за счет разнообразия приемов использования. Безусловно, автор стремится не только к художественности, но и топонимической точности, поскольку это «стремление к правде, обеспечение информационной надежности текста» [Харченко 1998: 28].

Топонимы составляют значительный по количеству пласт лексики, представляют собой своеобразную подсистему имен собственных и являются более «содержательными», чем имена живых существ, особенно людей, поскольку издавна существовала традиция «привязать» название места к какому-либо лицу или событию. Поэтому за каждым из географических названий стоит эпоха, традиция, жизнь нации, историческое лицо. Еще более выразительными и информативными становятся топонимы в поэтических текстах.

*Богата Русь Мариями, Иванами –
Так повелось уж испокон веков.
Богата Русь невучими названьями
И городов, и сел, и хуторов.
Названья будто мастер все выстругивал,
Именовал, вздохнувши от сохи:
Деревня под яругой – Подъяруги,
Деревня под ольхою – Подольхи.
Слова рождались все живые и разумные,
Ядреные, хоть пробуй их на зуб:
Ольшанка, Правороть, Шипы и Думное,
Гремучий, Вязовое, Редкодуб...*

(В. Чурсин).

4.3.2. «Названья будто мастер все выстругивал...» (Топонимы в поэзии Центрального Черноземья)

Реалистическая литература изображает типические явления жизни и характеры в типических обстоятельствах. Ей свойственно воспроизведение событий в рамках определенного пространства и времени. В творчестве поэтов Белгородчины особое место отводится нашему краю.

В общем смысловом объеме исследованного материала, опубликованного за последние десятилетия, отражены обычные общечеловеческие мысли, идеи. И.Я. Чернухина полагает, что «специфических темпоральных указателей как будто бы нет, однако то общее, что пережило общество за последние десятилетия, отражается в виде трех хронологических обозначений, связанных с военными действиями, боями в Афганистане и современными горячими точками» [Чернухина 1982: 18].

Первый план отражен в стихотворениях самих участников Великой Отечественной войны (Кузубов Л., Кривцов А., Мамонтов К. и др.), а также в произведениях авторов второго поколения. Второй план – события в Афганистане – отражен в публикациях таких поэтов, как Н. Грищенко, В. Чер-

кесов, В. Федоров-Клементьев и др. В поэзии Центрального Черноземья нашли отражение многие современные события.

Понятие Родины и родной природы у большей части поэтов Черноземья связано с Россией, причем здесь темпоральные характеристики у всех авторов приблизительно одинаковые. Лишь в отдельных случаях видим поиски понимания того, что мы живем в очень сложное, в какой-то степени двойственное время.

*Повернулось ли время вспять
Или что-то случилось в мире?
Я уже не могу молчать,
Я глаза открываю шире.
Пролетая над миром, мгновенья
Открывают для нас имена,
Пониманья ищут, объясненья
В эти двойственные времена*
(А. Малахов).

Особое место в ряду географических названий занимают номинации Русь, Россия, Родина, Отчизна, которые в любом литературном произведении несут особую смысловую нагрузку, обладают богатым ассоциативным фоном:

*У каждого из нас своя Россия,
Свои деревни, села, города.
Одна судьба нас связывает с ними
И Родина – Россия навсегда.*
(Н. Молчанов).

В стихотворениях авторов Центрального Черноземья чаще встречается топонимическая лексика Белгородской области, поскольку поэты, как правило, посвящают свои тексты теме Родного края:

*Или музыка слов, уникальных, насыщенных смыслов:
Ровеньки, Волоконовка, Грайворон, Губкин, Хотмыжск,
А легенда о Ворскле! А Нежеголь в ритме струистом!
Плюс кувшинки, стрекозы, чирки, элодея, камыш.*
(В. Харченко).

Поэты употребляют не только названия крупных европейских центров, но и маленьких, не всем известных городов, используют названия рек, морей, памятников искусства, культуры.

*Из-под Тулы, из Москвы, Орла и Шацка,
Из Одоева, Коломны и Путивля
Шел народ сюда работный и служилый –
Кто «по выбору», кто волею своею...*
(В. Колесник).

подавляющее большинство географических названий в поэтических текстах выполняет номинативную функцию, поскольку использованные топонимы отражают связь с реальной действительностью, создают правдивую картину действительности:

*Когда б ни приехал зимою ты, летом
В Грайворон, в Ивню, в Оскол, в Ровеньки,
Душевно и щедро всегда тебя встретят
Добрые сердцем мои земляки*
(К. Зуев).

Употребление географических названий обусловлено содержанием изображаемых событий или спецификой объектов: конкретизация движения в пространстве (куда? откуда?), показ особенностей объектов. В подобных контекстах топонимы выступают в своей основной функции – выделяют географический объект и соотносят с ним изображаемые в поэтическом тексте события.

Кроме основной функции, топонимы в тексте стихотворения могут приобретать характерологическое значение, раскрывая различные стороны называемого ими объекта, что весьма важно в познавательном отношении, так как содержание и форма географического объекта могут исторически изменяться и в различные периоды могут быть различными.

Географические названия Белгородчины служили не только средством пространственной ориентации, характеристики объекта, но и могли получать эмоционально-эстетическую оценку, в которой передавалась и неповторимая прелесть белгородских мест и выражалось отношение автора к изображаемому:

*А речка Нежеголь, такая нежная,
Бежит по камушкам издалика*
(К. Зуев).

Издревле славится Русская Земля великолепием белокаменных и златоглавых храмов. Зодчие воплотили в них дух нашего народа и всю его историю. Красота соборов – красота России. Известно, что наименование населенных пунктов по названиям церквей или религиозных праздников достигло известной продуктивности лишь в XIX веке.

*Звонят к заутрене в Покровском
равно – рабу и палачу,
и вновь, бессонницей исхлестан,
себя молчанию учу...*

(В. Федоров-Клементьев).

Ойконимы, то есть названия населенных пунктов, использованные в поэтических текстах, достаточно разнообразны по семантике образующих основ. Так, целый ряд контекстов содержит ойконимы, отражающие естественно-географические особенности Белгородской области, разнообразие ее природных условий, животного и растительного мира; топонимы, источником образования которых стали личные имена; некоторые использованные номинации отражают древние славянские топомодели и представляют собой производные названия от гидронимов неясной семантики (с. Таволжанка – р. Таволжанка, с. Короча – р. Короча и др.):

*Город Губкин, город Губкин –
Все железные холмы.*

*При красавицах голубках
Парни – крепкие орлы*
(В. Белов).

*...А все-таки прошлого жалко,
В себе оно много таит.
В бору, как в большом полушалке,
Село Таволжанка стоит*
(В. Молчанов).

Описание исторических фактов, интересных сведений, относящихся к далекому прошлому, сражений, важных для нашей земли, также находят отражение в поэзии. В стихотворении К.Н. Зуева «Валуйки» река Валуй выступает в роли защитника своих берегов от вражеских набегов, олицетворяя храброго, смелого и отважного воина:

*Вспоминаю я, как шли хазары,
Как татары шли ордой,
Как Валуй держал удары
И смывал их всех волной*
(К. Зуев).

Известно, что поэты всегда стремились найти оригинальные описательные конструкции, приемы изображения, образы, тропы и стилистические фигуры. Любопытно использование гидронимов в фигуре олицетворения:

*Отполирован гранит у реки,
Везелке унылой не снилось такое...*
(В. Харченко).

Приемы использования топонимических номинаций весьма разнообразны: наблюдаем содержательные и семантически значимые наименования, причем авторы дают характеристику топонимам по семантике образующих основ, включая свои рассуждения в художественный текст. Строки В. Чурсина содержат семантическую характеристику ойконима-фитонима (Подольхи) и названия, отражающего естественно-географические особенности нашей области (Подъяруги):

*Названья будто мастер все выстругивал,
Именовал, вдохнувши от сохи:
Деревня под яругой – Подъяруги,
Деревня под ольхою – Подольхи*
(В. Чурсин).

Другой автор связывает географическое название с событием из собственной жизни:

*Как мне жаль, что нас с тобой, весенняя,
Разделила станция Раздельная*
(В. Молчанов).

Иногда поэты отрицают связь номинации с семантикой образующих основ:

*Идеи высосав из пальца,
Повсюду ищем мы врагов.
А хутор Заячий – без зайцев,
А Луговое – без лугов*

(В. Молчанов).

Авторы, произведения которых явились опорными для исследования, – россияне, связанные преимущественно с южно-русскими областями, прошедшие практически одну и ту же лингвистическую школу. В силу этого достаточно часто их произведения тематически близки, приемы художественного письма в известной степени схожи. Топонимическая лексика связана преимущественно с названиями Белгородской области. Лишь в некоторых случаях встречаем европейские названия. В целом местные топонимы помогают более конкретно создать зарисовку географической среды и отчасти проливают свет на историю развития селений, на их естественно-географические и культурно-исторические особенности, причем степень авторской привязанности оказывается очевидной и поэтически весомой.

*Я покажу тебе, друг, Волоконовку,
Поселок Пятницкий, станцию Рай.
Медку покушаем с нашей антоновкой,
И ты полюбишь мой чудесный край...*

(К. Зуев).

Тематическое разделение интересующего нас материала показывает, что внимание авторов направлено прежде всего на современность, прошлое отражается в стихотворениях о Великой Отечественной войне. К далекому прошлому России и к материалам по зарубежным странам наши авторы почти не обращаются.

4.3.3. Источники порождения топонимических номинаций

Вопрос об ассоциативном поле имени достаточно подробно описан в исследовании Т.Е. Никольской. Автор выделяет лингвистические (фонетическое сходство, этимология имени, словопроизводственные отношения имени и т.п.) и внелингвистические (исторические, политические, литературные, сценические знания говорящих, характеристика субъективных качеств, внешность и визуально-динамический образ, социально временная оценка) ассоциации (Никольская 1998).

В художественной речи нередко наблюдаем явление, когда для обозначения одного объекта привлекаются к повествованию различные номинации – монологические, бинарные образования и композиты (многокомпонентные структуры). В лингвистической литературе это явление называется по-разному: полионимия, или многоименность (Н.В. Подольская), полинимия, или имена-эквиваленты (Р.У. Таич), перифрастические замены (С.Я. Макарова) (Макарова 1987; Подольская 1978; Таич 1970).

Система ономастических номинаций, образующих полинимический ряд, позволяет рассмотреть достаточно богатый спектр ассоциаций, на основании которых и возникают имена-эквиваленты. Не вызывает сомнения, что такие созданные авторами номинации являются стилистически значимыми, ассоциативно богатыми, поскольку, помимо своей основной функции – быть средством пространственной ориентации, могут выполнять информативную, образную, отражать отношение автора к изображаемому, раскрывать определенное авторское мировоззрение.

Особый интерес в этом смысле представляют различные типы топонимических номинаций, поскольку каждая из них отражает желание автора подчеркнуть определенный факт, вызвать определенные представления, ассоциативные связи.

Понятно, что количество созданных автором имен определяется богатством ассоциативного фона наименования. Белгород, Губкин, Короча, Оскол, Северский Донец, Нежеголь... У жителей Центрального Черноземья эти номинации вызывают определенный спектр представлений, что и позволяет авторам Центрального Черноземья создавать ряд имен-эквивалентов:

*...И поднялись города
Перед полем диким –
Белый город, да Оскол,
да Валуйка-крепость...*

(В. Колесник).

Источником порождения описательных номинаций, как правило, являются ассоциации нелингвистического характера. Так, имя-эквивалент часто содержит указание на историю возникновения наименования географического объекта:

*Что за белым тем холмом?
Горы меловые,
Или Белый город-дом,
Или клад России?..*

(И. Чернухин).

Особый интерес представляют номинации-описания, более сложные по структуре, содержащие в себе богатый объем нелингвистической информации. В таких наименованиях отражены история географического объекта, его величие и значимость, авторское отношение, оценка, мощь изображаемого географического объекта, роль географического объекта в развитии культуры и жизни нации в целом.

Русь – Россия, великая, Святая, большая наша, земля Большая, сердцу милая страна (В. Колесник, К. Зуев, В. Федоров и др.).

Белгород – герой, Белгородская земля, мой Белый город, богатырь-герой из русской сказки, Белый город-дом, клад России (К. Зуев, Г. Островский, В. Федоров).

Шебекино – город-труженик, город-солдат, город-сад (К. Зуев).

Грайворон – город маленький, старинный, назван так царем Петром (К. Зуев).

Короча – город милый, мой родной, большая наша Русь (К. Зуев);

Валуйки – страна чудес, подаренная Богом, Валуй, Валуйка-крепость (К. Зуев).

Волоконовка – родной мой, милый край (К. Зуев).

Краткая характеристика описательных номинаций позволяет считать, что имена-эквиваленты могут «говорить» различными ассоциациями, как правило, нелингвистического характера. В подобных случаях, видимо, следует видеть «сознательный авторский расчет» на тот или иной ассоциативный компонент. Создание описательных топонимических номинаций – процесс творческого, сознательного выбора и поиска, и, что самое важное, именно такие описательные конструкции заставляют нас помнить о главном: об истории Отечества, о роли той или иной личности в истории, развитии культуры и жизни общества в целом.

4.3.4. Географические номинации в лексикографической практике

Соотнесенности имени с референтом, выявлению номинативной функции имени собственного, как и любого имени вообще, уделяется внимание почти во всех словарях, однако в последние десятилетия усилился интерес к исследованию ономастической лексики. Свидетельством тому могут служить многочисленные справочники по топонимике, антропонимические словари. В идеале каждой ветви общего древа имен собственных должен соответствовать специализированный словарь, и не один.

Усилился интерес лексикографов к личным именам в составе художественных текстов. Большинство работ строится в плане наблюдения над своеобразием выбора и употребления имен собственных в творчестве того или иного автора или в конкретном произведении. В таких лексикографических сводках раскрываются секреты выразительности ономастической лексики.

Информацию об основных критериях составления подобных словарей находим в публикации Р.У. Таич «Опыт антропонимического словаря писателя» [Таич 1970: 314-319].

Важное место, безусловно, займет описание краеведческого материала, поэтических строк, благодаря которым топоним входит в сокровищницу имен собственных, становясь опозитизированным топонимом.

Словарная статья в подобных словарях должна содержать следующие характеристики: краткая характеристика референта, соотносимого с указанным именем, тип онима; этимологическая справка (семантика производящей основы); характеристика структуры онима; характеристика минимального контекста; стилистические особенности; функция имени собственного; имена-эквиваленты.

Фрагмент краеведческого словаря

ВОРСКЛА – река, протекающая, главным образом, по территории Украины, левый приток Днепра. На Ворскле – города Грайворон, Полтава, Кобеляки.

Гидроним. Монолексемное образование.

Воспета в поэтических строках Геннадием Островским, Татьяной Олейниковой, Виктором Беловым, Татьяной Рыжовой и др.

*Голубая моя, голубая,
Удивительных красок вода
(Т. Олейникова);*

..

*Снежно стелются туманы, По-над Ворсклою-рекой
(Г. Островский);*

*Или музыка слов, уникальных, насыщенных смыслов:
Ровеньки, Волоконовка, Грайворон, Губкин, Хотмыжск!
А легенда о Ворскле! А Нежеголь в ритме струистом!
Плюс кувшинки, стрекозы, чирки, элодея, камыш...
(В. Харченко)*

КАПИТАНСКИЙ МОСТИК – пруд, расположенный в одном из сел Белгородской области. Гидроним. Бинарное наименование.

Поэтические строки Веры Харченко отражают легенду о происхождении номинации:

*Так называется (или зовется) пруд в небольшом селе.
Когда-то моряк отставной в селе прибыл дни свои доживать,
Но взгляд возвращался к морю, в зеркальность бездонно-страшную.
Говорят: кто там не бывал – тот и богу, считай, не молился.
Я вспомню еще, как на рынке приехавшая из Архангельска
На рыбу взглянула-вдохнула: сколько гибнет ловцов той рыбы!
Но море живых своих слуг в плену своем держит тоже,
Чаруя, волнуясь во сне, качая походку и память.
И лоно, пусть даже пруда, – тянуло стоять и смотреть
(На мостике капитанском величественно и повелительно!)
Клонились к воде ракиты, весь пруд окружая браслетом,
Кувшинки, за дно цепляясь, расцветали на зеркале темном
Охристо-желтым сервизом, а матрос все работал заступом,
Насыть делая, строя перильца, укрепляя свой новый причал.
Так возник капитанский мостик, так и пруд потом стал называться,
Так селу подарил он легенду и перильца – жизни своей
(В. Харченко).*

СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ – река в Европейской части России, правый приток Дона.

Гидроним. Бинарное наименование. Название связано с рекой Дон. Оним вошел в сокровищницу имен собственных благодаря Владимиру Молчанову, Виктору Белову и др.

*С берегов Донца шлю привет Хопру,
Каждой вербочке да кувшиночке*
(В. Белов);

*Знать, потому блестит, как ратный меч,
Наш Северский Донец*
(В. Белов);

*Когда, когда же, наконец,
И я вернусь туда, где Нежеголь
Впадает в Северский Донец*
(В. Молчанов).

ТИХАЯ СОСНА – река в России.

Гидроним. Бинарное наименование естественно-географического характера. Воспета в поэтических строках Игоря Чернухина, Владимира Молчанова, Константина Зуева и др.

*Над Тихой Сосной – соловьи
И сад с голубою порошей*
(И. Чернухин);

*Дождь стучит по окну,
Не кончается,
Через Тихую Сосну
Мост качается*
(В. Молчанов).

ХОПЕР – река в Европейской части России, левый приток Дона.

Гидроним. Монолексемное образование.

В художественной речи поэтом Хопра можно назвать Виктора Белова, благодаря которому гидроним стал опоэтизированным, обогатил сокровищницу имен собственных русского языка.

*У Хопра средь лодок, весел...
Прожил дедушка Максим*
(В. Белов);
Темнел Хопер в притихших берегах
(В. Белов).

Построение словарных статей в словарях подобного рода может быть и несколько иным, однако важно указать особенности использования имен собственных в творчестве того или иного автора или в конкретном произведении.

Предложенная модель словаря краеведческого материала необходима в качестве лексикографических форм классификации огромного многообразия поэтического ономастикона.

Топонимическая лексика в текстах авторов Центрального Черноземья используется преимущественно с номинативной функцией и отражает связь наименования с реальной действительностью. Местные топонимы помога-

ют более конкретно создать зарисовку географической среды и отчасти проливают свет на историю развития селений, на их естественно-географические и культурно-исторические особенности, причем степень авторской привязанности оказывается очевидной и поэтически весомой.

В центре внимания исследования были строки, где они находятся в сильной позиции, то есть является поэтически выделенным, следовательно, ему подчинено повествование или описание.

Большее количество топонимов «живет» в строках белгородских авторов, чаще всего они являются названиями сел, городов, географических объектов Белгородской области. Важное место в произведениях поэтов занимает описание краеведческого материала, благодаря чему он становится опозитизированным; кроме того, многие названия, которые исчезли из повседневного употребления, сохранены именно в поэтических строках.

Исследуя пространство Родины в текстах белгородских поэтов, мы пришли к следующим выводам:

- для белгородских поэтов пространство Родины является доминирующим в пространственной картине мира;
- для номинирования пространства поэты используют чаще всего имена существительные: *Русь, Россия, страна, держава*;
- выбор номинанта помогает понять авторскую позицию, а именно – его гражданскую и нравственную позицию;
- авторский идеал – это Русь православная, сильная держава, имеющая великую культуру и традиции, Россия современная – это страна, утратившая культуру, гражданственность, поэтому всё, что происходит сейчас на их Родине, вызывает боль и страдание;
- белгородские поэты занимают активную гражданскую позицию, открыто говорят о ней, они не принимают современное политическое и культурное устройство России, что проявляется в эмотивных структурах текстов через репрезентацию эмоциональных состояний;
- авторы упоминают топонимы в качестве обозначения места разворачивания действия и представляют название той местности, природу которой они описывают;
- имя – это целый спектр семантических ассоциаций и смыслов; описание лишь части авторских номинаций, использованных в художественной речи, убеждает нас в том, что такие топонимы несут богатую информацию, обладают определенным ассоциативным фоном, за каждой из таких номинаций стоит эпоха, традиции, жизнь нации, историческое лицо.

Список использованной литературы

1. Белов В.И. Жизнь земная: стихи, поэмы, баллады. – Белгород: Белгородская областная типография, 2008. – 320 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.
3. Волобуев В.Н. Посиделки: Деревенская лирика. – Белгород: Издательский дом «В.Шаповалов», 2011 – 72 с.

4. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис, 1999.
5. Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды – М.: Изд-во МГУ, 1988.
6. Дьяченко М. Вечерняя песня: лирика. – Белгород: Константа, 2009. – 118 с.
7. Ковалев Г.Ф. Писатель. Имя. Текст. Воронеж: ВГУ, 2004.
8. Макарова С.Я. Перифрастические замены личных имен. // Русская ономастика, 1987.
9. Молчанов В.Е. Звени, осенняя строка...: Стихотворения. – Белгород: Константа, 2007. – 352 с.
10. Никольская Т. Е. Ассоциативное поле личного имени // Семантика языковых единиц: Доклады IV Международной конференции. Ч. 1. – М., 1998.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов/ Прод ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под общ. ред. Проф. Л.И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. – 1328 с.
13. Островский Г.В. На единственной земле. Стихотворение и поэма. – Белгород: Крестьянское дело, 2000. – 160 с.
14. Осыков А.И. Долг земной: стихи. – Белгород: Константа, 2007. – 108 с.
15. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978.
16. Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
17. Савин П. Стихотворения: стихи / П.И. Савин – Белгород. Константа. 2009 – 424 с.
18. Смирнов И.П. Порождение интертекста: элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака. – СПб, 1995, 190 с.
19. Таич Р.У. Опыт антропонимического словаря писателя // Антропонимика / Ред. В.А. Никонов, А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1970.
20. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие. – Л., 1990.
21. Харченко В.К. Писатель Сергей Есин: язык и стиль: монография. – М.: Современ. писатель, 1998.
22. Чернухина И.Я. Лингвистический анализ русской поэтической речи / И. Я. Чернухина. – Воронеж: ВГУ, 1982. – 198 с.
23. Чернухин И.А. Город надежды: книга стихов. – Белгород: ОАО «Белгородская областная типография», 2006. – 320 с.

Глава V
**ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЛИНГВОРЕГИОНОВЕДЕНИЯ**

5.1. Понятие о лингворегионоведческой компетенции

В современном государственном стандарте образования выделяются три уровня: федеральный, национально-региональный и школьный. Национально-региональный компонент стандарта определяют те нормативы в области родного языка и литературы, истории, географии и др., которые относятся к компетенции регионов. Разработка содержания и путей реализации регионального компонента предмета «русский язык» является одной из актуальных проблем методики преподавания русского языка.

Национально-региональный компонент государственного образовательного стандарта по русскому языку включает в себя два аспекта.

Во-первых, национально-культурный аспект, который является обязательной частью курса русского языка и который должен обеспечить приобщение учащихся к общекультурным и национально значимым ценностям, осмысление школьниками национального своеобразия родного языка. Национально-культурный компонент рассматривается учеными как «один из инструментов реализации национального образования, защиты национальных культур и традиций. Он призван обеспечить личности возможности самоидентификации как представителя того или иного этноса, установление духовной связи между собой и своим народом, призван формировать чувство принадлежности к национальной культуре, национальное самосознание и в то же время общероссийское гражданское сознание» [Быстрова 1999: 43].

Во-вторых, региональный аспект, который обеспечивает осмысление учащимися языковых фактов, специфичных для того или иного региона России. Введение регионального компонента отражает тенденцию к демократизации в сфере образования, разделение функций управлением между федерацией и регионами и, следовательно, изменения в содержании образования. Региональная составляющая стандарта образования отражает природные, экономические, экологические, социокультурные и другие особенности региона, а также включает воспитание у учащихся любви к «малой родине».

Средством формирования национально-регионального компонента в обучении русскому языку признается компетентностный подход, в соответствии с которым цели обучения описаны на основе выделения ряда компетенций.

Введение понятия «компетенция» в методику преподавания русского языка в школе связано с поисками более точного, строгого определения целей обучения, с выявлением уровней владения языком.

Согласно определению, которое дается в новейшем «Лингводидактическом энциклопедическом словаре», компетенция – это «совокупность знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения какой-либо деятельности на основе приобретенных знаний, навыков, умений» [ЛЭС 2007: 119].

Исходя из такого понимания компетенций, описание их включает в себя: 1) знания, которые должны быть усвоены; 2) умения и навыки, которые должны быть сформированы. Однако в процессе обучения русскому языку решаются задачи не только обучения, но и воспитания. Поэтому целью становится не просто усвоение знаний и формирование умений, но и развитие личности школьника, его интеллектуальных и творческих способностей, ценностных ориентаций. Как справедливо отмечает Е.А. Быстрова, «рассмотрение компетенций в преподавании русского языка в школе обязательно предполагает третий компонент – те цели, которые должны быть достигнуты в развитии личности школьника» [Быстрова 2003: 36].

В теории и практике преподавания русского языка в настоящее время выделяются компетенции: лингвистическая, языковая, коммуникативная, культуроведческая (этнокультуроведческая, социокультурная). В проекте нового образовательного стандарта для начальной школы названы такие компетенции, как предметная, информационная, коммуникативная и социокультурная. Трактовка этих понятий, понимание их содержания и структуры, интерпретация их содержания далеко не однозначны в современной лингводидактике. Остановимся на анализе содержания компетенций каждого типа.

В методической литературе термины «языковая компетенция» и «лингвистическая компетенция» очень часто используются как синонимы. В обучении происходит два процесса: 1) осмысление и преобразование речевого опыта ребенка под влиянием усваиваемых знаний о языке; 2) наполнение и конкретизация знаний о языке материалом речевого опыта. Эти процессы показывают, как тесно переплетаются языковая («речевой опыт») и лингвистическая («знания о языке») компетенции и в речевой деятельности, и в процессе обучения. Это является причиной частого использования этих терминов в качестве синонимов. Однако представляется необходимым разграничение данных понятий, поскольку они отражают разные стороны языка.

Лингвистическая компетенция включает в себя знание основ науки о языке, понятийной базы курса, определенного комплекса понятий (единицы и категории языка: морфема, словосочетание, предложение и т.д.). В формировании лингвистической компетенции большое место занимает также целенаправленное овладение способами действия, обеспечивающими распознавание языковых явлений. Кроме того, лингвистическая компетенция предполагает формирование представлений «о том, как русский язык устро-

ен, что и как в нем изменяется, какие ортологические аспекты являются наиболее острыми, усвоение тех сведений о роли языка в жизни общества и человека, на которых воспитывается постоянный устойчивый интерес к предмету, чувства уважения и любви к русскому языку» [Шанский 1993: 7]. Лингвистическая компетенция включает знание элементов истории науки о русском языке, сведения о выдающихся лингвистах и их работах.

Лингвистическая компетенция является базой для формирования компетенции языковой. Языковая компетенция – способность учащихся употреблять слова, их формы, синтаксические структуры в соответствии с нормами литературного языка, использовать его синонимические средства, в конечном счете – владение богатством языка как условие успешной речевой деятельности. По мнению Е.А. Быстровой, «языковую компетенцию составляет овладение самим языковым материалом. Так, к языковой компетенции относится усвоение звуковой системы языка, средства выражения субъектно-предикативных, определительных, обстоятельственных отношений и т.д.» [Быстрова 2003: 37]. Учащийся владеет языковой компетенцией, если он имеет представление о системе изучаемого языка и может пользоваться этой системой на практике.

Поскольку для владения языком важны умения и навыки употребления тех или иных слов, грамматических конструкций в конкретных условиях общения, то в обучении языку выделяется третий тип компетенции – коммуникативная. Помимо собственно грамматики носитель языка должен усвоить «ситуативную грамматику», которая предписывает использовать язык не только в соответствии со смыслом лексических единиц и правилами их сочетания в предложении, но и в зависимости от характера отношений между говорящим и адресатом, от цели общения и от других факторов, которые в совокупности с собственно языковыми знаниями составляют коммуникативную компетенцию носителя языка.

Коммуникативная компетенция – это способность понимания чужих и порождения собственных программ речевого поведения адекватно целям, сферам и ситуациям общения. Она включает в себя знание основных понятий лингвистики речи (речеведческих понятий) – стили, типы речи, способы связи предложений в тексте, умения и навыки анализа текста. Коммуникативная компетенция – это «овладение всеми видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, умениями и навыками использования языка в различных сферах и ситуациях общения, соответствующих опыту, интересам, психологическим особенностям учащихся основной школы на разных ее этапах» [Обучение русскому языку в школе 2004: 20].

Считаем, что национально-региональный компонент должен реализовать коммуникативность обучения при изучении русского языка. Чтобы учащиеся научились писать и говорить адекватно ситуации, язык должен стать помощником в социальной жизни ученика, который должен иметь возможность использовать усвоенное для выражения своих мыслей, для осуществления своих желаний и стремлений. Процесс формирования ком-

муникативной компетенции будет успешным в том случае, если на уроках русского языка использовать дидактический материал, отражающий природные, экономические, историко- и социокультурные особенности региона, то есть содержащий близкую ученикам тематику и отличающийся коммуникативным содержанием. Учет экстралингвистических условий коммуникации даст возможность учащимся практиковаться в употреблении изучаемого языка в реальных ситуациях.

Формирование коммуникативной компетенции – обучение общению – предполагает формирование культуроведческой компетенции. Дело в том, что «для успешного общения необходимо не только владеть одинаковыми языковыми средствами с собеседником, но и общими содержательными знаниями о мире» [Обучение русскому языку 2004: 12].

Культуроведческая компетенция предполагает «осознание языка как формы выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, владение нормами русского речевого этикета, культурой межнационального общения» [там же: 37]. Формирование этой компетенции в преподавании родного языка – «это постижение национальной культуры своего народа, осознание ее самобытности, формирование одной из важнейших ценностных ориентаций – осознание значимости родного языка в жизни народа, развитие духовно-нравственного мира школьника, его национального самосознания» [Быстрова 2003: 38].

Как отмечает Т.Ф. Новикова, в структуре культуроведческой компетенции языковой личности могут быть выделены:

- **знаниевый компонент**, представляющий собой комплекс основных понятий, актуальных для лингвокультурологии: язык и народ, менталитет, национальные ценности, основные культурно значимые единицы языка: слова с национально-культурным компонентом значения, фразеологизмы, представление о словах-концептах, прецедентных текстах, невербальных сторонах общения; стереотипах и формулах речевого поведения, национального этикета;

- **деятельностный компонент**, под которым предполагается совершенствование умений анализа языковых единиц разных уровней: слов с культурным компонентом, фразеологических оборотов, концептов, текстов, выполнения проектных заданий на лингвистическом материале, развитие навыков уместного употребления национально-маркированных единиц и этикетных формул;

- **мотивационно-ценностный компонент**, заключающийся в осознании родного языка как национальной и личной ценности, мотивированном выборе языковых единиц в письменном и устном общении, развитии навыков самооценки, языковой рефлексии, осознанное стремление к речевому самосовершенствованию [Новикова 2007: 42].

Для обозначения культуроведческой компетенции в методике русского языка используются разные термины: культуроведческая, этнокультуроведческая, культурно-языковая, лингвокультурологическая, социокультурная. Термин «социокультурная компетенция» введен в последнем по време-

ни издания Проекте государственного образовательного стандарта. Именно этот термин нам представляется самым удачным, поскольку более точно отражает содержание данной компетенции.

Выделение социокультурной компетенции в лингводидактике произошло сравнительно недавно. Хотя нельзя не отметить того, что еще Ф.И. Буслаев, К.Д. Ушинский и др. в XIX столетии говорили о неразрывной связи обучения родному языку с усвоением культуры русского народа.

Учет национальных особенностей, обычаев, традиций актуален и для методики преподавания родного языка. Т.К. Донская в работе «Русская национальная школа: проблемы и решения» пишет, что «национальное возрождение России немыслимо без осознания молодым поколением родного языка как национальной святыни, как исторической памяти народа, отражающей самобытность русской культуры, русского национального характера, «духа народа» [Донская 1998: 44].

Социокультурное образование – новый аспект в преподавании школьных предметов, и связан он с необходимостью формирования социокультурной компетенции, что нашло выражение в преамбуле к последнему варианту Государственного образовательного стандарта. Социокультурный подход определяет стратегию изучения языка сквозь призму национальной культуры. Социокультурное образование в процессе изучения родного языка – это процесс и результат учебно-познавательной деятельности школьников, направленной на овладение культурой народа-носителя посредством языка.

Под социокультурной компетенцией понимают не просто владение информацией о непосредственной связи речевой и социокультурной среды, о взаимосвязи развития языка и общества. «Приобретение социокультурной компетенции – это становление представлений человека об окружающем мире. Эти представления и их смыслы, сосредоточенные в структурах сознания, являются единством знания, отношения, ценности и функционирования и образуют специфический этнический национальный образ мыслей» [Кулибина 1991: 34].

Социокультурная компетенция предполагает:

- осознание того, что язык не только средство познания и средство общения, но и форма социальной памяти, «культурный код нации»;
- обучение родному языку на широком культурно-историческом фоне;
- осмысление слова в контексте духовной культуры, целостное восприятие этнокультуры;
- формирование чувства общегражданского самосознания, национальное образование как необходимость духовного оздоровления русской нации;
- умение видеть культурный фон, стоящий за каждой языковой единицей;
- умение обнаруживать в текстах разных стилей национально и регионально значимые лексемы и понимать их роль в тексте;
- знание принятых (в данное время, в данном социуме) форм речевого этикета, а также глубокое осмысленное понимание особенностей речево-

го поведения в зависимости от коммуникативной ситуации и ее слагаемых: цели, времени, места общения, возраста и социальной принадлежности собеседников.

Национально-региональный компонент школьного курса русского языка позволяет отразить как особенности национальной культуры русского народа, так и историческое и культурное своеобразие каждого региона нашей страны. Именно поэтому актуальным становится регионализация языкового образования как составляющая социокультурного в целом. Социокультурный аспект в преподавании родного языка может быть реализован за счет широкого и многоаспектного использования на разных этапах обучения текстов, отражающих особенности национального мышления, национального образа жизни, общественного поведения, речевого поведения и русского менталитета в целом.

В содержание национально-регионального компонента применительно к учебному предмету «русский язык» должен быть включен материал, направленный на формирование социокультурной компетенции учащихся.

Поскольку в самом национально-региональном компоненте выделяют две части (национальный компонент и региональный компонент), то представляется логичным и в структуре социокультурной компетенции выделить отдельные составляющие. Таковыми, на наш взгляд, являются:

– этнокультуроведческая компетенция, которая предполагает осознание языка как формы выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории, языка и менталитета народа. Работа по реализации данной компетенции способствует формированию у учащихся представления о национально-культурной специфике русского языка, формированию русской языковой картины мира. Формирование данного типа компетенции происходит в процессе изучения и анализа этнокультуроведческой лексики и этнокультуроведческих текстов, форм национального этикета;

– межкультурная компетенция предполагает познание культуры русского народа в диалоге культур. «В диалоге «встречаются» русская культура и культура других народов... Каждая культура открывает свои новые стороны и в то же время раскрывает то общее, что объединяет культуры разных народов и людей, говорящих на разных языках» [Обучение русскому языку в школе 2004: 66]. Этот путь реализации культуроведческого аспекта предполагает осуществление средствами русского языка межкультурной коммуникации, знакомство с инонациональными культурами и языками. Формирования межкультурной компетенции может осуществляться посредством специально подобранных текстов, знакомящих школьников с обычаями и традициями, культурой других народов, с пословицами, поговорками, фразеологизмами других этносов;

– краеведческая компетенция – это система знаний о культуре, обычаях, традициях «малой родины», извлеченная из текстов краеведческой

тематики. Формирование данной компетенции происходит в процессе использования на уроках русского языка краеведческих текстов, а также при изучении и анализе слов краеведческой тематики.

В плане нашего исследования возможно выделение нового типа компетенции – лингворегионоведческой.

По нашему мнению, лингворегионоведческая компетенция предполагает осознание связи языка с историей и культурой региона. Это система знаний о культуре, истории, обычаях и традициях «малой» родины, извлеченная из регионально маркированных языковых единиц. Становление этого вида компетенции происходит в процессе знакомства с лингвокраеведением (диалектной речью, региональной ономастикой, фольклором и т.п.). Формирование лингвокраеведческой компетенции предполагает организацию наблюдений за языковыми особенностями региона, обогащение словаря учащихся региональной лексикой, развитие умений и навыков использования такой лексики в собственных высказываниях, в различных коммуникативных ситуациях;

Этнокультуроведческая и межкультурная компетенция входят в структуру национального компонента обучения русскому языку, а лингворегионоведческая и краеведческая компетенции – в структуру регионального компонента.

Т.Ф. Новикова считает необходимым выделение регионоведческой и лингворегионоведческой компетенций как частного проявления лингвосциокультурной компетенции в «пространстве» языковой, лингвистической, коммуникативной и культуроведческой компетенции. Специальные термины «регионоведческая компетенция» и «лингворегионоведческая компетенция» мы рассматриваем в качестве конкретизированных целей преподавания русского языка с включением РК.

Регионоведческая компетенция (РВК) – понятие не однопорядковое с принятыми в школе языковедческой, лингвистической, коммуникативной и культуроведческой компетенциями, это особый вид интегративной, межпредметной компетенции, являющейся целью всех изучаемых в школе дисциплин.

Содержание и структура регионоведческой компетенции могут быть представлены в виде той же формулы, что и другие компетенции: РВК комплекс (единство) знаний + способов деятельности + ценностных отношений. Таким образом, под РВК подразумевается комплекс знаний и представлений человека о «малой родине», приобретенного в данном социуме опыта деятельности и эмоционально-ценностных отношений, способствующий развитию гражданских и патриотических чувств, воспитанию сознательного отношения к истории и современному состоянию, специфическим чертам своей «малой родины», постижению ее роли в становлении личности, формировании мировоззрения; соответственно, «лингворегионоведческая компетенция» – узкопредметное, «языковое» проявление РВК: знания о языковой специфике «малой родины», освоенные «действия с языком» (например, умения различать нормативный и местный, ненормативный, речевой вариант),

сформированное позитивное (ценностное) отношение к приобретению знаний о языковых чертах «среды обитания». Чаще в исследовании нами употребляется термин «регионоведческая компетенция» (РВК) – во-первых, по причине того, что лингворегионоведческая информация, используемая в обучении, в 99% случаях будучи сопровождаемой культурными и социокультурными комментариями, почти никогда не являлась «вещью в себе», не рассматривалась только как сугубо лингвистическое явление; во-вторых, из-за неудобства пользования многокорневым терминообразованием.

Итак, будучи межпредметной компетенцией, РВК одновременно является частью культуроведческой, поскольку эти компетенции имеют «общие места» и точки соприкосновения: обе призваны «сообщить языковой личности национальный образ мыслей» и базируются на принципах культуросообразности, интегративности, учёте личностного и социального опыта учащихся [Новикова 2007: 45].

Формирование РВК-компетенции нацелено на развитие и совершенствование языковой способности конкретной языковой личности, с учетом «языковой среды обитания» как в широком смысле (регион, край, город), так и в узком смысле (семейная субкультура, микроклимат учебного заведения, культура межличностных отношений в классе, в естественно сложившихся и временно организуемых в учебных целях группах и коллективах).

В настоящее время уже определены некоторые пути решения проблемы социокультурного образования средствами учебного предмета «русский язык». Так, в учебники русского языка включены некоторые сведения о русском языке как средстве выражения культуры народа, о его самобытности, своеобразии эстетической ценности, используются тексты, воссоздающие национально-культурный фон России. Однако использование краеведческого материала как средства формирования социокультурной компетенции в процессе изучения русского языка не получило должного обоснования и реализации.

5.2. Лингворегионоведческий подход как средство регионализации языкового образования школьников

Каждый регион страны отличается от других своеобразием исторического развития, специфическими природными условиями, социально-демографическим составом населения, особенностями языка, культуры, быта, духовной жизни. Поэтому в формировании знаний и умений подрастающего поколения естественна опора на местный фактический материал, связанный с условиями среды обитания того района, края, в котором живут учащиеся.

В настоящее время созданы благоприятные условия для использования местного материала в практике школьного преподавания в связи с выделением национально-регионального компонента. В пояснительной запис-

ке к федеральному базисному учебному плану и примерным учебным планам для общеобразовательных учреждений Российской Федерации указано, что часы национально-регионального компонента могут использоваться для введения новых учебных предметов, факультативов, дополнительных образовательных модулей, спецкурсов и практикумов.

Учебный предмет «Русский язык» обладает значительным потенциалом в плане формирования регионального компонента. Региональный компонент предполагает учет местных особенностей в содержательной части каждого школьного предмета, а изучением местных особенностей занимается краеведение. Следовательно, проблема регионализации языкового образования может быть решена за счет использования краеведческого материала.

В современных словарях школьное краеведение определяется как «образовательно-воспитательная работа, выражающаяся в ознакомлении учащихся на уроках и во внеклассной работе с природными особенностями, промышленностью, сельским хозяйством, социально-экономическим, историческим и культурным развитием края, республики, области, района, города, села, микрорайона» [ССП 2001: 356]. Основная цель краеведения – систематическое и всестороннее познание учащимися родного края в процессе учебной, внеурочной и внеклассной работы.

Краеведческая работа должна занимать одно из приоритетных мест в деле воспитания молодого поколения, приобщения их к духовным ценностям прошлых поколений, воспитания любви к малой родине. Именно краеведение, по образному выражению Д.С. Лихачева, способствует «формированию нравственной оседлости населения, чувства Родины» [Лихачев 1999: 124].

Воспитание языковой личности на краеведческом материале требует поиска новых подходов к изучению родного языка. «Подход – главное стратегическое направление, которое определяет все компоненты системы обучения: его цели, задачи и содержание, пути и способы их достижения, деятельность преподавателя и ученика, технологии и приемы обучения, критерии эффективности образовательного процесса, систему контроля» [Обучение русскому языку в школе 2004: 40]. Средством регионализации языкового образования является краеведческий подход, под которым, вслед за В.Е. Михайленко, мы понимаем «управляемый процесс овладения учащимися русским языком, в котором происходит ознакомление с природными особенностями, промышленностью, сельским хозяйством, социально-экономическим, историческим и культурным развитием края» [Михайленко 2001: 173].

Для более точного определения лучше использовать термин лингворегионоведческий подход. По нашему мнению, лингворегионоведческий подход – это построение процесса обучения русскому языку на региональном материале. Реализация названного подхода позволит соединять понятия «язык» и «региональная культура», реализовывать целостную концепцию социокультурного образования, принципиально меняющую представление о содержании и целях образования в школе.

Успешность реализации лингворегионоведческого подхода зависит от использования методических принципов, которые должен учитывать учитель в процессе работы.

- Принцип доступности и учета возрастных особенностей учащихся.

Лингворегионоведческий материал должен соответствовать уровню развития младших школьников и их интересам. Содержание краеведческих сведений, предлагаемых учащимся, тематика и формы работы должны определяться с учетом возрастных особенностей детей.

- Принцип систематичности и последовательности в изучении материала.

Лингворегионоведческая работа должна носить систематический и комплексный характер и ни в коем случае не быть набором разрозненных сведений, сообщаемых учащимся. Кроме того, лингворегионоведческие объекты должны изучаться всесторонне и комплексно.

Применительно к урокам русского языка данный принцип предусматривает следующее. Учителю, реализующему лингворегионоведческий подход, следует четко продумать поэтапное, по классам, введение краеведческих сведений в структуру уроков русского языка. Для этого нужно продумать так называемые «сквозные» лингворегионоведческие темы, отобрать лингворегионоведческую лексику и лингворегионоведческие тексты в соответствии с темами.

В то же время необходимо подчеркнуть, что систематичность использования лингворегионоведческого материала вовсе не означает, что краеведческие сведения должны включаться в план каждого урока. Считаем, что целесообразно использовать лингворегионоведческий материал при изучении каждого раздела с учетом грамматической, лексической, орфографической темы.

В настоящее время в краеведческой работе по русскому языку принято выделять два направления: общекраеведение (экстралингвистическое краеведение); лингворегионоведение.

Общее краеведение связано с использованием при изучении русского языка разнообразного местного экстралингвистического материала, т.е. неязыкового, отражающего природные и экономические особенности родного края, а также жизнь и быт местного населения, прошлое края, биографии выдающихся земляков и т.п. Таким материалом является лексика краеведческой тематики, а также краеведческие тексты, содержащие сведения о быте, традициях, обычаях края, известных людях Белгородчины и т.д. Использование такого дидактического материала будет способствовать формированию краеведческих умений, позволяющих осуществлять речевую деятельность на родном языке применительно к культурному пространству края, региона, города.

Краеведческий материал следует изучать поэтапно, по определенным темам в каждом классе с тем, чтобы в последующих классах сведения по той или иной теме расширились и углублялись. В качестве «сквозных» краеведческих тем можно использовать следующие:

- Белгородчина – наша малая Родина.
- Наименования жителей нашего края.
- Наши знаменитые земляки.
- Историческое прошлое нашего края.
- Символы земли Белгородской.
- История белгородских топонимов.
- Происхождение названий мелких географических объектов (микротопонимы).
- Из истории названий рек Белгородской области.

Некоторые темы могут изучаться в течение всего курса русского языка (например, темы «Наши знаменитые земляки», «Историческое прошлое нашего края»), другие – привлекаться эпизодически, в одном классе (например, тема «Наименования жителей нашего края»).

Считаем, что важнейшим средством реализации краеведческого подхода в практике школьного преподавания является краеведческий текст, содержащий сведения о природных, экономических, культурных особенностях региона, края. Анализ краеведческих текстов, знакомство на их основе с языковыми явлениями, орфографическими и пунктуационными правилами позволит успешно решать задачи регионализации языкового образования. Краеведческий текст, являясь формальной единицей обучения языку, становится важнейшим средством воспитания. Именно на это ориентирует Концепция образовательной области «Филология» в 12-летней школе, где приоритетным направлением обозначено «воспитание подлинного гражданина, любящего свою большую и малую родину, свой народ, язык и культуру».

Второе направление – лингворегионоведческое. Лингворегионоведение – самостоятельная отрасль, стоящая на стыке таких дисциплин, как этнолингвистика, этнокультуроведение, социоллингвистика, этнография, основную задачу которой можно определить как изучение языковой среды определенного региона. Лингворегионоведение связано со сбором, обработкой и изучением местного языкового материала, и его основная цель – изучение истории края через факты языка, привлечение внимания обучаемых к фактам окружающей языковой среды, так как именно языковые факты нередко содержат богатейшую этнографическую и культурологическую информацию.

В учебном процессе лингворегионоведческий материал способствует успешному решению многих задач: он активизирует деятельность учащихся, помогает развитию их наблюдательности, воображения, мышления, обогащает их новыми конкретными представлениями, без которых абстрактные понятия и законы науки не могут быть осознанными.

Применение лингворегионоведения в процессе преподавания русского языка помогает разрешить педагогические задачи, стоящие перед учителем. Использование местного материала обогащает содержание объяснения учителя и придает ему конкретный характер. Лингворегионоведческий материал способствует прочному закреплению полученных знаний, повышает

качество усвоения учащимися нового материала, облегчает последующую домашнюю и практическую работу над ним.

Образовательная ценность лингворегиеведения, по нашему мнению, состоит в том, что оно:

– способствует патриотическому воспитанию школьников посредством изучения объективной действительности родного края – его природы, истории, культуры, искусства, национальных традиций и обычаев. Несомненно, что фундаментом патриотизма является любовь к своей «малой» родине, ее людям, природе;

– формирует конкретные представления об окружающей действительности, тем самым поставляет объекты, доступные для непосредственного наблюдения, изучения и исследования;

– помогает учителю вызвать у учащихся чувство нового, углубляет понимание причинной зависимости между новыми понятиями. Введение новых элементов в процесс обучения, в основу которого положен местный материал, способствует раскрытию признаков новых явлений, в результате чего степень усвоения учебной программы значительно возрастает;

– позволяет учитывать жизненный опыт учащихся. Важным источником жизненного опыта учащихся является их непосредственное участие в краеведческой работе, изучение окружающей языковой среды, что ускоряет приобретение лингвистических знаний, формирование коммуникативных умений и навыков. Личный опыт учащихся, которым они обогащаются в процессе изучения краеведческих сведений, является важной основой развития познавательных интересов, а также прочным фундаментом для усвоения новых знаний.

Как отмечает Т.Ф. Новикова, «проблемы, связанные с использованием регионального языкового и речевого материала при обучении русскому языку в школе, в последние годы приобрели особую актуальность... К сожалению, проблемы эти в силу специфики материала решаются в каждом регионе автономно, и поэтому любые сведения об опыте из других регионов представляются весьма ценными, так как дают возможность сопоставить подходы к разработке регионального компонента, получить информацию о приемах и формах использования местного материала» [Новикова 2007:132].

На основе федеральной целевой программы «Русский язык» в некоторых субъектах Российской Федерации были разработаны региональные программы, конкретные задачи решались в ходе их реализации:

– изучение особенностей речевого поведения различных социальных групп (Краснодарский край);

– этносоциологические исследования в области функционирования русского языка в условиях многоязычия (Калмыкия, Бурятия, Челябинская обл.);

– мониторинг качества изучения русского языка в школе (Карелия, Калмыкия, Санкт-Петербург);

– разработка концепции языкового образования и подготовка экспериментальных программ по русскому языку для национальных учреждений (Карачаево-Черкессия, Адыгея, Башкортостан);

– введение русского языка в качестве регионального компонента в школе третьей ступени (Краснодарский край);

– другие мероприятия, в том числе проведение олимпиад разных уровней по русскому языку, подбор проверочных и тестовых материалов, издание словарей, подготовка теле- и радиопередач по проблемам русского языка и литературы [Новикова 2007: 133].

Проблема национально-регионального компонента в преподавании русского языка уже получила некоторое освещение: выработаны теоретические основы содержания национально-регионального компонента (Е.А. Быстрова, Т.С. Кудрявцева и др.), описаны пути реализации в условиях конкретных регионов России (национально-региональный компонент в кабардинских и черкесских школах – А.К. Загаштоковым, в казахской школе – З.Л. Махсудовой, в калмыцкой школе – И.С. Немгровой). Для средней школы разработаны программы по русскому языку с учетом изучения местных языковых особенностей для отдельных областей России (программа Т.В. Майоровой для Тульской области, Л.К. Лыжовой для школ Воронежской области).

Осмысление и определение национально-регионального компонента в основном проведено в контексте «язык и культура». Реализация национально-регионального компонента в обучении русскому языку осуществляется путем целенаправленного включения материала, формирующего социокультурную компетенцию учащихся, – лексики, которая является тем уровнем языка, в котором наиболее эксплицитно выражаются особенности национальной культуры. Однако практически не используется социокультурный потенциал регионального языкового материала (диалектной лексики, региональной ономастики, языка регионального фольклора и т.п.), а также потенциал экстралингвистического краеведения. Объясняется это тем, что не получило необходимого освещения содержание регионального компонента по русскому языку, связанного с формированием социокультурной компетенции.

Определенный опыт разработки и использования региональных программ имеется и в Белгородской области. Так, для начальных школ Белгородчины разработана программа «Социокультурное образование младших школьников (на региональном материале) в процессе изучения родного языка доцентами» [Демичева 2008].

Данная программа направлена на формирование социокультурной компетенции младших школьников. Программа предусматривает использование различного регионального материала (краеведческого и лингвокраеведческого) на уроках русского языка по всем разделам общеобразовательного стандарта, во внеклассной работе с младшими школьниками. Дополняется содержательная часть предмета «Русский язык» сведениями по региональной ономастике, диалектологии, региональному фольклору.

Программа предполагает организацию наблюдений учащихся за языковыми особенностями региона, обогащение словаря учащихся лексикой краеведческой и лингвокраеведческой тематики, формирование умений и навыков использования такой лексики в собственных высказываниях, в различных коммуникативных ситуациях.

Программа адресована учителям начальных классов, студентам, получающим специальность «педагогика и методика начального образования», преподавателям методики русского языка.

Программа состоит из пояснительной записки, собственно программы, приложения, списка использованной литературы. В пояснительной записке авторы говорят об актуальности создания данной программы, характеризуют федеральный и национально-региональный компоненты. Цель предлагаемой программы – формирование социокультурной компетенции младших школьников посредством использования регионального материала на уроках русского языка.

Задачи программы:

- познакомить учащихся с региональными языковыми особенностями, с региональной ономастикой;
- изучить лингвистические явления на региональном материале;
- обогащать речь младших школьников местным языковым материалом, ценным с лингвистической и культуроведческой точек зрения;
- научить младших школьников анализировать краеведческие тексты;
- воспитывать интерес и бережное отношение к языку родного края;
- воспитывать средствами предмета «Русский язык» патриотические чувства учащихся, любовь к своей малой родине, ее истории и культуре;
- развивать познавательный интерес к предмету «Русский язык», стремление самостоятельно добывать знания, формировать навыки научно-исследовательской работы.

В результате обучения русскому языку по предлагаемой программе младшие школьники должны знать:

- семантику слов краеведческой тематики, отобранных в региональный компонент для усвоения и необходимых для написания изложений и сочинений о родном крае, для понимания фольклорных и художественных произведений о Белгородчине;
- названия населенных пунктов, рек, необходимые для понимания истории, географии, культуры края;
- биографические сведения об известных земляках (писателях, ученых, спортсменах, героях войны и труда);
- творчество местных писателей, произведения регионального фольклора;
- сведения о родном крае (история, культура, традиции и т.д.), полученные на основе использования краеведческих текстов.

Уметь:

- толковать лексическое значение общеупотребительных регионально ориентированных слов, словосочетаний;

- правильно употреблять регионально ориентированные слова и словосочетания в соответствии с их лексическим значением в различных коммуникативных условиях;
- анализировать тексты краеведческой тематики;
- самостоятельно строить высказывания на основе регионального материала.

Кроме того, Программа нацелена на формирование умения учащихся пользоваться дополнительной литературой по языку, анализировать ее (словари, справочники, пособия); самостоятельно извлекать, собирать и анализировать местный языковой материал.

Программа, призванная обеспечить формирование социокультурной компетенции младших школьников, учитывает следующие общеметодические принципы современной лингвометодики: коммуникативный, когнитивный, социокультурный.

Кроме того, при разработке программы учитывался краеведческий принцип, который предполагает изучение языка как средства отражения региональной языковой картины мира и предусматривает использование на уроках родного языка разнообразного краеведческого и лингвокраеведческого материала (текстов, лексики). Использование краеведческого материала позволяет рассматривать социокультурную компетенцию как систему знаний о региональной культуре, извлеченную из регионально маркированных языковых единиц. Социокультурная компетенция, формируемая на региональном материале, предполагает овладение краеведческими умениями, позволяющими осуществлять речевую деятельность на родном языке применительно к культурному пространству края, региона, города.

Программа построена по линейно-ступенчатому принципу, который предполагает поэтапное знакомство с краеведческим материалом. В каждом классе изучается краеведческий материал, затем сведения по данной теме расширяются и углубляются.

Программа уже получила широкое распространение в школах Белгородчины.

Для средних школ Белгородской области разработана программа Т.Ф. Новиковой «Социо- и этнокультурный компонент региональных программ по русскому языку (для школ Белгородской области)» [Новикова 2004].

Программа состоит из введения, пояснительной записки, представлена разделами и темами, реализуемыми как на уроках, так и во внеурочной деятельности. Т.Ф. Новикова определяет пути реализации регионального компонента, описывает региональные уроки словесности. К программе имеются приложения, включающие планы-конспекты уроков социо- и этнокультурной направленности, образцы текстов для использования на уроках, программа факультативного курса.

Во введении автор подчеркивает, что «социо- и этнокультурное образование, безусловно, актуально для современной школы, – это целый комплекс проблем: от проектирования и создания региональных образовательных программ, подготовки учебных пособий, методических рекомендаций для учителей и учащихся по сбору, обработке, описанию социально и регионально значимого языкового материала, предложения технологических

и методических приемов введения этого материала в ткань современного урока – до описания конкретного опыта проведения уроков с использованием текстов» [Новикова 2004: 6].

В пояснительной записке говорится о путях реализации регионального компонента, дается трактовка таких важных понятий, как общекраеведческая работа, социокультурный комментарий; определены цели программы, концепция разработки специальных региональных программ.

Т.Ф. Новикова акцентирует внимание на особенностях организации урочной и внеурочной лингвокраеведческой работы.

Программа состоит из нескольких разделов.

Раздел 1. Общая характеристика современного русского литературного языка, его нормированность, место региональных языковых особенностей в системе русского языка.

Раздел 2. Диалектология. Черты южного говора, на которые следует обращать внимание при прохождении программного материала.

Раздел 3. Региональная ономастика и топонимика.

Раздел 4. Современная языковая ситуация и состояние речевой среды на территории области.

Раздел 5. Научно-исследовательская деятельность школ по изучению местных языковых особенностей. Работа по сбору и систематизация языковых фактов Белгородской области.

Особую ценность представляют разработанные Т.Ф. Новиковой конспекты уроков региональной направленности и программа факультатива, представленные в приложении.

В заключении автор подчеркивает, что региональные программы представляют интерес для методической науки. Они могут быть развернуты, конкретизированы, детализированы.

Несомненно, что включение лингворегионоведческого материала в структуру уроков русского языка будет активизировать познавательную деятельность учащихся, стимулировать воображение, одновременно приобщая школьников к культурным, нравственным, эстетическим ценностям региона. Обращение к лингворегионоведческому материалу будет способствовать оживлению учебного процесса, создавать положительный эмоциональный фон обучения.

5.3. Текстцентрическая организация урока как средство реализации лингворегионоведческого подхода в преподавании русского языка

В практике преподавания русского языка средством реализации лингворегионоведческого подхода может быть текстцентрическая организация урока. Одним из частных принципов изучения русского языка в настоящее время признается принцип текстцентризма, то есть «принцип признания текста в качестве важнейшей единицы в обучении родному языку» [Обучение русскому языку 2004: 55].

Выбор текста в качестве дидактической единицы находит теоретическое обоснование в исследованиях, связанных с функциональным подходом к описанию языковых единиц, а также в учении о речевой деятельности в психологии и психолингвистике. Современная лингводидактика исходит из того, что, анализируя содержание текста, учащиеся практическим путем осознают основные функции языка:

– коммуникативную (автор своими мыслями, знаниями, жизненным опытом с теми, кто воспринимает текст);

– познавательную (языковыми средствами зафиксированный результат мыслительной деятельности индивида, направленной на познание окружающей действительности);

– аккумулятивную (необходимое содержание запечатлется с помощью языковых средств и сохраняется в письменной или устной форме») [Литвинко 2005: 110-111].

Текстоцентрическая организация позволит в процессе изучения различных языковых единиц показать учащимся их текстообразующую функцию, что является очень важным, поскольку школьники должны знать, что «каждая единица языковой системы обладает специфическими свойствами, в том числе и такими, которые позволяют ей сыграть свою особую роль в создании связного высказывания на содержательном или строевом уровне» [Ипполитова 1998: 104]. Кроме того, текстоцентрическая организация урока дает возможность не только формировать речевые умения и навыки учащихся, но в полной мере реализовать воспитательную функцию учебного предмета «русский язык». Воспитание учащихся с помощью привлекаемых для занятий текстов имеет давнюю традицию и обычно успешно осуществляется в ходе учебного процесса. Обращение к краеведческому тексту, который будет знакомить учащихся с обычаями и традициями региона и одновременно использоваться как средство формирования учебно-познавательных умений и навыков, также отвечает этой традиции.

«Краеведческий текст – это грамматическое и смысловое единство, повествование об истории, экологии, политике, культуре, природе и людях края, области, города или района» [Лингвистическое краеведение 2005: 104]. Особенность краеведческих текстов – содержательная сторона, так как в них должны содержаться сведения о природных, экономических, языковых, культурных особенностях «малой» родины. В плане нашего исследования важно дать определение лингворегионоведческого текста.

Лингворегионоведческий текст – это грамматическое и смысловое единство, включающее топонимическую, диалектную лексику региона, или отдельные тексты из произведений местных поэтов и писателей.

Поскольку в настоящее время в методике преподавания русского языка выделяются различные виды краеведения (экстралингвистическое краеведение и лингвистическое краеведение), то целесообразно выделить различные виды краеведческих текстов. Во-первых, это собственно краеведческие тексты, повествующие о природе, истории и современности, трудовой и культурной жизни родного края, во-вторых, лингворегионоведческие

тексты, составленные на основе произведений местных писателей и поэтов, а также авторов, биографически связанных с краем, произведений устного народного творчества.

В процессе реализации лингворегионоведческого подхода перед учителем встает задача подбора лингворегионоведческих текстов. Трудность в подборе текста заключается в том, что последний должен удовлетворять многим требованиям и совмещать в себе разнообразные качества одновременно: по содержанию он должен быть понятным детям, по характеру орфограмм – соответствовать программе и разделам.

При выборе лингворегионоведческих текстов следует руководствоваться следующими критериями:

- краеведческая направленность, то есть наличие в тексте сведений о природе, культурных традициях края, известных людях, языке и т.п.;

- художественная ценность текста, наличие изобразительно-выразительных средств языка;

- наличие изучаемых языковых явлений (языковых единиц, грамматического материала, изучаемых орфограмм или пунктограмм);

- возможность осуществления на основе анализа текста функционального подхода к изучению языковых явлений. В предъявляемых на уроке текстах функции языковых единиц должны быть отчетливо видны, чтобы учащиеся могли осознать их текстообразующую функцию.

Лингворегионоведческие тексты имеют целью расширять культурный кругозор обучаемых, служить моделью высказывания, обогащать речь учащихся словами краеведческой тематики. Лингворегионоведческий текст является важным компонентом системы приобщения учащихся к культуре и истории региона.

Лингворегионоведческие тексты могут использоваться для осмысления, анализа наблюдения за функционированием языковых единиц, для отработки орфографических, пунктуационных, грамматических навыков, а самое главное назначение текстов такого рода – познакомить учащихся с содержательной стороной региональной культуры. Именно через такие тексты могут реализоваться все цели обучения в их комплексе: коммуникативная, образовательная, воспитательная. Весь материал урока может быть организован вокруг текста. Через текст ученик усваивает новые знания и ценности, духовную культуру своего народа, уточняет нравственные и эстетические позиции. Отбор текстов для обучения осуществляется таким образом, чтобы повысить информационную культуру школьников, расширить их знания и представления о культурных ценностях региона.

В языке лингворегионоведческих текстов отображается окружающая действительность, передается информация о традициях, обычаях, обрядах «малой» родины. Текст специфически аккумулирует окружающий мир, беря в рамку эпоху. Как учебное средство, текст является достоверным источником информации о быте и культуре родного народа, поскольку в нем отражаются из жизни самые существенные, типичные явления национальной культуры, особенности характера народа, его быт, традиции. Вот почему

такой текст имеет огромный социокультурный потенциал, позволяет соединить в учебном процессе изучение языка с историей и культурой региона.

Использование лингворегионоведческих текстов на уроках русского языка способствует осуществлению такой важной социально-языковой функции языка, как кумулятивная, или накопительная. Речевое произведение, представляя собой культурные ценности, накопленные и накапливаемые определенной нацией, умножают духовное богатство человека, познающего язык и культуру своего народа. Мы рассматриваем лингворегионоведческий текст как потенциальный источник осуществления кумулятивной функции языка потому, что человек ищет в слове прежде всего образ и символ. А это в свою очередь способствует «фиксации и сохранению в языковых единицах информации о постигнутой человеком окружающей его действительности» [Выготский 1997: 57-58]. Кумулятивная функция языка обеспечивается прежде всего лексикой и фразеологией, поскольку слова и фразеологизмы непосредственно отражают внеязыковую действительность. По существу текст представляет собой материал как для формирования речевых навыков, так и для активизации пассивного словаря, когда учащиеся лишь частично понимают те или иные слова. Адекватная зрительная семантизация лексики, особенно пассивной, приводит к правильному и прочному усвоению родного языка.

Мы предлагаем следующую схему комплексного анализа лингворегионоведческого текста:

1. Словарная работа, направленная на толкование значений, уточнение, введение в активный словарь учащихся непонятной лексики.

2. Работа над содержанием текста: чтение, пересказ, выяснение содержания, темы, идеи. Такая работа направлена на знакомство учащихся начальной школы с основами народной культуры, так как в обучающих текстах представлена информация об основных составляющих традиционной культуры народа.

3. Изучение программного материала. Тексты должны быть составлены и подобраны с учетом требований к знаниям, умениям и навыкам учащихся, изложенных в Государственной программе по русскому языку.

4. Задания по развитию речи. Учащимся предлагается составить словосочетания, предложения с новыми словами, озаглавить текст, составить на основе данного свое высказывание.

Работа с собственно краеведческими и лингворегионоведческими текстами будет способствовать формированию краеведческой и лингворегионоведческой компетенции учащихся.

5.4. Содержание лингворегионоведческой работы в школе

Лингворегионоведение в современной лингводидактике рассматривается как основное средство регионализации языкового образования. Большинство ученых-методистов под региональным компонентом школьного лингвистического курса понимаются языковые факты, присущие той

или иной местности как в тематическом, так и в лингвистическом отношении. Так, О.С. Рябикова указывает, что под региональным компонентом школьного лингвистического курса понимаются «языковые факты, специфичные для той или иной местности как в тематическом, так и в сугубо лингвистическом плане» [Рябикова 1999: 168]. По мнению Л.К. Лыжовой, «региональный компонент в преподавании русского языка следует рассматривать как углубленную лингвокраеведческую работу» [Лыжова 2002: 6]. Следовательно, лингворегиеоноведение гармонично сливается с понятием «региональный компонент базового образования», формирование которого предполагает обязательное обращение к местным языковым особенностям.

Нами определены объекты лингворегиеоноведческой работы в школе, к которым относят:

- диалектную речь (фонетические, лексические, морфологические особенности местных говоров);
- региональную ономастику (топонимику, антропонимику, ойконимию);
- язык регионального фольклора;
- язык художественных произведений местных авторов или авторов, биографически связанных с краем;
- язык местных СМИ;
- язык местных исторических документов;
- живую речь земляков;
- городское и деревенское просторечие;
- речевой этикет региона.

Чтобы использовать подобный лингворегиеоноведческий материал на уроках русского языка, учитель сам должен хорошо знать региональные языковые особенности, то есть иметь представление о говорах, распространенных на той или иной территории, о местной ономастике, знать творчество местных авторов и т.п. Возможности использования местного языкового материала в ряде случаев ограничены тем, что отсутствует специальная лингвистическая литература, посвященная описанию языка того или иного региона. Кроме того, в процессе лингворегиеоноведческой работы необходимо учитывать возрастные особенности школьников и соответственно адаптировать местный языковой материал. Считаем целесообразным использование следующего лингворегиеоноведческого материала: диалектная речь, региональная ономастика (топонимика, антропонимика и т.п.), язык произведений регионального фольклора, язык произведений местных авторов.

Как было отмечено, важнейшим объектом лингворегиеоноведения является диалектная речь. Идея знакомства с диалектными языковыми особенностями актуальна в условиях Белгородского региона, так как большая часть школ области – это сельские школы, функционирующие в условиях диалектного окружения. Это обстоятельство требует корректировать методику с учетом местной языковой ситуации.

В учебниках по русскому языку фактически отсутствует материал о диалектных особенностях русского национального языка. Поэтому учителю необходимо самостоятельно отобрать те элементарные сведения о местных говорах, с которыми можно познакомить учащихся начальной школы. Дети очень восприимчивы к окружающей языковой среде, и поэтому местный говор существенно влияет на их речь, в которой, как правило, встречается много орфоэпических ошибок. Многие диалектные ошибки носят очень устойчивый характер, что вполне понятно: говор является для ученика первым языком в его жизни, который впоследствии поддерживается практикой его речевого общения с окружающими.

Отсюда вытекает необходимость регионализации культурноречевой работы в школе, которая предполагает увязку изучаемых орфографических, грамматических тем с языковыми и социокультурными особенностями региона. При этом необходимо учитывать, что «учащиеся, испытывающие влияние говоров находятся в трудном положении. С одной стороны, они должны усвоить нормы произношения и правописания литературного языка, с другой – им надо разобраться в том, что является нормой, а что нет, и почему, чем отличается их речь от литературной нормы. Поэтому учитель начальных классов должен хорошо знать особенности местных говоров, чтобы вовремя предупреждать ошибки в устной и письменной речи детей» [Головина 2004: 55-56]

Для преодоления диалектных орфоэпических ошибок необходима специальная система упражнений, направленная на осознанное усвоение произносительных норм русского литературного языка. При подготовке к уроку учителю следует тщательно просмотреть дидактический материал учебника и продумать, как он может быть использован в работе над диалектными особенностями речи жителей своей местности. Упражнения по устранению диалектных орфоэпических ошибок можно не проводить специально, а связать их с изучением различных тем курса русского языка.

Работа по усвоению литературных норм следует начинать с развития фонематического слуха. При звуко-буквенном анализе необходимо идти от звука к букве, а не наоборот, как часто это бывает на уроках русского языка. Учащиеся должны освоить сначала нормы произношения гласных в первом предударном слоге, и далее в остальных безударных слогах. Дети должны научиться слышать краткие, неясные звуки, без усвоения которых нельзя научиться правильному произношению. В настоящее время некоторые программы по русскому языку для начальной школы (например, программа С.В. Иванова) знакомят младших школьников с обозначением редуцированных звуков значками [ъ] и [ь]. Считаю это вполне оправданным, так как использование данных значков дает возможность объяснить младшим школьникам истинное произношение безударных гласных звуков. Без использования этих знаков в словах типа *молоко*, *карандаш* и т.п. все безударные гласные обозначаются как [а].

В процессе организации работы, направленной на устранение из речи учащихся диалектных орфоэпических ошибок, учитель может воспользо-

ваться методическими рекомендациями, содержащимися в работах Г.П. Смолицкой, А.Б. Пеньковского, И.Д. Ладыгиной, И.Г. Паршиной, Л.И. Головиной и др.

Г.П. Смолицкая предлагает ряд упражнений, направленных на устранение из речи учащихся фонетических ошибок, причиной которых является яканье. На уроках русского языка можно использовать сопоставительные таблицы типа «пиши – произноси»:

ПИШИ	ПРОИЗНОСИ
вЕсна	вИсна
брЕвно	брИвно
сЕло	сИло

Такую таблицу следует повесить в классе на длительное время. В качестве заданий можно предложить учащимся найти в упражнениях, выполненных на предыдущих уроках, слова, в которых пишется безударная *e*, а произносится *i*.

Работа по устранению яканья может успешно проводиться при изучении различных частей речи. С этой целью учитель подбирает для уроков и домашних заданий такие примеры, которые были бы интересны и трудны не только в отношении орфографии, но и в произношении. Например, при изучении имени существительного это такие слова: *беда, берлога, весна, звезда, земля, река, сестра, свеча, стена* и др. (1-е скл.); *бревно, весло, веретено, календарь, пшено, решето, ремесло, седло* и др. (2-е скл.). По тому же принципу следует подбирать прилагательные и глаголы, в которых в первом предупредительном слоге учащиеся-диалектоносители произносят [а], с тем, чтобы с данными словами работать на уроке.

Если учащиеся уже не допускают ошибок, связанных с умеренным яканьем, то в том случае необходимо познакомить их с произносительными особенностями местного говора и сравнить это произношение с требованиями литературной нормы, объяснив, что диалектное произношение гораздо старше литературного.

Еще одной орфоэпической ошибкой в речи учащихся нашей области, обусловленной влиянием местных говоров, является произношение [Ү] фрикативного. Причем данная ошибка характеризуется особой устойчивостью.

По мнению А.Б. Пеньковского, для совершенствования собственного произношения, а потом и произношения учащихся учителя могут использовать следующие методические приемы. В работе по устранению [Ү] фрикативного следует соблюдать определенную последовательность. Начинать ее необходимо с тренировки в произношении изолированного звука, далее – произношение заднеязычного [к] в позиции оглушения [г] в конце слова, то есть там, где в диалектной речи произносится [х], например: [лук], [сnek] вместо [лух], [снех]. Потом следует вводить упражнения со словами, в которых взрывное [г] стоит перед сонорными (*игра – икра*), в позиции начала слова (*кус – густ*). На последнем этапе следует организовать работу над произношением [г] взрывного в интервокальной позиции, причем сначала

[г] взрывное находится перед ударными гласными, а потом и в других позициях. Именно интервокальное положение [г] взрывного должно быть предметом постоянного внимания учителя [Пеньковский 1967].

Слова, в которых учащиеся допускают орфоэпические ошибки диалектного происхождения, следует чаще использовать для звукобуквенного анализа, например, слова с буквой *г* на конце, так как самой стойкой чертой южнорусских говоров является оглушение [Ү] фрикативного в [х]. В учебниках такие слова для анализа практически не предлагаются, в то время как в разговорной речи их очень много: *снег, слог, пирог, сапог, творог*. Звук [к], являющийся парой [г] взрывного, в речи учащихся есть, и поэтому для формирования навыков литературного произношения достаточно указать школьникам на правильное произношение и дать больше слов для тренировки.

Для преодоления диалектного произношения рекомендуется использовать метод имитации, при котором учащиеся повторяют за учителем хором и по одиночке отдельные звуки, слоги, как на уроке, так и в индивидуальной работе. При этом слова следует давать группами, используя материалы словарей, представлять ряды слов, содержащих определенный звук на плакатах, сопровождать различной наглядностью, рисунками, игровыми моментами.

Однако работа по овладению орфоэпическими нормами литературного языка – только одна сторона регионализации языкового образования в условиях диалекта. Вторая сторона – это воспитание у детей любви и уважения к родному говору. По совершенно справедливому замечанию Л.Л. Касаткина, обучая литературному языку, нельзя допустить, чтобы он вытеснил у детей тот язык, которым они владеют с детства, – местный говор... В деревенском общении должен сохраниться местный говор. И благородная цель учителя – показать ребенку, что этот говор обладает всеми необходимыми качествами для выполнения своей роли, а в некоторых отношениях он и богаче литературного языка. Воспитание любви и уважения к местному говору – вот важная цель учителя деревенской школы. Следовательно, при знакомстве с особенностями говора, речь должна идти не только об усвоении элементарных знаний о диалектных особенностях языка, а о сопоставлении (не противопоставлении) их с литературной нормой, выявлении изобразительно-выразительных возможностей, скрытой эстетики и яркой образности народной речи. Необходимо показать младшим школьникам, что «речь диалектная – это не речь неграмотных, темных людей, а своеобразный, драгоценнейший пласт национального языка (с собственными специфическими грамматической и эстетической системами), которые необходимо изучать как мощнейший источник пополнения речи литературной» [Ковалев 2005: 6].

Диалектная лексика может активно использоваться при изучении различных разделов русского языка в начальной школе. Методы и приемы «погружения» в стихию народной речи зависят от возможностей учителя, ареала, в котором находятся педагог и учащиеся (город, районный центр,

село), этнолингвистической ситуации (русскоязычный регион, регион с преобладанием украинской речи, смешанный регион). В настоящее время разработана довольно интересная программа «Путешествия в страну русских говоров», автором которой является В.Ф. Филатова. Не менее интересный подход отражен и в брошюре исследовательницы из Арзамаса Л.А. Климковой [Климкова 1987]. В работе В.А. Магина представлена программа по сбору диалектной лексики, основная задача которой – составление местного диалектного словаря. Различные аспекты использования диалектной лексики в процессе изучения русского языка рассматриваются в работах Т.Н. Плешковой, С.И. Львовой и Л.Н. Ляпиной, И.А. Букринской, О.Е. Кармаковой, Г.А. Березкиной, А.Д. Черенковой, Н.В. Коротковой и др. Однако в основном в них речь идет о среднем звене школы.

Успешность привлечения диалектизмов на уроках русского языка в начальной школе зависит от применения общедидактических принципов, на которые должен опираться учитель при отборе местного языкового материала. Охарактеризуем эти принципы применительно к работе с диалектной лексикой.

Экстралингвистический, или внелингвистический принцип отражает воспитывающий и развивающий характер обучения в школе. Изучаемая лексика должна пополнять знания учащихся о мире, поскольку в слове отражаются различные события общественной жизни, сфера деятельности человека. Поэтому словарная работа должна строиться на таком материале, который оказывал бы влияние на формирование личности ученика, его нравственных качеств, его мировоззрения. Этот принцип отражает также общедидактические требования систематичности и доступности обучения, развития интереса к знаниям, связи обучения с жизнью. При отборе диалектной лексики данный принцип находит выражение в том, что прежде всего должна привлекаться лексика, отражающая особенности быта, традиции, обычаи родного села или города, лексика с культуроведческим компонентом в значении.

Синтагматический принцип требует проводить словарную работу с учётом семантических отношений, в которых находятся единицы языка. На лексическом уровне показательны отношения многозначных слов с другими словами: в зависимости от того, с каким словом сочетается многозначное слово, проявляется его значение. Диалектная лексика говора характеризуется многозначностью, и поэтому при наблюдении над явлениями полисемии будет уместным и целесообразным привлечение лексики родного говора.

Парадигматический принцип. Под парадигмой на лексическом уровне понимают такие словарные объединения, в которых одни существенные признаки являются общими или близкими, а другие различительными. Парадигматическими отношениями связываются слова, составляющие тематические группы, синонимические ряды и антонимические пары. При усвоении практически всех этих понятий уместным и целесообразным будет

обращение к диалектным лексемам, сравнение их с общеупотребительными словами русского языка.

Функциональный принцип. Сущность его заключается в требовании проводить работу по обогащению словарного запаса учащихся с учётом основной функции языка – коммуникативной, то есть функции общения. При работе с диалектной лексикой данный принцип находит свое выражение в том, что, организуя работу с диалектизмами, следует обучать младших школьников уместному и целесообразному использованию диалектных слов в речи.

Обращение к диалектной лексике возможно в процессе изучения практически всех разделов русского языка, но наиболее удачным, на наш взгляд, будет ее использование при изучении лексики. Сейчас в школе учащиеся знакомятся с такими понятиями, как многозначные и однозначные слова, прямое и переносное значение слова, синонимы, антонимы и др. При усвоении практически всех этих понятий уместным и целесообразным будет обращение к диалектным лексемам, сравнение их с общеупотребительными словами русского языка. Так, в процессе формирования понятия «синонимы» можно организовать наблюдение над синонимическими отношениями в лексике говора. Предварительно можно рассказать школьникам, что говор богат словами, близкими по значению и что синонимы в говоре образуются в основном двумя путями: столкновение диалектного слова со словами литературного языка, столкновение слов говора со словами других говоров. Далее учащиеся вместе с учителем могут проследить, как ведут себя диалектные слова, вступая в синонимичные отношения, выделить типы диалектных синонимов. Например, синонимы с тождественным значением, между которыми нет ни семантических, ни стилистических расхождений: *окрошка* – *квас*, *макать* – *кунать*, *петь* – *играть*, *плакать* – *кричать*; синонимы, между которыми наблюдаются семантические отличия: *цыплята* – *курчата*¹. *Цыплята* – слово литературное, *курчата* – местное, характерное для местного говора. Между этими словами следующая дифференциация: *цыплята* – «птенцы инкубаторские», а *курчата* – «птенцы, выведенные курицей». На дом детям можно дать задание: проследить, какие слова из выявленных синонимических рядов используют в своей речи бабушка или бабушка, мать, отец, старшие или младшие братья и сестры, в каких ситуациях они используют те или иные слова.

Весьма продуктивным и целесообразным будет использование диалектной лексики в процессе изучения морфемики и словообразования, что обусловлено специфической особенностью диалектных слов. Морфемная структура диалектных слов в целом более прозрачная, чем структура слов литературного языка, в которых старые связи с предметом во многом оказались утраченными. Диалектные слова яснее подчеркивают истоки слова. Так, например, в белгородских говорах, наряду с литературным словом *полотенце*, используются и диалектные формы: *рушник* и *утирка*. И если сло-

---

¹ Здесь и далее приводятся примеры диалектизмов, бытующих в говорах Белгородской области.

вообразовательная структура лексемы *полотенце* сейчас уже не осознается без обращения к этимологии (*полотенце* – это небольшой кусок полотна, мотиватором является слово *полотно*), то диалектные слова *рушник* и *утирка* сохраняют и поныне ясную словообразовательную структуру. Название *рушник* связано со словом *рука*; это кусок ткани, предназначенный для вытирания рук. А лексема *утирка* образована от слова *утираться* (*вытираться*), то есть это кусок ткани, предназначенный для вытирания. Словообразовательная структура этих слов довольно проста, и поэтому можно организовать над нею наблюдение, сравнив слово литературное и диалектное.

В процессе семантизации устаревших слов как на уроках русского языка, так и литературы возможно привлечение диалектизмов, поскольку во многих случаях в диалектном языке сохранились устаревшие слова и формы. Например, при объяснении устаревшего слова *стезя* можно напомнить учащимся, что в их родном говоре используется однокоренное слово *стежка*, вспомнить, что оно означает (тропинка, дорожка), и на основе этого семантизировать слово *стезя*. Обратиться к подбору однокоренных слов из диалектной речи можно при объяснении слова *снедь* (еда, кушанье), так как в диалектной речи сохранились однокоренные слова *снедать* (завтракать), *снеданье* (завтрак).

Включение диалектной лексики в структуру уроков русского языка позволит учителю решить следующие задачи:

1) сформировать у учащихся правильное отношение к диалектной речи, умение коммуникативно целесообразно использовать диалектизмы. Школьники должны осознавать, в каких условиях употребление диалектных слов можно считать правильным и уместным;

2) сформировать интерес к изучению народной речи и бережное отношение к народному слову;

3) сформировать представления о русских народных говорах, об особенностях местного говора;

4) привить навыки сбора диалектного материала.

В целом в условиях сельской школы открываются широкие возможности для наблюдения над местным диалектом. Школьники могут выявить фонетические, грамматические, лексические черты местного говора, увидеть слова и формы, которые сохранились с древнейших времен, обнаружить множество слов, которым нет эквивалентов в литературном языке. Это дает возможность показать детям лексическое богатство говоров и функции местных слов. Продуманное использование региональной лексики, во-первых, позволит проводить формирование языковых умений и навыков на местном языковом материале, хорошо знакомом учащимся, во-вторых, даст возможность по-новому подойти к организации учебной деятельности и будет способствовать более осознанному и прочному усвоению программы по русскому языку; в-третьих, позволит учащимся увидеть и осознать национально-культурное своеобразие носителей определенного говора, расширит их знания об истории своего края, местных обычаях и традициях.

Следующим объектом лингворегионоведения является ономастика – наука об именах собственных. Имена собственные составляют значительную часть лексики любого языка, которая представляет интерес и с лингвометодических позиций. Интерес к феномену собственного имени обусловлен тем, что ономастические реалии представляют собой важнейший языковой источник информации о духовной культуре. Ономастический материал позволяет привлекать лингвокультурологическую информацию, которая пока еще в малой степени вовлечена в практику школьного преподавания.

Необходимость обращения к именам собственным в практике школьного обучения русскому языку обусловлена особой ролью собственных имен в жизни человека. «С помощью названий фиксируется вся жизнь человека, начиная с указания места его рождения, затем учения, проживания, работы, отдыха, маршрутов любых поездок, информации о других событиях и т.д., – все это записывается в документах с помощью названий стран, областей, городов, улиц, сел, деревень, рек, гор, морей и других объектов» [Поспелов 2002: 7]. Кроме того, необходимо расширять и углублять знания школьников об именах собственных, поскольку в курсе русского языка им уделяется мало внимания.

Изучение ономастики в школе обычно ограничивается констатацией различий между именами собственными (онимами) и нарицательными (апеллятивами). Однако этого недостаточно для плодотворной работы с учащимися. Интересный план программы по ономастическому воспитанию предложен ставропольской исследовательницей Л.И. Луговой. Ее план направлен не только на усвоение основ ономастики в школе, но и на активное использование ономастических знаний непосредственно в жизни [Луговая 2004: 135-137].

Источники изучения имен собственных могут быть самыми различными. Интересные формы занятий предложила Е.С. Лебедева. Она ведет уроки с учениками по их собственным именам и фамилиям [Лебедева 2000: 48-49].

Ознакомление с онимами – это большая и многоаспектная культуроведческая тема. Несомненно, что в имени собственном заключено познавательное, патриотическое и историко-культурное значение. Но для этого надо, чтобы оно заговорило. И задача учителя состоит в том, чтобы научить слушать и понимать слова, чтобы дети овладели ономастическим богатством языка и научились его использовать в своей речи.

Среди онимов особое место занимает топонимическая лексика, которая чаще всего становится объектом лингворегионоведческой работы. Интерес к использованию такой лексики не случаен. Обращение именно к топонимическому материалу в практике школьного преподавания русского языка обусловлено следующими причинами.

Во-первых, топонимическая лексика привлекает внимание своей доступностью, что позволяет использовать ее как объект лингворегионоведческой работы уже в начальной школе. Л. Успенский в книге «Загадки топонимики» пишет, что «топонимы не подвержены никаким колебаниям.

На них всегда урожай. Они не прячутся и не убегают. Идите к ним, они вас ждут».

Во-вторых, топонимический материал представлен названиями, окружающими учащихся с детства, и поэтому может быть собран самими детьми на основе собственных наблюдений. Топонимы довольно доступны наблюдению, классификации; под руководством учителя учащиеся могут овладеть навыками лингвистического анализа топонимов.

В-третьих, именно топонимы являются живыми свидетелями исторического прошлого и настоящего родного края, выраженного средствами языка. В процессе лингворегионоведческой работы можно рассмотреть функционирование, значение и происхождение топонимической лексики, развитие и изменение во времени тех или иных названий. Расшифровка таких названий дает возможность восстановить историческое прошлое родного края. Это особенно важно в российских условиях, поскольку в течение десятилетий под воздействием государственной идеологии из памяти людей сознательно искоренялись географические названия, связанные с народной историей, народными обычаями и традициями. По мнению исследователей, «топонимы выполняют функцию «аккумуляции памяти» – исторической, событийной, мировоззренческой, языковой» [Климкова 2001: 159]. Именно этот пласт языка фиксирует в себе историю региона. Это стало особенно актуальным в последнее время, когда происходит переименование улиц в городах области и возвращаются старые исторические названия. Поэтому работа по лингворегионоведению будет способствовать пропаганде ономастических знаний, будет учить охранять имена и умело ими пользоваться.

Топонимическая система Белгородской области формировалась в течение ряда столетий в сложных географических, исторических и лингвистических условиях, на территории, которая постоянно служила местом соприкосновения, взаимопроникновения и сосуществования родственных и неродственных этнических потоков с востока, запада и юга. Каждая миграционная волна оставляла здесь топонимические, преимущественно гидронимические отложения, создавала свои топонимические модели. Регион с древнейших времен является зоной различных этнических контактов, и поэтому в топонимах Белгородской области обнаруживаются, кроме слов русского языка и диалектной лексики, следы древних народов, живших или кочевавших на ее территории: скифских, тюркских, угрофинских, древнеславянских и др.

Используя топонимическую лексику, можно провести занимательный урок русского языка и одновременно познакомить школьников с наиболее употребительными географическими названиями Белгородской области. Сведения о происхождении городов, рек или других географических объектов разовьют интерес учащихся к топонимике, например, о происхождении названий городов *Белгород*, *Валуики*, *Грайворон* и рек *Оскол*, *Везелка*, *Северский Донец* и др.

Считаем, что из теории топонимики для изучения в школе необходимо отобрать лишь наиболее важные вопросы, которые носят самый общий

характер, и которые будут доступны для школьников. К их числу можно отнести следующие: научное и практическое значение географических названий; что такое топонимика, в чем заключается важность ее изучения; виды топонимов; закономерности возникновения географических названий, этимология некоторых топонимов, способ словообразования отдельных топонимов.

Начать лингворегионоведческую работу по изучению топонимов можно на уроках русского языка, а также в процессе внеклассной работы. Однако следует учитывать, что местный топонимический материал на уроках русского языка можно использовать лишь в том случае, если он соответствует грамматической теме. Нет необходимости насыщать им каждый урок.

В процессе знакомства с топонимами на уроках русского языка могут быть использованы следующие сведения:

1. Этимология топонима, то есть сведения о происхождении топонима. При наличии нескольких гипотез можно познакомить младших школьников с ними. В начальной школе следует активно привлекать «народные этимологии» топонимов и связанные с ними топонимические легенды. При выяснении этимологии следует помнить, что бессмысленных названий не бывает, однако «прозрачных» названий очень мало. Названия часто подвергаются изменениям, вследствие чего их первоначальный смысл может быть полностью затемнен. В случаях смены имени объекта следует проследить последовательность номинаций и причины переименований.

2. Анализ морфемной и словообразовательной структуры топонимов. В этом случае следует отбирать топонимы, морфемная структура которых прозрачна и словообразовательная мотивация легко обнаруживается. Иными словами, необходимо учитывать тот факт, что учащиеся владеют элементарными сведениями по морфемике и словообразованию.

В целом при использовании региональной топонимической лексики следует учитывать следующее:

– топонимический материал, используемый на уроках, должен тщательно отбираться учителем с учетом возрастных особенностей школьников, уровня развития класса;

– в первую очередь следует обращаться к тем именам собственным, которые детям хорошо знакомы и окружают их с детства. Именно такие наименования вызывают наибольший интерес школьников и желание узнать их историю;

– региональная топонимическая лексика должна вводиться прежде всего через текст, а результатом такой работы должно стать продуцирование собственных текстов с использованием региональной лексики. Однако это, конечно, не исключает проведения словарной работы, знакомства с этимологией некоторых географических названий;

– использование такого регионального материала на уроках русского языка обязательно должно носить интегрированный характер: это и обогащение словарного запаса топонимической лексикой, и знакомство с историей родного края, и работа по развитию речи, и формирование «русской языковой личности» (Ю. Караулов).

Методически правильно организованное использование материалов топонимии на уроках русского языка будет способствовать обогащению и развитию устной и письменной речи школьников. Топонимия служит прекрасным средством стимулирования познавательного интереса учащихся к изучению прошлого и настоящего своего края путем поиска связей между географическими условиями местности, историей, языком народа и отражением их в географических названиях. Кроме того, в топонимии Белгородской области мы найдем историю ее заселения и освоения, характеристику природы, значение в формировании русского государства, хозяйственную деятельность и т.п. Несомненен культуроведческий потенциал топонимической лексики. Большая часть топонимических названий возникла еще в глубокой древности, и поэтому очевидно, что такая лексика отражает историю материальной и духовной культуры народа, и обращение к ним в учебном процессе позволит сделать лингвистические знания культурноформирующими.

Важной составляющей лингворегионоведческого аспекта обучения русскому языку в школе является фольклор. Фольклор как школа социального опыта дает возможность глубже понять национальные и исторические особенности народа. Мифы, песни, сказки, легенды, пословицы, поговорки и другие жанры устного народного творчества не просто давали людям эстетическое наслаждение, но и являлись источником необходимой информации. Фольклор естественным образом входит в этнопедагогику, дает богатый материал для этнографии, истории, этнопсихологии. Он формирует художественно-образное мышление у носителей данной культуры, отражает специфику и эволюцию мировидения данного народа.

Изучаемые в школе фольклорные жанры представлены достаточно широко: былины, сказки, исторические и лирические песни, пословицы, поговорки, загадки. Каждый из жанров выполняет свою функцию: дает народную трактовку исторических событий, несет в себе нравственный потенциал, необходимый для формирования личности, содержит сведения, расширяющие кругозор человека, создает необходимый эмоциональный настрой. Все это вместе взятое, оформленное речевыми художественными средствами, отшлифованное многократными, в течение столетий, исполнениями сказителей, представляет собой поистине уникальное культурно-историческое явление, которое по масштабу идей, многообразию жанровых форм и количеству сохранившихся к нашему времени текстов практически не имеет аналогов.

Немало сведений о богатейшем жизненном опыте народа, его нравственно-этических, социальных, семейно-бытовых, религиозных воззрениях можно обнаружить в бытующих в нашем белгородском крае фольклорных жанрах: пословицах, поговорках, загадках, приметах, сказках. В них в концентрированном виде отразились мудрость и опыт бесчисленных поколений наших предков, лучшие черты и качества характера русского человека: трудолюбие, доброта, мужество, великодушие, любовь к ближнему, родному дому, своей земле, Отечеству.

Белгородское устное народное творчество широко представлено малыми фольклорными жанрами: пословицами, поговорками, загадками, прибаутками, которыми так многоцветно была украшена речь наших предков. Так, например, зафиксированные в Валуйском районе пословицы о пословицах убедительное тому доказательство: *На всякого Ягорку есть своя приговорка. На всяку лесть пословица есть.* Вместе с диалектными чертами такие пословицы передают обаяние местного жителя. Поскольку малые жанры фольклора особенно близки школьникам, их изучение особенно интересно на материале местного, в данном случае белгородского фольклора, что стимулирует познавательный интерес школьников к родному языку.

Таким образом, лингворегионоведение в школе – это изучение учениками под руководством учителя местных языковых особенностей. Но что более важно, лингворегионоведение – это ознакомление учащихся с традициями, историей и культурой какой-то отдельной части страны в процессе изучения родного языка, точнее, через факты языка с целью формирования коммуникативных умений и лингворегионоведческой компетенции.

Белгородское лингворегионоведение предполагает изучение прошлого и настоящего нашего края через факты языка, которые, являясь частью культуры, содержат ценную этнолингвистическую информацию о жизни и быте изучаемого региона. Язык выступает здесь как зеркало народной культуры, народной психологии и философии, во многих случаях как единственный источник истории народа и его духа.

Как отмечает Т.Ф. Новикова, для организации системной работы по включению регионального компонента в преподавание русского языка необходимы специальные программы и поддерживающий эти программы УМК, включающий, в свою очередь, дополнительные учебные, дидактические и диагностические материалы. Компоновка предметов и объема времени на их изучение по ступеням начального, основного и среднего образования должна обеспечивать не только целостность педагогической системы каждого конкретного образовательного учреждения, но и условия для эффективной организации образовательной деятельности в рамках современных педагогических концепций и с учетом того разнообразия культурно-образовательных потребностей и запросов, которые проявляются на региональном и местном уровнях. Сам термин «предметные программы» и содержание предметных программ обретает новый смысл, т.к. речь идет не только о научной области, но и о сферах деятельности, практике, рефлексии, поскольку утверждение культурологической концепции образования связано с переходом от общетеоретического представления о его содержании к построению динамических образовательных программ, адекватных им технологий и контрольно-измерительных материалов.

Примером динамической (т.е. гибкой, вариативной, нежёсткой структуры) образовательной программы может стать специальная программа РК. Такие специальные программы необходимы для организации упорядочен-

ного, системного включения регионального компонента в преподавание русского языка. Специальная программа (в нашем варианте – программа-минимум РК) для конкретного региона является системообразующим элементом регионального УМК.

Несмотря на нерегламентированность той части стандарта, что отведена на НРК и ШК, на право разработчиков программ и практиков на определенную свободу в определении содержательных и процессуальных сторон РК, необходимо – с целью преодоления субъективизма в этой сфере – обозначение определенных регулятивов для составления подобных программ.

В структурно-содержательную модель РК в соответствии с заявляемыми новыми подходами должны быть включены следующие сущностные структурные компоненты:

- общая характеристика образовательной сферы (своего рода пояснительная записка): концептуальные идеи, понятие о функциях и структуре регионального компонента, указание на официальные и регулирующие документы;

- содержательное и структурное представление собственно программы РК (Примерной программы, программы-минимум) в виде перечисления направлений, тем, блоков данных;

- система работы по развитию речи в региональном аспекте (может быть представлена как отдельный блок программы-минимум);

- список программно-методических, технических средств, имеющих электронных ресурсов, дидактических материалов, средств наглядности, поддерживающих курс;

- перечень основных требований к уровню подготовки учащихся в заданном направлении; критерии уровня сформированности всех видов заявленных стандартом компетенций, в первую очередь культуроведческой и регионоведческой в ее составе;

- комплект контрольно-диагностических материалов: тесты, вопросники, тексты для диктантов, изложений, темы сочинений, задания диагностического характера.

Изучая русский язык в культуроведческом и регионоведческом аспекте, мы должны стремиться не к увеличению объема новых знаний, а в изменении ракурса получаемых знаний – с целью извлечения культуроведческой информации. Изучение русского языка в культуроведческом аспекте направлено не вширь, а вглубь, не столько за счет привнесения новых дополнительных сведений, сколько за счет углубленного аспектного осмысления тех сведений, которые включены в официальные программы и учебники [Новикова 2007].

Лингворегионоведение обладает несомненным лингвонгводидактическим потенциалом. Обращение к лингворегионоведческому материалу будет способствовать оживлению учебного процесса, активизирует познавательные интересы учащихся, создает положительный эмоциональный фон обучения. Правильно организованная лингво-

регионоведческая работа воспитывает внимание к слову: его форме, значению, назначению и употреблению в устной и письменной речи, позволяет лучше понять, что такое русский литературный (нормированный) язык и что представляет другая часть языка – язык народный.

5.5. Внеклассная работа как путь формирования лингворегионоведческой компетенции школьников

Лингворегионоведческая компетенция – это система знаний о локальной культуре, извлеченная из языковых единиц, обладающих регионально-культурной коннотацией. К таким регионально маркированным языковым единицам относится диалектная лексика, региональная ономастика, лексика регионального фольклора, которая должна будет освоена учащимися в процессе и благодаря изучению языка в его региональной разновидности. Кроме того, лингворегионоведческая компетенция – это совокупность лингвокраеведческих умений, позволяющих полноценно осуществлять речевую деятельность на родном языке применительно к культурному пространству края, региона, города.

Формирование лингворегионоведческой компетенции происходит в процессе использования различного лингвокраеведческого материала, характеристика которого была представлена в предыдущем параграфе. Несомненно, что лингвокраеведческий материал может вводиться в структуру уроков русского языка, однако его использование в силу возрастных особенностей школьников может носить лишь эпизодический характер.

Более широко и многообразно лингвокраеведческий материал может быть использован в процессе внеклассной работы по русскому языку, тем более, что согласно Базисному учебному плану школ России на реализацию регионального компонента отводится только 10-15 % учебного времени и неограниченное количество внеурочного. Т.В. Майорова, разработавшая региональную программу по русскому языку для школ Тульской области, пишет следующее: «Как бы не хотелось расширить рамки школьной программы и увеличить количество часов, отведенное региональным компонентом, основная реализация программы объективно приходится на внеурочную работу, которая предоставляет учителю и учащимся большой простор для лингвокраеведческих исследований» [Майорова 2003: 5].

Внеклассная работа по русскому языку, как и по другим предметам, определяется как составная часть учебно-воспитательной работы, как одна из форм организации досуга учащихся. Под внеклассной работой понимают необязательные, добровольные внеурочные занятия учащихся по предмету, которые способствуют углублению знаний, развитию умений, навыков, развитию интересов, способностей. «Роль внеурочных занятий повышает социальную функцию обучения, они включают детей широкие потоки жиз-

ни, приобщают к массовым видам деятельности, расширяют круг общения» [Методика преподавания русского языка 2004: 444].

Внеклассная работа преследует следующие конкретные образовательные и воспитательные задачи:

- закрепление программного материала по русскому языку;
- углубление и расширение знаний учащихся о родном языке и его закономерностях;
- развитие устной и письменной связной речи учащихся с одновременным развитием их логического мышления;
- пробуждение и поддержка интереса к изучению языка;
- развитие индивидуальных способностей учащихся;
- привитие навыков самостоятельной работы с книгой, с лингвистическими словарями [Внеклассная работа по русскому языку 1997: 5-6].

Для решения всех этих задач успешно может использоваться лингво-регионоведческий материал. Хорошо организованная и систематическая внеклассная работа даст возможность расширить знания о регионально маркированных языковых единицах, глубже раскрывать богатства русского языка в его региональной разновидности. Урок не может вместить того, что интересует учащихся, и все то, что необходимо для формирования лингво-регионоведческих умений, направленных на овладение речевой деятельностью на региональном материале.

Внеклассная лингворегионоведческая работа создает благоприятные условия для удовлетворения индивидуальных интересов учащихся. На внеклассных занятиях учащиеся выходят за тесные рамки учебников, приобретают многие жизненно необходимые навыки – учатся самостоятельно подбирать и анализировать материал, пользоваться справочной литературой. Хорошо организованная внеклассная лингворегионоведческая работа открывает большие возможности для пробуждения у учащихся интереса к изучению родного языка в его региональной разновидности.

До недавнего времени в процесс внеклассной работы вовлекалась небольшая часть школьников из числа лучших учащихся. В настоящее время важнейшим принципом внеклассной работы признается принцип массовости, который требует включения во внеклассную работу по русскому языку всех учащихся. Необходимость массовой внеклассной работы по русскому языку с учащимися вызвана тем, что наше общество ждет от школы всесторонней подготовки подрастающего поколения к жизни, формированию интереса к родному языку, образования и воспитания учащихся средствами этого учебного предмета. Без использования лингворегионоведческого материала, обладающего значительным социокультурным потенциалом, эти задачи не могут быть решены.

При организации внеклассных занятий учитель должен помнить следующее:

- время внеклассных занятий не должно превышать 45 минут;

- занятия должны быть эмоционально-привлекательными, должны строиться на ярком, живом, интересном, доступном для детей материале;
- участие школьников во внеклассных занятиях должно поддерживаться и поощряться;
- организовать занятия так, чтобы ученик вовлекался в процесс самостоятельного поиска и «открытия» новых знаний;
- занятия должны быть разнообразными, проводиться так, чтобы ученики понимали необходимость, важность, целесообразность изучения данного материала;
- материал должен быть посильным, но трудным, ярким, эмоциональным, красочным [Внеклассная работа по русскому языку и чтению в начальных классах 1997: 5-6].

Остановимся на характеристике основных видов внеклассной работы, которые могут быть использованы с целью формирования лингворегионоведческой компетенции школьников.

Организующим центром всей внеклассной работы по русскому языку в школе является уголок русского языка. Он должен помещаться на таком месте, где удобно расположить материал и где все учащиеся могут познакомиться с ним. Уголок русского языка – это центр популяризации знаний о родном языке. Помещенные здесь материалы должны регулярно меняться. Нет необходимости менять весь материал сразу. Материалы уголка родного языка, как правило, размещаются по разделам. Один из разделов может быть посвящен лингворегионоведческому материалу. Это может быть занимательный материал о происхождении региональных топонимов, антропонимов (сведения об именах и фамилиях учащихся класса, о личных именах, наиболее распространенных в том или ином селе) и т.п. Руководящая роль в создании стенной печати, подборе и оформлении материалов принадлежит учителю; но посильную помощь оказывают и учащиеся, и родители.

Среди многообразных форм внеклассной работы по русскому языку особое место занимает беседа. Ее характеризует ряд отличительных признаков:

- во-первых, являясь методом и приемом обучения и воспитания, беседа может быть представлена в разных видах: подготовительная, сообщающая, воспроизводящая, повторительная, обобщающая; такого разнообразия видов не знает ни одна другая форма организации внеклассной работы по русскому языку;
- во-вторых, беседа, в той или иной мере является составной частью всех остальных форм организации внеклассной работы по русскому языку и используется на разных этапах проведения других форм внеклассной работы (утренника, олимпиады и др.) [Организация внеклассной работы по русскому языку 1999: 14].

Главным действующим лицом (организатором и ведущим), как правило, является учитель или подготовленные им ученики. Следовательно,

вся работа, связанна с выбором темы, подготовкой и проведением беседы, требует от учителя серьезных лингвистических и методических знаний. Следует отметить, что в строй методической терминологии беседа характеризуется обычно вопросно-ответной формой проведения.

Беседы по русскому языку, как и другие формы внеклассной работы, должны носить воспитательный и образовательный характер. Организатор и ведущий должен помнить о том, что названная форма организации внеклассной работы будет более эффективна при условии, если материал близок и понятен школьникам. Беседа должна иметь и практическую часть – вопросы и задания, которые могут быть проведены в форме конкурса.

В качестве предмета беседы может использоваться различный лингворегионоведческий материал. Это может быть рассказ о топонимах, о какой-то их разновидности (например, об ойконимах), об антропонимах. В приложении к программе «Социокультурное образование младших школьников (на региональном материале) в процессе изучения русского языка» представлено примерное содержание беседы, которая призвана познакомить младших школьников с названиями улиц города Белгорода. По образцу учитель начальных классов может разработать беседу о названиях улиц любого районного центра области или поселка. Весьма увлекательной для младших школьников будет беседа об особенностях местного говора.

В последние годы широкое распространение получает такой вид работы, как устный журнал. Устный журнал – одна из свободных форм внеклассной работы, предполагающая большую свободу в выборе тематики, периодичности, возрастных особенностей учащихся. Как указывает А.М. Пашкова: «Это познавательное дело-обозрение, представляющее собой серию коротких выступлений (страничек) на темы окружающей жизни, искусства, литературы» [Пашкова 2006: 88]. Устный журнал призван удовлетворить любознательность школьников, поддерживать их интерес к русскому языку, помочь увидеть необычное и новое в уже знакомом и обыденном.

Подготовка и проведение устного журнала позволяют привлечь к работе большое количество учащихся, кроме того, эта форма внеклассной работы позволяет сочетать массовую работу с индивидуальной. В устный журнал включаются доклады и сообщения учащихся, которые могут быть подготовлены самостоятельно, при соответствующей помощи учителя. При подготовке этих сообщений учащиеся могут использовать научно-популярную лингвистическую литературу, справочники и словари. Такую же свободу предполагает и периодичность проведения журнала, который может быть эпизодическим и постоянным. Как одну из форм внеклассной работы его рекомендуют проводить на утреннике или вечере русского языка. В этом случае его может подготовить и провести кружок русского языка как форму отчетного занятия кружка.

Состав участников при подготовке устного журнала может варьироваться. Это может быть кружок русского языка, класс, параллель. По содержанию выделяют два типа журнала: обзорные и тематические. К устным журналам обзорного типа относятся журналы, посвященные культуре речи

или обзорам популярных книг о языке. К тематическим относятся выпуски, посвященные конкретным темам: топонимике, фразеологии и т.п. Журнал должен иметь своё название, например: «Старые и новые названия родного города», «Тайны топонимов», «Устное народное творчество Белогорья», «Слова заповедные» (о диалектной лексике и типах диалектных слов) и др.

Обычно журнал состоит из нескольких страниц (4-6 страниц), каждая страница имеет своё название. При этом названия страниц журнала должны выполнять рекламную функцию. Эта форма внеклассной работы может включать элементы занимательности: наглядность (в оформлении зала, иллюстрации к выступлениям), драматизацию (некоторые страницы могут представлять собой инсценировки). В приложении к программе «Социокультурное образование младших школьников (на региональном материале) в процессе изучения русского языка» представлен устный тематический журнал «Устное народное творчество Белогорья».

Одной из наиболее эффективных форм внеклассной работы по русскому языку является кружок. Основное назначение кружковой работы – «расширить кругозор учащихся по предмету, дать работу сильным учащимся, развивать индивидуальные склонности и способности школьников» [Внеклассная работа по русскому языку и чтению в начальных классах 1997: 25].

Кружок русского языка обычно создается для учащихся одного возраста. Основу кружка составляют, как правило, школьники, интересующиеся русским языком. Однако, кроме них, в кружке могут оказаться и ученики, интерес которых выражен не так ярко. В этом случае «занятия в кружке нередко являются тем необходимым толчком, который способствует появлению и дальнейшему развитию интереса к предмету, улучшению успеваемости» [Ушаков 1985: 122].

Рекомендуемое количество участников кружка – 10-12 человек. В практике кружковой работы сложилась традиция проводить занятия кружка раз в две недели. Однако, «вариант «раз в две недели» допустим в работе со старшими подростками, где на одно занятие отводится до полутора часов, где ученики получают довольно сложные задания для самостоятельных наблюдений, где не только от учителя, но и от ученика требуется серьезная подготовка перед каждой встречей» [Ушаков 1985: 123]. При организации кружка с младшими школьниками занятия рекомендуется проводить еженедельно. Именно такие еженедельные встречи с младшими школьниками не дадут погаснуть интересу, сделают работу по-настоящему систематической и более эффективной.

Лингворегионоведческие кружки могут быть организованы как в сельских, так и городских школах. Объектом кружковой работы в сельских школах может быть диалектная лексика, топонимика, антропонимика. Более подробно остановимся на возможностях использования диалектной лексики в процессе кружковой работы с младшими школьниками.

Лингворегионоведческий кружок дает возможность организовать систематическую и регулярную работу по изучению лексики родного говора.

Приведем примерную тематику кружка «Диалектная лексика», разработанную для учащихся 4-го класса и апробированную на базе МОУ «Шелаевская общеобразовательная школа» (Валуйский район Белгородская область).

1. Организационное занятие (выбор старосты, обсуждение плана работы и т.п.).

2. Выдающиеся собиратели богатств народной речи (В.И. Даль, А. Афанасьев и др.).

3. Литературный язык и народные говоры.

4. Понятие о диалектном слове.

5. Отличительные признаки диалектных слов.

6. Диалектные слова в словарях русского языка.

7. «Что ни деревня, то говор» (наречия русского языка).

8. Живая история нашего села (коренные жители села и их рассказы о прошлом).

9. Названия домашних и хозяйственных построек в говоре нашего села.

10. Названия предметы домашнего обихода в говоре нашего села.

11. Домашние животные и уход за ним.

12. Человек и его семья.

13. Устный лингвистический журнал «Слова заповедные».

Формы и приемы проведения занятий кружка могут быть самыми различными, например: слово учителя, беседа по вопросам, занимательные задания. Кроме того, к каждому занятию школьники должны получать конкретные задания, которые будут приобщать их к чтению научно-популярной литературы, а также отдельные задания поискового характера, направленные на знакомство с лексикой говора.

В процессе проведения кружковых занятий необходимо показать школьникам, что в каждой сельской местности, в том числе и там, где они живут, существует свой «набор» местных языковых особенностей. Эти особенности наслаиваются на общерусскую основу русской речи данной местности, придают ей своеобразную местную окраску.

Ряд занятий кружка (9-12 занятия) следует провести под общим девизом «В поход за словом» и посвятить практической работе – сбору диалектной лексики. Общеизвестно, что собирать диалектную лексику удобнее всего по тематическим группам. Круг тем следует подбирать так, чтобы они были близки и понятны младшим школьникам и вызывали у них интерес. Чтобы нацелить учащихся, облегчить им сбор диалектологического материала, по каждой теме нужно использовать специальные вопросники. Вопросы составляются таким образом, чтобы помочь школьникам выяснить диалектные названия тех или иных предметов, явлений, понятий. Вопрос обычно формулировался следующим образом: «Как у нас в селе называют (называли в прошлом) такой-то предмет, такое-то явление?» Приведем примерный план-вопросник по теме «Домашние и хозяйственные постройки», который может использоваться в процессе знакомства с диалектной

лексикой в начальной школе:

1. Как у нас в селе называют (называли в прошлом) крестьянский дом?
2. Вспомни и запиши, как называют отдельные комнаты, помещения в доме.
3. Как называют чердак?
4. Как называется помещение под полом?
5. Как называются постройки: а) для мелкого рогатого скота, б) для крупного рогатого скота, в) для лошадей, г) птиц?
6. Как называются постройки для хозяйственного инвентаря?

Диалектные слова, собранные учениками, записываются на отдельных карточках, где нужно указывать: значение слова, фраза, в которой оно встретилось, место записи (населенный пункт, район, область), фамилия собирателя и дата записи. Итогом работы по сбору диалектной лексики может стать составление небольшого словаря говора села.

На занятиях кружка можно познакомить учащихся не только с лексикой своего говора, но и с тем, как соответствующие предметы, явления называются в других говорах или в литературном языке. Например, на занятии по теме «Предметы домашнего обихода» можно провести следующую беседу:

Теперь сельские жители, как и горожане, обычно пользуются покупным хлебом. А еще сравнительно недавно многие в деревнях пекли хлеб дома. Для приготовления в домашних условиях использовались деревянные кадушки. Мы с вами знаем, что в нашем селе такая кадушка называется *дежа*. А вот в русском литературном языке и в северных говорах ее называют *квашной*.

И *квашня*, и *дежа* – древние слова русского языка. Слово *квашня* по происхождению связано с такими словами, как *квас*, *квасить*, *квашеный*. Таким образом, слово *квашня* первоначально означало «посуда для квашения, брожения теста». А вот, что означало слово *дежа* точно неизвестно. По мнению некоторых ученых, оно возникло на основе встречающихся в родственных славянских языках слов со значением «смазывать, замазывать, месить».

Подобная работа может быть проведена и с другими диалектными словами (*гличик – кринка – балакирь*; *хлев – стая – катух – баз, хата – изба – курень* и т.п.). Наблюдения над семантикой подобных диалектизмов дают возможность показать школьникам, что народные говоры – свидетели русской истории. Они сохранили названия предметов крестьянского быта, традиционной одежды, пищи, орудий труда.

Кружковая работа с диалектной лексикой убедительно свидетельствует о том, что факты местного диалектного языка, будучи частью народной культуры, содержат богатую этнолингвистическую информацию о жизни и быте региона. Все это делает местные говоры весьма ценным объектом внеклассной работы в школе. Именно диалектный материал дает возможность познать материальную и духовную культуру народа через ее первоэлемент – язык, и именно диалектное слово, отражающее самобытный духовно-

практический опыт народа, является источником реконструкции народной ментальности.

Следует отметить и практическую направленность кружковой работы, направленной на изучение местного говора. Происходящее в настоящее время нивелирование диалектов, утрата ими черт, отличающих их друг от друга и от литературного языка, – это утрата части языкового богатства, обеднение общенародного языка. Собирая и записывая диалектную лексику, учителя сельских школ вместе со своими учениками могут внести определенный вклад в сохранение диалектов, которые являются феноменом культурного национального наследия.

Особого внимания в процессе кружковой работы в сельской школе заслуживает региональная микропонимия – собственные имена мелких объектов, функционирующих в пределах микротерритории и известных узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта. Именно эта категория имен собственных наиболее уязвима. Названия ручьев, лесов, оврагов, частей селения и т.п. нигде не фиксируются и поэтому могут быть безвозвратно потеряны, а ведь они многое могли бы рассказать. Микропонимический материал дает яркое представление об особенностях региона – его физико-географических (ландшафт, рельеф), демографических, исторических, языковых и других характеристиках. Именно микропонимы хранят многое из того, что в живой речи жителей того или иного региона перестает употребляться; в микропонимах запечатлена народная память о том или ином событии, факте, человеке, с которым связано возникновение названия географического микрообъекта.

В городских школах в качестве объекта для кружковой работы могут использоваться топонимы – названия внутригородских объектов: улиц, площадей, переулков, бульваров. Топонимический материал любого города представляет особый интерес для краеведов, так как этот пласт лексики содержит наиболее ценную и богатую информацию об истории самого города, об истории страны, о современной жизни города, о развитии культуры, а вместе с тем, что очень важно, – о русском языке и его истории.

Формы внеклассной работы по лингвистическому регионоведению довольно разнообразны, и внеклассная работа на материале лингворегионоведения может быть организована в школе по-разному. Это и эпизодические мероприятия, и проводимые постоянно и систематически. Следует отметить, что вышеназванные формы – это далеко не единственные способы организации внеклассной работы, и процесс разработки новых форм постоянно продолжается.

В процессе внеурочной лингворегионоведческой деятельности может быть организовано: изучение особенностей быта в родном селе, экскурсии в местные музеи в городе (сведения, с которыми учащиеся познакомятся в ходе экспедиций и экскурсий могут быть использованы как основа для творческих работ по развитию речи);

1) сбор материала, выпуск школьных стенгазет, организация устных журналов, составление тематических словарей местного говора;

2) сбор материала по топонимике, антропонимике, оформление научных работ.

Реализация лингворегионоведческого подхода при организации внеклассной работы позволит повысить мотивационный фактор в процессе усвоения языка, активизировать познавательные интересы обучающихся. Знакомясь с лексикой родного говора, с историей географических названий, учащиеся увидят, как увлекательна работа, связанная с разгадкой происхождения знакомых им с раннего детства названий. Наблюдение над лингворегионоведческим материалом способствует более глубокому проникновению в смысл и содержание слова, совершенствованию у детей навыков лингвистического анализа и раскрытию многих «тайн языка». Кроме того, такой подход позволит формировать стремление самостоятельно добывать знания, а также вооружит школьников элементарными навыками научно-исследовательской работы.

Таким образом, анализ проблем, связанных с дидактическими аспектами лингворегионоведения, позволяет сделать некоторые выводы:

- в структуре культуроведческой компетенции важное место занимает лингворегионоведческая, которая предполагает овладение обучающимися системой знаний о культуре, истории, обычаях и традициях «малой» родины, извлеченных из регионально маркированных языковых единиц;
- регионализация языкового образования школьников может осуществляться за счет реализации лингворегионоведческого подхода в обучении русскому языку;
- современная лингводидактика ориентирована на составление и реализацию программ местной региональной значимости, на изучение языковой ситуации в регионах и использование краеведческого материала в практике школьного преподавания;
- основой лингворегионоведческого подхода в обучении русскому языку является текстоцентрическая организация уроков;
- объектами лингворегионоведческой работы в школе являются: диалектная речь; региональная ономастика (топонимика, антропонимика, ойконимия); региональный фольклор; язык художественных произведений местных авторов или авторов, биографически связанных с краем; живая речь земляков и др.;
- внеклассная работа по русскому языку играет большую роль в формировании лингворегионоведческой компетенции обучающихся;
- в плане дальнейшего исследования предполагается разработка прикладных аспектов лингворегионоведения, уточнение содержания лингвокраеведческой работы по русскому языку в различных образовательных структурах.

Список использованной литературы

1. Быстрова Е.А. Цели обучения русскому языку, или какую компетенцию мы формируем на уроках // Русская словесность. – 2003. – №1. – С.35-41.
2. Голов В.П. Краеведение в реализации базисного учебного плана общеобразовательной школы // Современные проблемы школьного краеведения. Сост. В.П. Голов. – М.: Мин. обр. РФ, 1995.

3. Головина Л.И. Обучение нормам литературного произношения учащихся начальных классов в условиях влияния местных говоров // Русская словесность на рубеже веков: методология и методика преподавания русского языка: материалы международной научной конференции. – Воронеж: ВГУ, – 2004. – С.28-34.
4. Демичева В.В., Еременко О.И., Яковлева Т.В. Социокультурное образование младших школьников (на региональном материале) в процессе изучения русского языка : программа для общеобразовательных учебных заведений Белгородской области. Начальное общее образование – Белгород: Политерра, 2007.
5. Донская Т.К. Русская национальная школа: проблемы и решения: монография. – СПб., 1998.
6. Еременко О.И., Украинская Е.И. Диалектная лексика как средство изучения народной культуры на уроках родного языка // Русский язык и его место в современной мировой культуре: материалы международной научной конференции. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – С. 45-58.
7. Еременко О.И. Использование местного языкового материала на уроках родного языка в начальной школе // Интеграция образования. – 2003. – № 4. – С.157-160.
8. Жиленкова И.И. Региональная топонимика (ойконимия Белгородской области): учебное пособие к спецкурсу. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001.
9. Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русскому языку: учебное пособие. – М.: Наука: Флинта, 1998.
10. Климкова Л.А. Диалектолого-онамастическая работа в вузе и школе: методические рекомендации. – Арзамас, 1988.
11. Ковалев Г.Ф. Задачи лингвокраеведения в средней школе / Г.Ф. Ковалев // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: материалы всероссийской научно-методической конференции. – Воронеж: ВГУ, 1996. – С. 27-36.
12. Кулибина Н. В. Художественный текст на уроках русского языка: цели и методы использования // Русский язык за рубежом. – 1991. – № 2. – С. 20-24.
13. Кулюпина Г.А., Меликова Н.А. Использование гидронимов Белгородской области на уроках русского языка : дидактические материалы для учащихся. – Белгород: БелГУ, 2005.
14. Лингвистическое краеведение: учебное пособие / Л.А. Захарова, Н.Г. Нестерова, Г.Н. Старикова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.
15. Лингводидактический энциклопедический словарь / под ред. А.Н. Щукина. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
16. Литвинко Ф.М. Лингводидактические и психолого-педагогические предпосылки изучения русского языка на текстовой основе // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: материалы 3-й Межд. научн. конф. – В 2 ч. – Ч. 2. – Мозырь: УО МГПУ, 2005. – С.110-112.
17. Лихачев Д.С. Раздумья о России. – СПб.: Logos, 1999.
18. Лунева Л.П. Краеведение как источник обновления современной методики русского языка // Русская словесность. – 2002. – № 6. – С.24-29.
19. Лыжова Л.К. Лингвокраеведение как отражение регионального компонента в преподавании русского языка: методические рекомендации. – Воронеж: ВГПУ, 2002.
20. Майорова Т.В. Кружок местной топонимики для учащихся 8-10 классов // Русский язык в школе. – 1987. – № 4. – С.14-20.
21. Майорова Т.В. Лингвистическое краеведение и его роль в формировании личностных качество подростка: монография. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та, 2007.
22. Майорова Т.В. Региональный компонент образования по русскому языку : программа для общеобразовательных и среднеспециальных учебных заведений Тульской области. – Тула: ТГПУ, 2003.
23. Михайленко Е.В. К вопросу о значении краеведческого подхода в обучении русскому языку младших школьников / Е.В. Михайленко // Теория и практика современной методики преподавания русского языка и литературы: сборник научных трудов,

посвященный 70-летию со дня рождения проф. Г.А. Фомичевой. – М.: Сигнал, 2003.

24. Немгирова И.С. Национально-культурный компонент содержания обучения русскому языку в старших классах калмыцкой школы : Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1999. – 28 с.

25. Новикова Т. Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования: монография. – М. ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.

26. Новикова Т.Ф. Социо- и этнокультурный компонент региональных программ по русскому языку (для школ Белгородской области): учебно-методическое пособие. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004.

27. Новикова Т.Ф. Этнокультурные и лингвокраеведческие составляющие работы по русскому языку в школе // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы 2-го Международного конгресса исследователей русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 560-562.

28. Обучение русскому языку в школе: Учеб. пособие для студентов педагогических вузов / Е.А. Быстрова, С.И. Львовой, В.И. Капинос и др. / Под ред. Е.А. Быстровой. – М.: Дрофа, 2004.

29. Организация внеклассной работы по русскому языку: пособие для учителя. – М.: Изд-во «Владос», 1999.

30. Пашкова А.М. Массовые формы внеклассной работы с младшими школьниками // Начальная школа. – 2006. – № 7. – С.14-23.

31. Пеньковский А.Б. Лингвистическое обоснование приемов работы по устранению диалектного фрикативного [Y] из речи учащихся / А.Б. Пеньковский // Русский язык в школе. – 1967. – № 3. – С.18-25.

32. Попов С.А. Курс топонимики в школьной программе по русскому языку // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы XI Тверской межвузовской конференции ученых-филологов и школьных учителей. – Тверь, 1997. – С. 27-39.

33. Рябикова О.С. Использование материалов «Словаря смоленских говоров» в качестве регионального компонента на уроках русского языка в сельской школе // Разнородные характеристики лексических единиц. – Смоленск, 1999. – С. 166-170.

34. Современный словарь по педагогике / Сост. С.Ю. Головин. – Минск: Современное слово, 2001.

35. Текучев А.В. Методика русского языка в средней школе : учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Просвещение, 1980.

36. Утков П.Ю. Регионализация образования младших школьников // Начальная школа. – 2002. – №7. – С.18-26.

37. Ушаков Н.Н. Внеурочная работа по русскому языку учебно-методическое пособие. – М.: Просвещение, 1985.

38. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: в 6 т. – М.: Педагогика, 1988. Т.4: О первоначальном преподавании русского языка.

39. Федеральный базисный учебный план и примерные учебные планы для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования // Начальная школа. – 2004. – №8. – С.12-19.

40. Шанский Н. М. Концепция образования русскому (родному) языку в 12-летней школе // Русский язык в школе.- 2000. – №2. – С.26-29.

41. Яковлева Т.В. Краеведческая направленность преподавания родного языка // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: материалы международной научно-практической конференции. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – С. 310-312.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что вопросы региональной лингвистики не остаются без внимания специалистов и в последнее время всё активнее обсуждаются на научных конференциях, явление, обозначаемое терминами «язык региона», «региональный язык», «региолект», продолжает оставаться недостаточно изученным, проблемным, чем подчеркивается актуальность, теоретическое значение и практическая польза представленного в коллективной монографии белгородских филологов анализа регионального языкового материала. Значимость издания подчеркивается и тем фактом, что упорядоченное описание особенностей языка отдельных регионов в литературе встречается крайне редко, в частности, специальных работ, посвященных исследованию языкового своеобразия и анализу социокультурной ситуации приграничной Белгородчины, в последние десятилетия не выходило.

В нашей работе Белгородчина рассмотрена как отличный от других регион с присущей ему региональной спецификой; авторами убедительно доказано, что регион отличается культурно-языковым своеобразием, в частности, явлением контаминации украинского и русского языков и культур, объяснимым исторически и географически, что, в конечном счёте, сформировало и специфическую для региона культуру, и языковую особенность.

Поскольку издание, как отмечено, является первой попыткой приведения в систему культурно-языкового материала по Белгородской области, на его страницах представлены лишь некоторые – наиболее очевидные, назревшие – лингворегионоведческие проблемы, в частности, дан современный анализ диалектного, топонимического, художественного, методического материала по Белгородской области, обобщены результаты экспериментально-исследовательской работы, сделаны теоретические обобщения по рассмотренным направлениям. В монографии освещены актуальные проблемы лингворегионоведения как самостоятельной интегративной области знания, установлено современное состояние говоров на территории Белгородской области, систематизированы диалектные и топонимические факты, впервые дан концептуальный анализ поэтических текстов белгородских поэтов, обращающихся в своём творчестве к теме «малой родины», рассмотрены дидактические проблемы, связанные с введением регионального компонента в преподавание русского языка в учебных заведениях, с необходимостью формирования регионоведческой компетенции учащихся.

В работе дано теоретическое обоснование введения таких понятий, как «лингворегионоведение», «лингворегионоведческая компетенция», «лингворегионоведческий подход», определен и включен в научный оборот новый термин «лингворегионализм», сопоставлены понятия «полудиа-

лект», «социолект», «региолект», «региональный язык», исследованы возможности использования лингворегионоведческого материала Белгородской области не только в образовании и воспитании, но и в процессе социализации молодежи. В монографии на конкретных примерах показано, что включение в курс русского языка актуальной для региона языковой и внеязыковой информации позволяет создавать «культурный фон» в обучении и формировать ценностные ориентиры школьников. Лингвокраеведческий курс необходим и в высшей школе, поскольку позволяет студентам интегрировать знания из разных разделов лингвистики, придает филологическому образованию реальную практическую направленность. Решение этой проблемы авторами связывается с включением в обучение программы специального интегрированного курса «Лингворегионоведение».

Разумеется, представленные в монографии материалы не претендуют на полное освещение такой сложной, многоаспектной, по сей день остающейся дискуссионной проблемы, какой является проблема изучения и описания регионального языка. Несомненна необходимость дальнейшего ее исследования в теоретическом и прикладном направлениях, причем необходимы как дальнейшая разработка уже заявленных монографией направлений, так и освоение новых объектов исследования, определение дальнейших путей развития лингворегионоведения.

Перспективы исследования лингворегионоведческих проблем намечаются авторами в каждой из глав монографии. В качестве безусловно перспективных названы социолингвистическое, ономастическое, лексикографическое и ряд других направлений. Реальным результатом работы по лингворегионоведению могут стать составленные молодыми исследователями региональные диалектные и социолектные словари, в т.ч. словари говора конкретного села, города, отдельного носителя языка, «языковые портреты» социальных групп и т.п. Лексикографическое направление в описании языка региона приобретает для нашей области особую остроту и практическую значимость ввиду отсутствия региональных словарей. На этот факт указывает В.К. Харченко: «По степени развития современного языка прежде всего как национального инструмента общения, науки, культуры, общественной жизни словарей <...> может и должно быть на порядок больше».

Насущной задачей становится моделирование содержания и структуры тематического сайта «Язык Белгородского региона» и включение его в действие в ближайшее время.

И самое важное. Чтобы придать деятельности по исследованию и освоению культурно-языкового пространства региона планомерный и систематический характер, необходимо создание на базе действующего в Белгородском университете межфакультетского проблемного семинара «Лингвистическое регионоведение» научного центра (лаборатории) по исследованию языка Белгородской области. Хочется надеяться, что представляемым изданием закладывается первый камень в основание нового научно-исследовательского центра.

Авторы:

Татьяна Фёдоровна Новикова – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания НИУ «БелГУ»

Николай Николаевич Саппа – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ»

Ольга Ивановна Ерёменко – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования НИУ «БелГУ»

Наталья Михайловна Голева – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания НИУ «БелГУ»

Ирина Ивановна Жиленкова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания НИУ «БелГУ»

Вера Владимировна Дёмичева – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования НИУ «БелГУ»

Антонина Ивановна Заикина – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания НИУ «БелГУ»

Элла Михайловна Левина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания НИУ «БелГУ»

Татьяна Викторовна Яковлева – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования НИУ «БелГУ»

Научное издание

ОПЫТ АСПЕКТНОГО АНАЛИЗА
РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА
(на примере Белгородской области)

Под редакцией профессора Т.Ф. Новиковой

Компьютерная верстка *Н.А. Гапоненко*
Дизайн обложки *Д.С. Школенко*

Подписано в печать 03.10.2011. Формат 60x84/16.
Гарнитура Times. Усл. п. л. 13,25. Тираж 500 экз. Заказ 208.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИПК НИУ «БелГУ»
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85